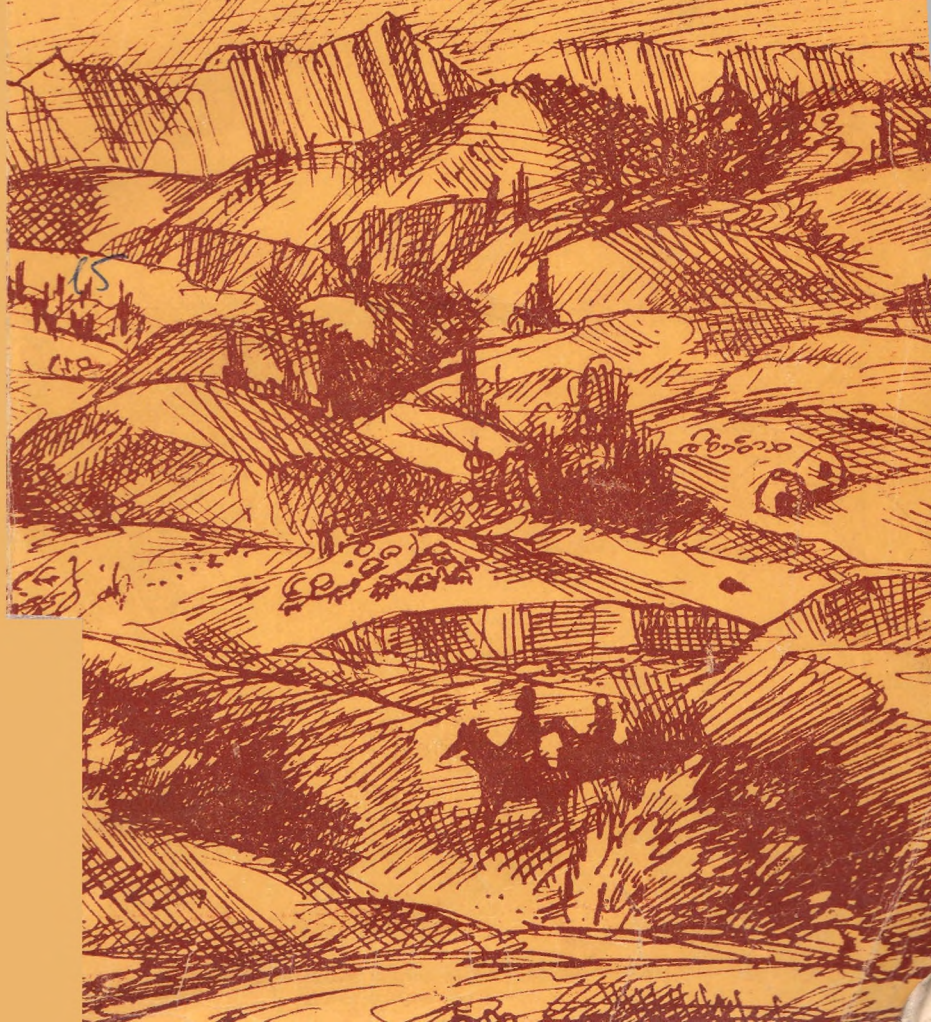

Алыкул Осмонов

ОТЧИЙ КРАЙ

Алыкул Осмонов

ОТЧИЙ КРАЙ

Алыкул Осмонов

ОТЧИЙ КРАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод с киргизского

Фрунзе
«Кыргызстан»
1987

Осмонов Алыкул.

О—74 Отчий край: Стихотворения и поэмы. /Пер. с кирг.; Худож. Д. Джумабаев. — Ф.: Кыргызстан, 1987. — 256 с.

Сборник содержит лучшие произведения, написанные классиком киргизской литературы А. Осмоновым и пользующиеся неизменным успехом у читателей.

О 4702280200—168
М 451 (17)—87 177—87

ББК 84 Ки 7—5

Художник Д. Джумабаев
Рецензент Е. Колесников

Имя выдающегося киргизского советского поэта Алыкула Осмонова (1915—1950) заслуженно называют рядом с именами самых крупных представителей многонациональной советской литературы.

За свою недолгую, но яркую жизнь он создал много замечательных стихотворений и поэм, на русском языке наиболее полно представленных в этой книге, в которых с подлинным вдохновением воспел социалистическое Отечество, великие завоевания и идеалы Октябрьской революции, дружбу братских советских народов, ратный подвиг советских людей в годы Великой Отечественной войны, самоотверженный труд простого человека, ставшего хозяином на родной земле.

А. Осмонов пришел в литературу в начале 30-х годов — в эпоху развернутого социалистического строительства, и в его произведениях, вместивших богатое идейно-художественное содержание, нашли свое отражение значительные явления нового общества, пафос созидательного труда и революционных преобразований, осуществлявшихся в горном крае. А

широко известным поэмам «Воскресшие из мертвых», «Мать», «Кто же он?», «Дженишбек», «Майская ночь», написанным в последние годы войны, свойственны большой накал драматизма, высота патриотических чувств героев, единство их личных и общественных интересов, широта духовных устремлений.

Убежденный глашатай интернационализма, ставшего несокрушимой общественно-политической силой содружества свободных советских народов, поэт воспевал эту силу как источник прогресса, света на земле.

С особым пристрастием он вел тему неразрывной дружбы киргизского и русского народов, богатой русской культуры, русского языка. Это свое проникновенное чувство поэт предметно выразил в стихотворении «Русский народ»:

О чем мой голос радостный поет?
Он воспекает крылья и полет!
Ведь моему киргизскому народу
добыл свободу русский мой народ.

(Перевод И. Сельвинского)

Творчество самобытного поэта значительно обогатило духовную культуру киргизского народа, являясь одной из ярких страниц всей советской поэзии.

В переводе на русский язык уже выходили сборники стихов и поэм поэта: «Мой дом», «Избранное», «Стихи и поэмы».

Считается, что из всех киргизских поэтов Алыкул Осмонов самый «труднопереводимый». Человек земной судьбы, поэт видел жизнь через романтический ветер революционной новизны в бывшем кочевом крае. Стоя на земле, он необычайно широко обозревал ее — как внешним, так и внутренним зрением.

Уловить дух поэзии, превращающий черты простого бытия в предмет искусства, передать все тонкости киргизской поэтики в русском слове — чрезвычайно сложная задача.

Сборник, предлагаемый вниманию читателя, — еще одна попытка решить ее.

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛОДОСТЬ

1932-1940 гг.

Великая эпоха нас взрастила,
На славные дела нас вдохновила,
И стариться нам не велит она,
И не велит жить на земле вполсилы.
Пусть длится вечно молодость. И пусть
Сгорит в огне улыбок наша грусть!

ЛУЧИ ПОБЕДЫ

Над нашей страной, золоты, горячи,
Великой Победы сияют лучи.
Земле мы свободу и мир подарили,
Вперед, комсомолцы, бойцы, трубачи!
Нам жизнь улыбается круглые сутки:
Днем светит, как солнце, как месяц — в ночи!

1932

НАША ЗЕМЛЯ

Раскинувшись привольно и безбрежно,
Улыбками цветов сияя нежно,
Блаженства, счастья, радости полна,
Светла наша земля и безмятежна.

1932

ТРУДОВОЙ НАКАЛ

Пришла весна — и степь зазеленела,
И поле спозаранок зашумело,
На пахоту выходят трактора,
И нет работе края и предела.

Вздымаются пласты земли упругой
Под лемехом стремительного плуга.
И вороной мой следом за гнедым
Без усталости весь день идет по кругу.

Куда ни глянешь — всюду труд упорный,
Ложатся в землю золотые зерна,
Чтоб дружными хлебами зашуметь
В колхозном поле, где душе просторно.

Спешит весна и набирает силу,
И полнит сердце негасимым пылом.
Шагает большевистская весна,
Что нас на славный труд благословила.

1932

ДЕВУШКА-СВОБОДА

Девушка-Свобода, на лице твоём —
Свет зари, зажженной славным Октябрем.
Ты в труде проворна, радостна всегда,
Входишь в дом и счастьем наполняешь дом.

Чем сильнее и звонче о тебе пою,
Тем все больше силу чувствую свою.
Счастье нам в подарок Родина дала,
Приколю гвоздику я на грудь твою.

Сделать жизнь прекрасной в силах мы с тобой,
Лишь взмахни волшебной, крепкою рукой.
Улыбнемся солнцу и людей земли
Созовем на форум дружбы вековой.

Девушка-Свобода, величав твой путь,
Ты всегда и всюду в авангарде будь.
Пусть весь мир увидит, как сумела ты
Ленинское знамя высоко взметнуть!

1933

СТАНЕМ ЗАЩИТНИКАМИ КЛАССА!

Все игры детства связаны с войной,
Мне это вспоминается упрямо.
А вечерами, прибежав домой,
К твоей груди я прижимался, мама.

Как я мечтал солдатом стать!..
Года,
Словно река, бегут, бегут бурливо —
Я оглянулся на себя, когда
Достиг внезапно возраста призыва.

Я, мама, вновь хочу солдатом стать,
И здесь уже не детская забава, —
Мне родину придется защищать,
Мой долг — беречь ее покой и славу.

Винтовка, шашка, сердца гром в груди
Да слово твоего благословенья...
Пусть все еще награды — впереди,
Но нас ведет великое стремленье.

В нас голос революции расцвел,
Мы — ее дети, мы дождемся часа —
И поведет нас в битву комсомол,
И станем мы защитниками класса!

Ты жеребеночком звала меня,
Ругала, если возвращался поздно.
Теперь зовет нас юность вдаль, звеня
Волнующей зарею краснозвездной.

Теперь я слышу, как гремит река,
Мне ясен горный говор необычный,
Зов ветерка и шелест лозняка
Над чуткой тишиною пограничной.

Я слышать голос времени учусь,
Слова его и ритмы повторяю,
Всем напряженьем разума и чувств
Свой класс и свой народ я защищаю.

Живем мы в героические дни,
Нам внуки позавидуют когда-то,
И будущего дальние огни —
Вот комсомольской юности награда!

Мы защитим свой класс, свою страну! —
Пятнадцать лет Союзу молодежи,
На труд, на справедливую войну
Он нас зовет —
И нет его дороже!

1933

КРАСНЫЕ ЛЕТЧИКИ

Большевики!..
Мы особые люди,
Пуля злодейская
нас не берет.
Ветер сечем
богатырскою грудью,
Сердцем стальным
устремившись вперед.
Красные летчики —
дети народа,
Дети великой
Советской страны,
Смело летите
в простор небосвода,
К солнцу летите,
бесстрашья полны.
Пусть будет слышен
на Дальнем Востоке
Ваших моторов
стремительный гром!
Пусть полюбуется
взлетом высоким
Блюхер —
прославленный в битвах главком!
Ваш дирижабль
«Киргизстаном» зовется,
Взлет его
не остановит пурга,
С курса геройского
он не собьется,
В схватке лихой
одолеет врага.
Красные летчики,
Родине милой
В стойкости
вы поклялись в грозный час.
Сам легендарный
нарком Ворошилов
С гордостью смотрит
сегодня на вас.
В мире пока что еще
не спокойно,

Он устремляется
 за облака.
В синее небо
 мы с детства стремились,
Выше и лучше
 мечтали летать.
Пулей фашистов
 разить научились,
Бомбы на них
 научились метать.
Красные летчики,
 дух ваш отважен.
Знаю, что будет
 таким он и впредь.
Если Отчизна Советов
 прикажет,
Сможете вы
 и до звезд долететь.
И донести туда
 ветер Свободы,
И дотянуться рукой
 до луны.
Красные летчики —
 дети народа,
Храбрые соколы
 гордой страны.

1933

РОЖДЕННЫЙ НОВЬЮ

Сердце мое,
 Что так взволновано ты?
Сердце мое,
 Чем очаровано ты?
Знаю: раскрыть
 Можешь ты множество тайн,
Светлых надежд,
 К коим приковано ты.
Может, оно
 Вспомнило что в этот час?
Или — бурлит

Сил в нем несчетных запас?
Знаю, оно
Полнится радостью вновь,
Классом моим
Победоносным гордясь.

«Праведен будь!» —
Мне с колыбели завет.
«Мужествен будь!» —
Помню с младенческих лет.
Твой стригунок,
Мама, на добром пути:
Нынче вручен
Мне комсомольский билет.

Юный джигит
В строгих рядах возмужал.
Воином стал —
В руки винтовку я взял.
Класс мой, тебе
Жизнь без остатка отдам,
Класс мой, с тобой
Верным я ленинцем стал.

Жизнь даровал
Мне песнетворный народ.
Родина-мать —
Славы великой оплот.
Класс мой, в тебе —
Сила и храбрость моя,
Доблестный твой
Путь к коммунизму ведет.

Класс мой, твой путь
Только батырам под стать.
Клятву я дал
Не отступать ни на пядь,
Целость границ
Милой Отчизны беречь...
Мама, давно ль
Шла ты меня провожать?..
Ты не грусти,
Мама, я жив и здоров.
Жди меня, жди,
Будем с тобою мы вновь.

Это письмо —
Встречи желанной залог —
Сын твой тебе
Шлет из далеких краев.

1933

ВПЕРЕД, ТОВАРИЩИ!

Молодая гвардия,
встань, равняя ряд,
Досылай в патронник
боевой заряд!
Во главе колонны —
командир полка,
И пускай дорога
будет нелегка!
Красная граница —
боевой редут.
Белые бандиты
дрогнут, не пройдут.
Мы поднимем саблю —
справедливый меч
За родную землю,
за родную речь.
Мирный труд народа
грудью защитим,
В красном дирижабле
в облака взлетим,
Дождиком свинцовым
недругов польем
И огонь сумеем
погасить огнем!
Если ненавистный
враг пошлет на нас
Облаком смертельным
ядовитый газ —
Все равно, ребята,
не уйдем с поста:
Мы с противогазом
дружим неспроста.
Эй, красноармеец!
Есть в твоей крови

Ярость,
по накалу
равная любви
К Родине великой,
к дорогой земле,
К той, что светит миру,
как звезда во мгле!
Пусть же страх героям
будет незнаком.
Подлого фашиста
в сердце бей штыком!
Защитим Отчизну,
выстоим в борьбе,
С гордостью законной
скажем о себе:
«Вот, глядите, люди,
это я стою,
Я в труде воспитан,
возмужал в бою,
Я зажег для счастья
тысячи огней,
А мое дыханье —
ветер новых дней.
Маузер и шашка
верная моя,
Аргамак крылатый —
вот мои друзья.
Будет враг разгромлен,
и в победный день
Красный, яркий орден
ляжет на чекмень!»
Молодая гвардия,
встань, равняя ряд,
Над тобой знамена
красные горят.
С каждым днем все крепче
боевой редут.
Белые бандиты
дрогнут, не пройдут.
Встали на границе
мы живой стеной,
Красные герои,
щит земли родной!

1933

ПАРТБИЛЕТ

Мой партбилет, ты из бумаги сделан.
Но как же надо верить в наше дело,
Чтоб заслужить тебя, и чтоб душа
Он ненависти к злобе пламенела!

Мой партбилет, мое святое знамя,
Веди меня сквозь революций пламя.
Я оправдаю честь носить тебя
В победных битвах с нашими врагами.

1934

НАС МИЛЛИОНЫ

Отчизна Советов,
ты — светоч свободы.
Крепка ты, как крепость,
единством народа.
Не спрашивай нас.
Комсомольцы готовы
За счастье твое
и к боям,
и к походам.
Твой темп большевистский
врагам не по нраву,
Их бесит твоя
незакатная слава,
Хотят отыскать они повод,
чтоб снова
Толкнуть человечество
к бойне кровавой.
Грозят они миру
оружьем и силой,
Но нет такой силы,
чтоб нас надломила,
Нет силы сильнее
рабочего класса —
Любого врага
он загонит в могилу.
Беснуется враг —
он хитер и неистов,

Гноит он в застенках
борцов-коммунистов.
Но Тельман не сдался,
и встать на колени
Его никогда
не заставят фашисты.

Все зримей опасность,
все ближе и ближе —
Я чувствую это,
я это предвижу.
Стоят у советских границ
наготове
Убийцы,
которых я так ненавижу.
Я слышу,
как где-то
в полях опаленных
Стучат сапогами
фашистов колонны.
Их многие тысячи,
подлых и злобных...
Но нас ведь
в Советской стране миллионы!
Бесстрашно мы силу
фашистскую встретим,
На подлый удар
мы ударом ответим.
Над Родиной нашей,
свободной и гордой,
Весеннее солнце
немеркнуще светит.

1934

МОЛОДОСТЬ

Мы — саженцы зеленые, как тот,
что нами нынче вкопан у ворот.
Но долго ли мы будем молодыми?
Увы, пора весенняя пройдет.

1934

Душа моя волнения полна,
Как пулемет в бою, раскалена.
Чапаевым бы огненным мне стать,
Которому и пуля не страшна.

Вольюсь весной в армейскую семью.
Хочу я, как Чапаев, быть в бою.
Богатых класс, что встанет против нас,
Эй, берегись — я кровь твою пролью.

Равняйтесь все! Эй, слушайте меня!
Я, как Чапаев, горяча коня,
Помчусь всех впереди. И побеждать,
Как он, я буду, Родину храня.

В груди моей — Чапаев молодой,
И враг бежит, не приняв в страхе бой.
Чапаевым меня зовите вы.
Мой смелый класс! Я — новый твой герой.

1934

В ЧАЙХАНЕ

В круг веселый сойдясь,
не скупают джигиты.
Молодые их лица
добры и открыты.

Впереди у джигитов
грядущая даль.
И откуда у них
может взяться печаль?

Вот один разрезает
огромную дыню.
Рядом — горка урюка
и слив темно-синих.

Тут же алые яблоки
и виноград.

«Будьте гостем!» —
с улыбкою мне говорят.

С уважением
чай в пиале подают мне.
Никогда еще
не было сердцу уютней.

Красный клуб молодых,
что открыт в чайхане,
посетить вечером
предлагают и мне.

Прихожу.
Здесь могу почитать я газету
и о чем-то полезном
послушать беседу.

Здесь комузы поют
и дутары звенят,
и вплетается голос мой
в песню ребят.

Здесь незлобивы шутки
и смех добродушен.
Человек с человеком
здесь искренне дружен.

Сердцу сладостно:
несколько светлых минут,
словно лебеди,
девушки в танце плывут.

Юг любимый,
целебный для сердца и взора,
жизнерадостный край,
где и степи, и горы, —

к небывалому счастьем
ты скоро придешь,
коль его созидает
твоя молодежь!

Много прошлых побед
занеся на скрижали,

юг, сегодня шагаешь ты
в новые дали.

С молодежью такой,
чей прекрасен удел,
край мой древний,
ты, кажется, помолодел.

1934

ДЖАНЫ-ТЕСКЕЙ

На землю, где жизнь с каждым днем веселей,
На землю счастливых, свободных людей —
Приехал сюда я с поклоном сыновним
Тебе, незабвенный Джаны-Тескей.

Прими же салам от певца своего,
Прими смысл особенный слова его,
И песню прими, — если станет нам грустно,
Споем, — исцеляет она от всего.

Припомним в былое ушедшие дни,
И в новые глянем, — как сказка они...
Как сердцу привольно в краю обновленном,
Все радостно взору — куда ни взгляни.

Вон взгорок, где бегал я с овцами, — там
Волнуются травы, подобно стихам,
Приветливо клонятся, — встрече с землею,
Взрастившей меня, я ль не радуюсь сам?

Вчера еще мрачный в подоблачной тьме,
В зеленом уборе сегодня Керме*,
Сияет под солнцем подобием счастья,
Которое душу наполнило мне.

Керме, да и вправду ты счастье мое!
Тескей, от богатств твоих сердце поет.
Есть что-то такое в тебе, что невольно
И мысли, и чувства стремятся в полет.

* Керме — название горы (кирг.).

В аиле сегодня не жизнь — благодать.
И женщин, и девушек трудно узнать:
В работе любой им помощница — песня...
А голос одной — и нельзя описать!..

Так пусть хорошеет земля для людей,
Медовую радость пусть дарит Тескей,
Пусть множатся здесь табуны и отары
На благо Отчизны советской моей!

Аил... Все, чем славен Тескей, — это здесь.
Все тут, чем сегодня гордиться нам есть.
А с чем я сравнил бы такое богатство,
Как шутка и танцы, и игры, и песнь?

Проснувшись, встречал я восход золотой.
Мир, свеж и наряден, слепил красотой.
С Керме ручейками отары стекали.
Я был зачарован землею родной.

С высот оглядевшись, наездник-пастух,
Пленись красотой, поднимающей дух,
Вбирая глазами гурты и отары,
Запел сокровенное, радуя слух.

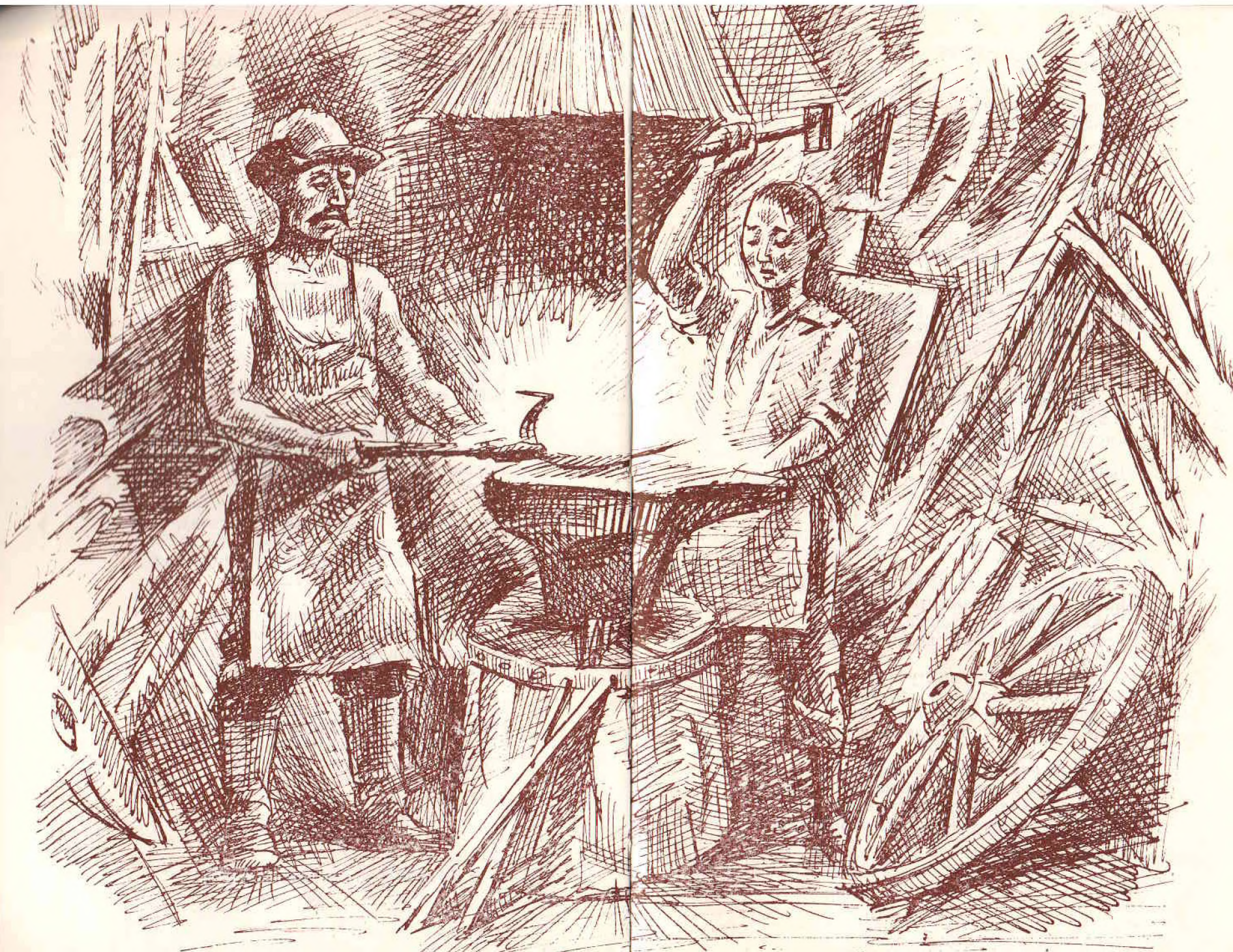
Кунгей*, ты мне силы даешь за двоих.
Я счастлив беседою с ветром твоим.
Под вечер стада ты встречаешь радушно,
Для них раскрывая объятия свои.

Я гордости полон за здешних людей —
Стройны, веселы, расторопны в труде,
Наперсники нашей судьбы обновленной
И дел всенародных, и общих идей.

И с радостью в сердце смотрю я на жизнь...
Пастух и пастушка стоят обнявшись,
И смотрятся лучшей земной красотой,
Богатые тем, для чего родились.

1934

* К у н г е й — второе название Тескея.

ЦВЕТОК

На родимом джайлоо моем,
Каждый год по весне расцветая, —
То зеленым, то красным огнем
Золотистый цветок полыхает.

Чем пленил он меня — не пойму,
Им люблюсь я волей-неволей.
И, чтоб он не увял, никому
Прикоснуться к нему не позволю.

Он растет высоко-высоко,
И к нему, даже крылья имея,
Долететь, дотянуться рукой
Не любой и не каждый посмеет.

Скоро к солнцу взлетят соловьи —
И опять заживу я без грусти.
И цветок лепесточки свои
Снова радугой яркой распушит.

1935

ТРЕВОЖНО СЕРДЦУ

Народ мой счастлив обновленной судьбой,
Во мне живет его защитник, герой,
И, как чапаевская шашка, меня
Зовет зарница в нескончаемый бой.

Ах, сердце, сердце, не стучи так в груди,
Мечта сбывается лишь в долгом пути —
Скорее бы! — но ожиданье мудрей:
Путь начался — и все бои впереди.

Еще я встану на посту: неверна
Перед грозой, тяжела тишина,
Но в миг, когда орудья заговорят,
Как сердце, вздрогнет за спиною страна.

1935

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛОДОСТЬ!

Наивны, неуклюжи и невинны,
Игрушечные домики из глины
Мы строили. И было недосуг
Задумываться нам о жизни длинной.

Но пролетело детство — не догнать.
Теперь о нем лишь можно вспоминать.

Потом нас в пионеры принимали,
Огнем багряным галстуки пылали.
Ни в небе не найду, ни на земле
Тех дней, что светлой радостью сияли.

Нет золотого детства моего,
Как будто ветром унесло его.

И как-то незаметно стал я взрослым,
И не на шутку крепким стал и рослым.
И вот однажды начали меня
Джигитом называть вполне серьезно.

Вослед рукою детству я махнул
И в молодость с улыбкою шагнул.

Хоть мы в ту пору безбороды были,
Нас стариками девушки дразнили.
Счастливее не помню в жизни дней.
Зачем мы только время торопили?

Зачем, скажите мне, мои друзья,
Спешил расстаться с молодостью я?

Великая эпоха нас взрастила,
На славные дела нас вдохновила,
И стариться нам не велит она,
И не велит жить на земле вполсилы.

Пусть длится вечно молодость. И пусть
Сгорит в огне улыбок наша грусть!

1935

БОЛЬШОЕ ГОРЕ*

Революции горнилом закаленный,
Неустанным он прославился трудом.
Умер тот, кто первым в наших был колоннах,
И вошло большое горе в каждый дом.

* Стихотворение написано в дни прощания с В. В. Куйбышевым, убитым врагами народа 25 января 1935 г.

Лишь вчера злодеи Кирова убили,
Нет такого среди нас большевика!
А сегодня на другой скорбим могиле,
Вновь бессильны перед пулями врага.

Можно ль вылечить простреленное сердце?
И вдвойне тяжел нам этот тяжкий час.
Неужель не совладать с коварной смертью?
Силу разума утрой, рабочий класс!

Знаю, есть надежный способ защититься
(Пусть не тешатся, что строй наш поредел):
Все мы станем так, как Куйбышев, трудиться,
Чтобы враг и улыбнуться не посмел!

1935

ЛЮБОВЬ

День счастливый наш разве сполна воспоешь,—
Что за время нам выпало — эй, молодежь!
Гляньте — девушки нынче, как розы, цветут.
До чего же их облик сегодня хорош!

Жизнь счастливая делает краше людей.
Мы ж умеем ценить все прекрасное, эй!
Труд сегодня нас делает выше душой,
Величавее в помыслах, сердцем добрей.

Вновь цветы полыхают в весеннем саду.
Соловьиные трели послушать иду.
Сам не свой становлюсь я в осенние дни,
Птичьих песен не слыша, хожу как в бреду.

Снова пламя в душе и волнуется кровь.
Возвращается молодость. С нею — любовь.
Полон трепета каждый родившийся лист.
Не заставить родник — чтоб не пел бы он вновь.

Пусть свободно и радостно птицы поют,
Безмятежным полетам хвалу воздают,
Пусть, как жизнь, не иссякнет журчащий родник
И поет — как счастливые только поют.

«Нет любви!» — говорят вот уж много веков.
Есть любовь!.. Неспроста весел взгляд стариков.
Не она ль нам дает окрыленность в делах?
Стала жизнью мечта, сбросив тяжесть оков.

Образ девушки — утренний образ зари.
Не с того ли любовь жжет огнем изнутри?
Нет, сердечко мое, ты не зоревый свет,
Нет, не так я назвал тебя, как ни смотри,—

Ты — еще не раскрывшийся нежный цветок;
Как таинственен каждый листок, лепесток...
Что там спрятано в сердце?.. Нельзя заглянуть.
Дня расцвета любви — жду, как солнца — восток.

Намерений дурных не держу я совсем,—
Да, мечтаю о милой я даже во сне! —
Мне сама она слово когда-то дала,
Та, которую знают, по-моему, все.

II

Вижу я, что отец мой, а также и мать
Не стареют душой — словно годы их вспять
Повернули... И в выцветших раньше глазах
Появился огонь — тот, что юным под стать.

У родителей век за спиною большой,
Но они снова молоды стали душой,—
Наступило для всех благодатное время
И любить, и работать, и жить хорошо!

Эй же, мать и отец! — бросьте старое в хлам,
Нынче в праздничном платье пристало быть вам,
Бросьте хижину, выстройте с окнами дом,
Чтобы видели все — хорошо старикам!..

Ты, отец, день-деньской за отарой глядишь.
Мама,— руки сложив, ты ль без дела сидишь?
После дня трудового от белых одежд
Свет в душе разойдется, оденешься лишь.

Стала щедрою жизнь — бедняком не рядись.
Вспыхнул счастья цветок — красотой насладись.

Нам от века дано брать со старших пример.
Да пребудут же старцы, влюбленные в жизнь!

III

Есть джигиты, что крылья теряют свои,—
Чувств стыдась, свысока говорят о любви.
Счастлив я, мой ровесник! Послушай меня:
Что́ как благо дано — благом ты и зови.

День прихода любви не источит быльё.
Как тот солнечный луч хлынул в сердце мое!
Столько нежности в сердце теперь, что кричу
Даже звездам: «Возьмите,— всем хватит ее!»

На работе в колхозе я встретился с той,
Что с луною сравнится своей красотой.
Не скажу, кто она, но скажу, что сердца
Мы друг другу отдали — с мечтою одной.

О-о! — любимая нынче в столице живет.
Ей народом киргизским оказан почет.
Там старательно учится нынче она.
Знаю — помнит и любит меня, встречи ждет.

Фото я берегу... Лик, сравнимый с луной,
Взгляд любимой — игривый, лучистый — со мной.
Повторяю слова, что в письме из Москвы
Написала она, окрыляясь судьбой:

«По тебе и по нашему краю скучаю,
Хоть в Москве пообвыклась и духом крепчаю.
Обучусь вот, приеду домой — докажу,
Что не зря я живу, за себя отвечаю».

Знаю, будет работать она хорошо.
Света в наших горах станет больше еще.
Путь живущих во имя народа людей
Долгой славой бывает всегда окружен.

Не отстать, не отстать от любимой бы мне.
До зари я пишу, забываю о сне.
Я хочу, чтоб века мои книги прочли,
Посвященные юности, нашей весне.

Комсомольцы, шагайте дорогой любви.
Не к лицу нам грустить, прятать чувства свои.
Тот, кто любит, становится тверже в борьбе,
Он в работе сильней невлюбленных двоих.

Будет милой при встрече со мной — двадцать пять,—
Нас разлука сумеет сполна испытать.
Распростится с друзьями подруга моя
И вернется, и будем мы вместе опять.

Но быть рядом — конечно, в любви не предел.
Разве это одно лишь влюбленных удел?
Будем дальше учиться, людьми чтобы стать,
Будем в первых рядах, будем в кипени дел.

О любовь моя, все-таки ты не спеши,
О любимая, часто ко мне не пиши!
Друг мой, жизнь не за тем лишь отпущена нам,—
Людам, делу отдай пыл счастливой души.

Но и все ж пусть свиданье быстрее грядет,
Истомленная грудь полный вдох обретет...
Комсомольцы, в эпоху расцвета любви
Человек, гениальный, как Ленин, придет.

1935

СКОРО

Сильные руки от ссадин багровы...
Время придет, и сорвут с них оковы.
Молодость дерзких рванется, как птица,
В день свой грядущий дорогою новой!

Смерть сторожит их во тьме неизменно,
Кровь их святая стекает по стенам,
Но возгорится великое пламя,
Дверь распахнется неволи тюремной!

Мир озаряя на вечные годы,
Красные флаги поднимут народы.
С запада будет рассвет и с востока
Веять живительным ветром свободы!

1935

МОЕЙ БУМАГЕ

Спокойна будь пока. Пусть со строкою
Строка общается в стихах, рожденных мною.
А кончу петь, тогда ты, не старея,
Храни талант мне вверенный судьбою.

1935

МОЕМУ КАРАНДАШУ

Эй, карандаш мой, тих твой шепоток,
Скребет бумагу черный коготок.
Трудись и не сворачивай с дороги,
Пусть крут подъем и путь еще далек!

Мой карандаш, себя не пожалей!
Истрать себя, но так, чтоб соловей
И жаворонок, и другие птицы
Смогли дивиться песенке твоей!

1935

МОИМ ЧЕРНИЛАМ

Моих чернил напрасно опасенье:
Отдам стихам своей души горенье.
И хоть чернил моих обильны реки,
Я должен исчерпать их вдохновеньем.

1935

ЛЕТАЮЩЕМУ СОЛОВЬЮ

Г...

Пылает сердце в юности,
Звенит тугими струнами.
Любуюсь — до задыха я
Красавицами юными.

Добраться ли мечтателю
До моря, так воспетого,
Характер мой задумчивый —
И трудно мне от этого.

Хочу заснуть — не спится мне,
Исчезнул сон мой начисто.
Упало мне терзание
Мглой омутною на сердце.

Иду я в сад, где празднично
Звучит трель соловьиная,
Букет цветов красавицам
Несу тропинкой длиною.

Красивей всех красавица —
К нам Айчурек является.
Пусть в соловьиных песенках
Все время прославляется.

Киргизские красавицы
Цветут, как зори алые.
Звенят арыки звучные —
Их ждут поля усталые.

Вернись в края любимые
К нам, соловей заманчивый,
Пропой нам трели звонкие
И грусти не замалчивай.

Цветы цветут весенние,
Заря встает каленая.
Петь соловья заставили
Сады, листва зеленая.

1935

СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА

В молодые наши года,
Кто б ты ни был, счастливым будь.
Жизнь сама откроет тогда
Неизведанный, новый путь.

И цветы и ветер побед
За тобою шествуют вслед.
Приведет дорога к луне...
Ты с любимой наедине,
Ваши жизни слиты в одно.
Приходилось так думать мне
И другим, наверно, дано!

Раньше времени встал восход,
А казалось мне: дождь идет,
Он, как друг, упорно шептал,
И настойчиво звал вперед.
Это молодость в нас живет,
Молодое дело нас ждет.
И задуматься обо всем,
Размышлять пора настает.

Я приехал издалека,
Мой аил меня не узнал.
«Кто таков?» — спросил облака,
Принахмурившись, перевал.
То, что глухо ответил гром,
Разобрали горы с трудом...
Видно, я оклеветан был, —
Стал красавице я не мил.

Вот она и вправду сама,
От которой я без ума.
Из колодца воду берет,
Неужели не узнает?
Подойди-ка, щечку подставь,
Я такой, как прежде, представь!
Улыбнись опять мне светло,
Ведь четыре года прошло...
Слез не надо — я жив-здоров,
Под родимый вернулся кров.
Сердце, сердце, свой пыл умерь,
Не волнуйся так, не спеши.
Дорогая моя, теперь,
Как нам быть с тобою, реши.
В разлученье годы прошли,
Без меня цветы здесь цвели.
О тебе единой мечтал
Все четыре года вдали, —
Вспоминал я юности дни,

Звезд мерцающие огни.
Может, я чувствительным стал?
Что поделаешь, извини...
О родных скучая местах,
Я во весь работал размах,—
Не сидел я руки сложа,
Погляди, раздался в плечах.
И, любимая, так скажу:

Рад, что пользу всем приношу.
И горжусь, и счастлив всерьез
Трудовой, рабочей судьбой.
Ну-ка, капельки вытри слез,
Здесь я вновь, стою пред тобой.
Возвратился жив, невредим,
Счастлив тем, что верно любим,
И с тобой, мой вешний цветок,
Я дыханием слит одним.

Ты не раз, должно быть, в ночи
Поджидала меня без сна.
Зажигая пламя свечи,
Чутко слушала у окна.
Я, вернувшись в свой отчий дом,
Был доволен слышать о том,
Что работала лучше всех
Ты в колхозе нашем родном.

Комсомольцы встретить пришли,
— Как, ребята, вы подросли!..
Все колхозники на гумне,
Поработать надо и мне.
— Дорогой ты наш, Алыке,
Долго жил от нас вдалеке,
Изменился и повзрослел!
— На себя бы ты поглядел!..
Аксакалы тоже пришли
И по пальцам годы сочли:
— Да, четыре года иль пять? —

Сбившись, снова стали считать.
Сколько девушек молодых,—
Я с друзьями встретиться рад,
И моя невеста среди них
Не отводит любящий взгляд.

И по взору ее сужу:
Что одной ей принадлежу.

1935

МАЯКОВСКОМУ

В поэзии
с тобой
тягаться не могу,
с тобой,
кто превратил
в оружие строку.

Но Родине
и я
служу по мере сил:
все песни
до одной
ей, светлой, посвятил.

Однако,
старший брат,
оратор боевой,
своим стихом
меня
зовешь ты в новый бой.

И, вслед тебе
спеша,
я жизнь отдать готов,
чтоб, как и твой,
мой стих
стал бомбой для врагов.

1935

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

Убрался прочь мороз.
Стих ветер меж ветвей.

Настраивает голос
весенний соловей.

Озвучен пеньем птиц
мой добрый сад в цвету.
При соловьиных трелях
умолкло все в саду.

К возлюбленной схожу:
пусть милая моя
со мной разделит радость
от песни соловья.

Но в этот раз она
в сад не пришла, увы.
Ах, соловьи! А завтра
к нам прилетите вы?

Пусть длится на земле
цветенья светлый час!
Пусть весны, как надежды,
не покидают нас!

1935

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, малыш... Видишь, люди заснули давно.
Свет луны невесомо струится в окно.
Пусть приснятся тебе интересные сны!
Ну, а я, твоя мать, не засну все равно.

Ночь давно погасила в аиле огни.

Спи спокойно, родной, сладкий сон не вспугни.
Звезды сыном тебя, мой малыш, назовут,
В колыбель коммунизма тебя покладут
И героем взрастят, и, в полет устремив,
Знамя Родины в крепкие руки дадут.

Пусть надежда твой сладостный сон укрепит!

Спи, кровинка моя. Моя звездочка, спи.
Хочешь, мама сыночка на руки возьмет,
Приголубит и к жаркому сердцу прижмет?
О грядущем твоём, о счастливой судьбе
Будет думать в тревоге всю ночь напролет.

Спи, малыш, о своей не печалься судьбе,
Все пути и дороги открыты тебе.
Скоро ножками топтать научишься, сын,
Понемножку смеяться научишься, сын.
Смейся звонче, малыш, чтобы плакали мы,
Вспомнив детство свое в пору тяжких годин.
Не тревожься, сынок, засыпай поскорей,
Скоро будешь играть с ребятней на дворе.
Не замечу, как ты, мой малыш, подрастешь,
Как средь сверстников счастье свое ты найдешь.
И наступит тот год, когда ты в сентябре
В первый раз в нашу новую школу пойдешь.
Спи, малыш, принимай к материнской груди,
У тебя еще целая жизнь впереди.
Ты узнаешь, как были мы духом крепки,
Как вели за собою нас большевики.
Будешь крепко стоять ты, сынок, на земле.
Эти дни, ты поверь мне, не так далеки.
Делу Ленина станешь ты честно служить,
Станешь свято родимой землей дорожить.
И такою же майской порой, как сейчас,
Объяснишься в любви ты, сынок, в первый раз
И любимую под руку нежно возьмешь,
И согреешь ей сердце теплом своих глаз.
Жизнь не просто по-доброму, милый, сложить.
Подрастай и любовью учись дорожить.
И куда бы тебя ни послала страна —
На Восток иль на Запад, — отдай ей сполна
Жар души, молодецкую удаль свою,
Чтоб тобою по праву гордилась она.
Годы быстро летят. Ты, сынок, подрастешь
И к Буденному конником красным пойдешь.
А быть может, матросом захочешь ты стать,
Спорить с ветром морским и покоя не зная,
Бороздить океаны, чтоб было о чем
Сыновьям повзрослевшим своим рассказать.
Верю: будет завидным твой славный удел.
Ждет немало тебя замечательных дел.
Книги Дарвина будешь ты скоро читать,
Будешь Маркса труды глубоко изучать.
Зорким взглядом проникнешь в неведомый мир,
Чтобы счастья людского секрет разгадать.
Ты за дело любое упорно берись
И за правду с врагами бесстрашно борись!
Пусть спокойною будет твоя колыбель,

Пусть достойною будет тебя колыбель.
Срок придет — и звезду твою добрую, сын,
Беспокойная будет качать колыбель.

Спи, малыш мой, печали в душе не тая,
Будет светлой большая дорога твоя.
Звезды сыном тебя, мой малыш, назовут,
В колыбель коммунизма тебя покладут
И героем возрастят, и, в полет устремив,
Знамя Родины в крепкие руки дадут.

Пусть надежда твой сладостный сон укрепит!
Спи, кровинка моя. Моя звездочка, спи.
Спи, малыш... Светлым счастьем наполнены дни,
В коммунизм распахнут тебе двери они.
Ты добьешься всего в долгой жизни, сынок.
Не угаснут твои заревые огни.

Спи, сынок.

Спи, малыш.

Засыпай, дорогой!

Безмятежен и светел

Простор голубой.

1937

НОЧЬ ЛЮБВИ

Подставь свое лицо луне,
Оно в ее мерцанье краше.
Не смейся, слышишь,

в эту ночь

Пускай уста сольются наши.

Подставь лицо! И пусть другой
Здесь тоже в полночь был с тобою,
Ты, как его, меня целуй,
Ведь та любовь была другою!

Мне влажность черных глаз твоих,
Слова твои — дорожке клада.
Внимая им, я как цветка
Вдыхаю прелесть аромата.

О милая,

моя любовь —

Ведь пламя сердца молодого!
Не сплю я больше по ночам,
Горя в мечтах своих бредовых.

Лишь друг мой знает, что я стал
Совсем другим, грустя, где б ни был.
Спешил, а может, опоздал
Луну достать с седьмого неба.

Мне душу песня жжет твоя,
В ночи звучащая так страстно,
Но скрыть игру со мной в любовь
Ты все ж пытаешься напрасно.

Знай, мое чувство никому
Сорвать случайно не придется.
Не расцветет цветок любви,
Покуда счастья не дождется.

Желанная, неужто ты
Не ценишь чуда этой ночи!
Предав луну,— красу небес
Зачем завесить тучей хочешь?

Я знаю, знаю, он далек,
Кто по тебе сейчас тоскует.
Но живы в памяти твоей
Его слова и поцелуи.

Теперь я понял: не для всех
Вот эта страстность ночи дивной;
Она тогда лишь ночь любви,
Когда в сердцах любовь едина.

Мои все думы о тебе,
И даже эта боль отраднa.
Я неповинен пред тобой,
Прости, то юность виновата!

Лишь друг мой знает, что я стал
Совсем другим, грустя, где б ни был.
Спешил, а может, опоздал
Луну достать с седьмого неба.

1937

МОЯ ДОРОГА

Тот славы достоин вполне,
Кто в жизни всегда на коне.
Героя рад сыном назвать
Любой на родимой земле.

Отправляюсь в дорогу и я.
Надеждой меня окрыля,
Рванется мой конь — мой тулпар*,
Под ним задрожит вся земля.

Попоной покрою коня,
Бесценнейший конь у меня:
Держу, а он рвется вперед,
Красивой уздечкой звеня.

Хоть сотни коней приведи,
Мой будет скакать впереди.
Когда я с ним выйду на смотр,
Я знаю, он всех победит!

А кто мне не верит, то тем
Придется остаться ни с чем.
Что мой самый быстрый скакун —
Докажет на деле он всем.

Лишь только держись! Ездока
Конь чует, как русло — река.
Но надо беречь скакуна,
Дорога моя далека!

На ней, как в буран, пыль столбом!
Так мчим мы с моим скакуном.
Иных хоть напоишь водой,
Толкутся на месте одном.

Гони — не гони, где уж им
Быть первыми, слабым таким!
Не сможет никто из коней
Помериться силой с моим.

Конь мчится мой, но впереди
Все та ж бесконечность пути.

* Ту л п а р — сказочный крылатый конь.

Ослабил узду я слегка.
Лети же, крылатый, лети!

Скакун мой, тулпар верный мой,
Лети под счастливой звездой.
Настанет твой час, и тебя
Оценит народ мой родной.

Лети, чтоб с тобой мы могли
Подняться над ширью земли!
Тулпар мой, стремительным будь,
Как сокол в небесной дали.

Вон тени ночной пелены
Зарницею озарены.
Вослед нам с тобой — табуном
Со свистом летят скакуны.

То рядом они, то опять
Тебя норовят обогнать.
Но вновь ты рванулся вперед,
А финиша все не видать.

Кого позади только нет!
Эй горе-певцы, целый свет
Своим восхищу я конем,
Что ж, сыпьте ругательства вслед!

Я видел — подруги и вас
Пришли провожать в ранний час,
Когда мы седлали коней
И пламень свечей уже гас.

Надежду быть первым тая,
Участвую в скачках и я.
Как будто прирос я к седлу,
Едва только сев на коня.

Я быстро ездой овладел.
Стремление — прекрасный удел!
Я знаю, куда мне лететь,
На скачках я дерзок и смел.

Уже позади пики гор...
Стрелой вонзаясь в простор,
Лети мой крылатый тулпар,
Не зря ты отважен и скор.

Скакать нам, рассвет или мрак,
Вполсилы нельзя уж никак!
Сейчас пролетим мы с тобой
Казахские степи Бетбак.

Мне слава быть сильным велит,
Сияя маняще вдали.
Сейчас пролетим Кызыл-Кум —
Пустыни туркменской земли.

Спеша на мечты моей зов,
Будь к трудной дороге готов.
Сейчас мы с тобой пролетим
Над гущей сибирских лесов.

Тулпар мой, выносливым будь,
Чтоб с честью пройти нам весь путь.
Когда целый мир облетим,
Ты сможешь тогда отдохнуть.

Тулпар, ты еще удивишь
Неаполь, Берлин и Париж,
Когда я тебе прикажу,
Ты быстро и их облетишь.

Так мчи же, вперед устремлен!
На землях различных племен
Повсюду пускай после нас
Займется багрянец знамен!

Тулпар мой, пока не устал,
Осилит любой перевал.
Пусть в мире не будет земли,
Такой, где бы он не бывал!

Мой конь подо мной все летит,
И близится славы зенит.
Сдается, что с беркутом я
Охочусь, как юный джигит.

В узде я держу скакуна,
Мне сила им править дана.
Я с детства всегда на коне!
А жизни дорога длинна...

1937

ПУШКИНУ

Стою давно перед тобою
И слов твоих я жду с мольбою,
Но ты, безмолвно и светло,
Все смотришь в небо голубое.

Ты так сурово отрешен
От всех тревог, от всех времен? —
Нет, смотришь вдаль ты вдохновенно,
Мечтой свободной окрылен.

И сквозь мятущиеся годы
Я слышу вешний гул свободы
В твоих стихах — и в наши дни
Он, словно голос ледохода!

Твой — сквозь эпохи — светел взор.
Твои слова с далеких пор
Звучат во мне, и вот мы — рядом,
Хоть и недолог разговор.

Кто песнею живет и дышит,
Тот в помыслах — добрей и выше,
Поймут друг друга соловьи,
Певец певца острей услышит:

Пусть о заре один поет,
Другой же — годы напролет —
О радости и о печали...
Певец певца всегда поймет.

Ведь смысл поэзии глубинный —
Бессмертный голос соловьиный
Да сердце щедрое, куда
Людская скорбь идет лавиной...

Наш мир так светел и певуч! —
Вот солнце смотрит из-за туч,
Вот девушка поет о милом,
Взмывает сокол с горных круч...

Твой гордый дух, твой чистый голос —
И мгла молчанья раскололась:
Монгол, калмык, киргиз, казах
Растят прекрасной песни колос.

О Пушкин, светлый соловей,
Бессмертной песнею своей
Сроднил ты племена и страны,
Смирил забвенья суховой!

Ты — счастлив. Счастлива земля,
Вспоила доли и поля
Мелодия мечты и воли,
Всех сирых — силой наделя.

Поэта солнечный удел —
Сквозь суету случайных дел
Пройти и песнею оставить
Свой след! Ты все свершить сумел.

Ты пел для всех. Так солнце светит,
Так грудь переполняет ветер —
Так сердцу каждому слышней
Мечты и чаянья столетий!

Тулпар, не ведающий равных,
Надежда состязаний славных,
Певцам — певец! — ты все сыграл
На жизни струнах своенравных.

Близки поэты сквозь разлуку,
И песни — ближе всех друг другу:
О Токтогуле вспомнил я,
За нас принявшем скорбь и муку.

Народы — сквозь разлуку — рядом,
И духом, песнею объатым,
Близки великие певцы,
Грядущее пронзая взглядом.

В неведомые времена
Вгляделся ты, поэт. Полна
Твоя судьба — судьбой народа,
Рука — к векам вознесена!..

И я в людской шеренге сущей,
К твоей поэзии идущей,
Как к роднику, — я горд до слез
Судьбой земли моей грядущей.

Под кочевыми облаками
В веках — не памятника камень,
А сердца беспощадный свет,
Жизнь, сотканная из исканий.

Приходят и уходят люди,
Числа спешащих не убудет,
К тебе тропа не зарастет,
Хоть путь познания крут и труден.

В неведомые времена
Вгляделся ты, поэт: полна
Твоя судьба — судьбой народа,
Рука — к векам вознесена!

1937

ТРИ ВОСПОМИНАНИЯ

Дом окружен был садом. Тишина
И солнце затаились в старых кронах.
А в песенках дрозда неугомонных,
Казалось, спорят лето и весна.
Тот старый сад...
Прошло немало лет,
Но через жизнь, полны рассветной ранью
И птичьей песней,
Проливают свет
Три замысла — как три воспоминанья...

И первый миг, и первый день и час —
В росистом утре яркого июня.
Поет пичуга, милая певунья,
Она поет, конечно же, о нас.
Проснешься — голоса и плен цветов,
Весь мир в цвету, в соцветиях, в цветенье,
Ах, юность, ты — цветок,
И я готов
Пить мед тех дней, звенящих в отдаленье...
И помню ночь, и молодежь в саду,
И в мягкий ветер шепот поцелуев
Вплетававшийся,
И где-то на ходу
Обрывки песен помню, грусть почуяв.

Но миг второй — и бури злая мгла
Обрушилась на беззащитность сада,

Листву безжалостно оборвала!
Склоняются деревья и ограда
Перед напором осени слепой —
И где же яблок сладостное пламя,
Где ночь июня — звездный водопой?
Все рушится,
И старимся мы сами.

Миг третий —
Где июнь, где гул осенний?
Нет ничего — лишь голый стылый склон.
Прошла пора любви и потрясений,
Безлюден мир и смертью напоен.

...И думаю об этом, и печали
Полна душа, так рвущаяся жить...
В саду своем я,
Жизнь моя — в начале,
Как мир, любимый вечно, сохранить?
Три кратких мига, три воспоминанья,
Но жизнь — одна, свободна и сильна:
Коль суждены утраты и страданья,
То радость созиданья суждена!
Увидят свет людские поколения,
Им жить и жить во славу бытия...
Оставлю на земле
Стихотворенье —
О нас и о тебе, земля моя,
О молодости, не прожитой втуне,
О братских узах — их не рвется нить! —
О радостном, о ласковом июне,
Которого уже не возвратить...

1937

МУЗЫКА

I

То, что имеет каждый из нас,
тем недоволен бывает как раз.

Часто направлены наши стремленья,
чтобы продлить нашу жизнь хоть на час...

Все мы стремимся сквозь радость и боль
встретить свою неземную любовь.
Но неожиданность, нас оглушая,
тушит надежды свечу вновь и вновь...

В чем же таится несчастий исток?
Вот ты ребенка растишь, как цветок,
но неожиданно смерть подкрадется
и отнимает невинный росток...

Жизнь невозможна без гениев, нет.
Только не в каждом — гения свет
жизнь зажигает. И стоны, и плачи
не принесут нам желанный ответ.

Мысли такие приходят порой.
Горечь утраты попробуй-ка, скрой...
Плачь, коль душевный пожар не угасишь.
Плачь над собой и своею судьбой.

Слезы не смоют с души твоей ночь.
Плачем печаль твою не превозмочь.
В горе поможет тебе только мужество.
Горю слезами вовек не помочь.
Выход найдет только музыка!

В этой печали я так одинок,
словно последний осенний листок.
Только лишь музыка может утешить,
словно воды долгожданный глоток.
Где же ты, музыка? Где же ты? Где же...

II

Время пришло, и ты полюбил —
будто бы сладкого меда вкусил.
Жизнь твоя новым наполнилась светом,
влив в тебя бодрости, радости, сил.
Кто-то счастливей чуть-чуть стал при этом...

Кто-то уехал в закатную даль.
Годы промчались. Их все-таки жаль.

Как друг без друга встречали рассветы...
Встретились вновь, несмотря на печаль,
кто-то счастливей чуть-чуть стал при этом...

Вьюги умчались, настала весна.
Ночь освещает собою луна.
Время свиданий, вопросов, ответов...
Милая знает, что мне не до сна.
Кто-то счастливей чуть-чуть стал при этом...

Слышу — табунщик о чем-то поет.
Ветер мелодию в горы несет.
Выйдет любимая тихою ночью —
знает об этом табунщик и ждет.

Девичья нежность извечно права.
Он ей в ответ подбирает слова.
Ведь перед ним она так беззащитна,
к гриве склонилась ее голова...

Тают забытые угли костра.
Вот и прощаться настала пора.
Песня любви не бывает допета...
И расстанутся они до утра.
Кто-то счастливей чуть-чуть стал при этом...

Видно, что любят друг друга они.
Оба прекрасны — ты только взгляни.
Сбудутся, верю, мечты и приметы —
соединят их грядущие дни.
Кто-то счастливее станет при этом...

Счастье приходит однажды к тебе,
сил прибавляя в нелегкой борьбе.
Все, что ты прожил доселе, неважно.
Радость в твоей поселилась судьбе.

Время такое ни с чем не сравнить.
Солнце резное. И лунная нить
свяжет все ночи в единое счастье.
Сердце стремится весь мир полюбить.

Смех зажигает в глазах твоих свет.
Он не угаснет за кромкою лет.
Узы любви — как крепки узы те!

Смехом всю радость не выразить, нет.
В этом, давайте, доверимся музыке!

Музыка жестов и музыка глаз
радость и жизнь воспевают сейчас.
От колыбели до смертного часа
музыка не прекращается в нас.

1937

КРАСОТА

Я сном забылся —
легким, словно пух.
Открыв глаза,
увидел на востоке
застенчивую,
чистую зарю,
похожую
на первую любовь.
Стояла тишь
в упорном ожиданье
секунды той,
когда неудержимо
лучи польются
на сырую землю.

По мне,
все это было — красота.

А время шло,
клонился день к закату,
и облака веселые
толпой
так трогательно
проводжали солнце,
с которым
только утром повстречались.
Вечернее светило
мне казалось
земным цветком,
что удержать стремится
хотя б еще одно
мгновенье жизни.

По мне,
все это было — красота.

Ночь летняя
спустилась на джайлоо.
И смешивались
голоса джигитов
с девичьими
живыми голосами.
Смех, песни,
звуки милого комуза,
и сытый топот стада,
и недалний
потока грохот,
и луны сиянье
над темными
застывшими горами.

По мне,
все это было — красота.

В такую ночь
на молодое сердце
однажды пала
огорченья тень,
и были вы,
избранница моя,
тому причиной:
я не находил
ни в жестах ваших,
ни в словах спокойных
желанного ответа...
Вас, однако,
и жизнь саму
ни в чем винить не стану.

По мне,
и в этом — жизни красота.

1937

ДЕТСТВО

Во мне это слово
ликует, звеня.
Я чувствую:
мед на устах у меня.

О детство!
Когда-то твой бег торопя,

теперь я
с рассветом сравнил бы тебя.

К высокому полдню
ушла моя жизнь,
и все же прошу:
хоть на миг покажись.

Цветами в горах,
что взошли по весне,
дни милого детства
привиделись мне.

Над ними —
родимых небес высота.
Давно ль я расстался
со словом «ата»?

Где мать моя нынче?
Безмолвствует дом.
Осталась живой она
в детстве моем.

Наивные игры,
беспечность моя
живут
в глубине моего бытия.

На песнь жаворонка
похожий вполне —
мальчишеский голос
не молкнет во мне.

Какая же это
о детстве печаль?
Шагаю уверенно
в новую даль.

Мне весело.
Детство со мною в пути.
Я чувствую силу.
Вся жизнь — впереди.

1937

ПОРТРЕТ

Как о поре цветущей —
целительный бальзам,
о юности
в грядущем
портрет напомним нам.

1937

КЕК-ДЖАЙЫК*

Лежит джайлоо Кёк-Джайык в Джеты-Огузе.
Раздольный край, чьих рек напев живет в комузе!
Здесь юрты — кажется — плывут в волнистых травах,
Так яхты вдоль Невы идут — легки, без груза.

Прибыв, мы спешились, коням свободу дали.
Путь от предгорий труден был, — и все устали.
Народ мой славный чтит в веках гостеприимство, —
Спешат радушно люди к нам — как будто ждали.

И вот уставлен дастархан богатой пищей,
Горит костер, над ним котел бульоном пышет.
Старик, сидящий средь гостей, — хозяин дома,
Нас угощая, не спеша беседы ищет.

Обилен стол, и ты не смей пренебрегать им, —
Давно ль обед киргиза стал таким богатым?
Есть масло, сахар и сыры, в достатке хлеба, —
Все это добыто трудом и делом ратным.

Берет хозяин свой комуз, знакомый многим,
Прочней садится на кошме, скрестивши ноги.
«Спою вам, дети, я о том, что было раньше.
Сидите, слушайте комуз, устав с дороги».

Поведанное хозяином юрты

В год дракона однажды я был в пути,
Дома зернышка даже не мог найти,

* В подлиннике — «Юрта».

Был роднею на юге богач один,
Ради деток к нему я решил пойти.

Вот иду я, уж ночь опустилась мглой,
Тают силы, все дальше очаг родной...
Мимо кладбища я проходил, когда
Два наездника выросли предо мной.

У обоих джигитов холеный вид,
Кони добрые, сбруя легко звенит.
По всему — на свиданье они спешат.
Свет луны по оружию у них скользит.

О, дороги у кладбищ страшны всегда! —
Тут и волки, и всякая тут беда...
Ведь одежду пропавших иных людей
Находили не здесь ли вот иногда?

Кое-кто из ушедших вдаль бедняков
Не вернулся к теплу своих очагов.
Исчезали — что камень в быстрой реке,
Не сумевший пустить по воде кругов.

«Эй! — вскричали они, подскакав ко мне, —
Я едва увернулся от их коней. —
Торопись! Хоть и сам голоднее пса,
Смерть, что ищет тебя, — еще голодней!..»

Страх напал на меня, не могу идти.
Птицей в клетке забилась тоска в груди.
Насладившись смятеньем моим сполна,
Те джигиты сошли с моего пути.

Торопясь зашагал я — и вновь застыл! —
То ли это сон, то ли это былъ,
Но, как вихрь ночной, впереди меня
Что-то встречь пошло, поднимая пыль.

Будь что будет... Хоть что, я решил, явись,
Не явилась бы только о смерти мысль.
В этот миг вурдалака глаза в меня,
Полыхая зловещим огнем, впились.

«Помогите! — вскричал я. — Спаси, аллах!..»
Те джигиты за мной были, в ста шагах,

Но чудовище ужас вселило в них...
Ставши злым, как лев, я утратил страх.

И сразиться теперь был я сам не прочь.
Замелькали когтищи, впиваясь в ночь.
Но сумел вурдалаку я дать отпор —
Молодецкая вдруг появилась мощь.

Был чуть слышен вдали стук копыт коней,
Я в объятиях смерти стоял своей.
И рукою за горло держал ее.
И сжимал все сильнее его, сильней...

И пока вурдалака я так держал,
Я другою рукою достал кинжал.
«Не бывать, чтобы смял меня встречный скот!..»
И ударив, я горло ему разжал.

Дрогнув каменно, встало сердце его.
Исказилось предсмертно лицо его.
Накренься, оседаю скалою, он
С шумом рухнул, и дух ушел из него.

Рук своих я не слышал — ослабили так,
Ног не чувствовал — был неподатлив шаг.
Но какая же радость была в душе! —
Ведь крови моей не отпил вурдалак.

Чу! — из мглы снова топот и храп коней.
Мчат наметом — как будто земля в огне...
Через миг двое путников праздных тех
Подскакали зачем-то опять ко мне.

«О, джигит! — вознесли они руки. — Знай,
Будет в доме твоём добра через край.
Никогда не забудется подвиг твой...
Богатырь, нам добычу свою отдай.

Богатырское сердце — родник любви.
Вурдалака же сердце — в людской крови.
Пусть не золотом полнятся, а зерном,
Умножаясь, мешки и склады твои».

«Что ж, возьмите, — сказал я, — шкура на нем.
Ичиг будет — и в век не сносить вдвоем!..»

А в аилах, где вам доведется быть,
Не забудьте о деле сказать моем».

За работу свою они принялись.
Битый час только шкуру вздымали ввысь.
И хоть вчетверо сложена шкура была —
По земле лапищи его волоклись...

Посмотрите: и вправду я стал богат.
Дожил до напророченных мне наград.
Вы умны и уж поняли, что к чему,—
Кто был тот кровопиец, ужасный гад...

...Стих рассказчик. Луна грустит о своем.
Мы на лодке раздумий сквозь ночь плывем.
Нежным светом окутано все вокруг —
Точно легкая белая ткань на всем.

Отделившись, молчком старики сидят.
Где их мысли? Не в юность ли бег стремят?
Жизни цвет — молодежь — на лужке, вдали,
Веселится, на старцев бросая взгляд.

Эти игры ночные ты не порочь,
Эти игры веселой делают ночь:
Вдруг из песен игра началась на лугу,
Старики оживились — послушать не прочь.

Песня джигита

Гладит косы твои ветерок в тишине.
Подари же улыбку, любимая, мне.
Где б я ни был, лишь образ припомнится твой —
И душа моя птицей парит в вышине.

За зимою весна к нам приходит... И вот
Кочевой караван на джайлоо идет.
Как здесь ветра порывы нежны и свежи,
Как душа здесь легко и влюбленно поет!

Из ночного, купаясь в рассветных лучах,
Я иду, день искристый неся на плечах.
Ты в колодце холодную воду берешь,
Отражается утро в росистых очах.

От восторга я сокола в небо пушу,
Восторгаясь полетом его, засвишу.
Кареглазая, дашь ты мне крылья, когда
Я из рук твоих белых кумыса вкушу.

Дорогая, ты в девичьем возрасте том,
Когда все озаряют собою кругом.
С чем сравнить бы тебя? Ты красива сейчас,
Как раскрывшийся только весенний бутон.

Да, с тобою мечты мои, — лишь позови.
Пусть сжигает, пусть мучает пламя любви.
Всем друзьям я открылся, не в силах таить
Ожиданьем объятые чувства свои.

Улыбнись, подойди же сегодня ко мне,
Погуляем с тобою в ночной тишине.
О, любимая, будет пусть наша любовь
Тем, чего не бывает на свете сильней!

Песня девушки

Свежий ветер и алой зари цветок
Встречи утром на озере знают срок.
Не могу сомневаться в джигите я,
Что открыться в любви принародно смогу.

Как джайлоо цветущее, будет пусть
Жизнь твоя, пусть обходят беда и грусть.
Путь удачливый лодке судьбы твоей,
Никогда в море жизни не тонет пусть!

Знаю; ищешь ответа, забыв покой..
Мой единственный, милый, любимый мой,
Пусть аилу откроется наконец
Счастье нашей взаимной любви с тобой!

Вместе с нами в ночи поет соловей,
Пусть найдет и он отклик песне своей.
Не молчи о любви нашей, лунная ночь,
Рассказать постарайся округе всей.

Редает мгла. Уже вот-вот рассвет забрезжит.
Как ночь былое ворошит, родит надежды!

Костры потухли. Старики уходят в юрты.
Взгрустнулось старцам о себе — о юных, прежних.

Я вспоминаю до утра игру ночную
И славлю край, где простотою нас врачуют.
Приходит сон. И сладко мне, как в детстве, снится:
Под ветром в лодке по волнам я вдаль кочую.

...Лежит джайлоо Кёк-Джайык в Джеты-Огузе,
Раздольный край, чьих рек напев живет в комузе!
Здесь юрты — кажется — плывут в волнистых травах,
Так яхты вдоль Невы идут — легки, без груза.

1937

РАЗГОВОР

К р и т и к:

Скажу откровенно, товарищ поэт:
Стихи твои вовсе не так хороши,
Как ты полагаешь. В них свежести нет,
В них мыслей не слышно, не видно души.
Приносишь ты мне за тетрадью тетрадь
И просишь творенья твои оценить,
А я ничего не могу отобрать
Такого, что стоило б в сердце хранить.

П о э т:

Наверное, критик, ты слеп или глух,
Тебе не постичь мой возвышенный дух.

К р и т и к:

Что ж, спросим читателей. Праведный суд
Они, без сомнения, произнесут.
К примеру, колхозник. Вот, кстати, и он.

К о л х о з н и к:

Признаюсь вам: грамоте я не учен,
Детей на досуге мне вслух почитать
Прошу иногда. И смущаюсь в душе:
Бывает, поэту — всего двадцать пять,

А книжка, я слышу, — седьмая уже!
«Не слишком ли много? — я думал не раз. —
Не слишком ли притки поэты у нас?»
А песни люблю я! Пасу ли овец,
Кошу ли траву — так и хочется петь!
Мелодию сам я сложил, наконец,
А где же слова к ней? Кто может, ответь!
Стихов очень много прослушал я, но
Душе не созвучно, увы, ни одно,
А старые песни я петь не хочу
И... песню без слов про себя бормочу!

Поэт:

Что взять с него? Старый, безграмотный дед!

Критик:

Поищем другого, товарищ поэт!
Вот, скажем, рабочий спешит на завод.

Рабочий:

В газете стихи увидал я. И вот —
Читаю: «Станки громяхают с утра!
Герои-рабочие! Слава!! Ура!!!»
Не всякий, наверное, и различит:
Стихи это впрямь — или молот стучит.
У нас на работе штрафуют за брак —
У вас, сочинителей, разве не так?

Поэт:

Неразвитый вкус! В настоящий момент
Оценит меня только интеллигент.

Интеллигент:

Не знаю, поэты, в чем ваша беда,
Но мало, так мало в стихах новизны!
И в «Полном» и в «Избранном» те же всегда
Знакомые строчки мне сразу видны.
Стандартный набор повторяемых фраз:
«О мой Ала-Тоо! Родной Иссык-Куль!»
Читаешь, зевая, в сотысячный раз —
Полно восклицаний. А нового — нуль!
Так редко хорошую строчку найдешь!
Так редко слова красотой поразят!

Поэт:

Надежда моя — на тебя, молодежь:
Твой вкус не испорчен, твой суд непредвзят.

Критик:

Что ж, спросим у юных. Вот мальчик идет.

Читатель-подросток:

Поэты, что славой своею горды!
Хотя мне всего лишь пятнадцатый год,
Прошу вас принять меня в ваши ряды.
Я тоже стихи сочиняю подчас
Не хуже, чем некоторые из вас.
Вот школу окончу — и буду поэт,
Ведь легче работы, по-моему, нет!

Поэт:

Да, грустно... Должно быть, я впрямь виноват,
Наверное, стих мой и впрямь слабоват.
Одно лишь скажу в оправдание себе:
Немало и трудностей в нашей судьбе.
Скудны тиражи поэтических книг,
Поскольку и весь наш народ невелик.
О Пушкине, гении русской земли,
Я думать и думать готов без конца:
Его понимать миллионы могли,
И это само окрыляло певца.
А я сознаю: для немногих пишу,
И это мне горько, поверить прошу.
Винюсь: опускаются руки порой,
И стих получается вялый, сырой.

Критик (библиотекарь):

К вам, друг мой, имеется просьба одна.

Библиотекарь:

Охотно исполню. Так в чем же она?

Критик:

Найдите поэта, пожалуйста, мне,
Который был в малом народе рожден,

А ныне известен всей нашей стране
И славой за песни свои награжден.

Библиотекарь:

Вот вам для примера хотя бы один.

П с э т:

Коста Хетагуров! Поэт-осетин!

К р и т и к:

Народ осетинский — поменьше, чем наш,
А видишь, какого певца породил!
Прочтешь — и ему благодарность воздашь,
Так что ж ты в свое оправдание твердил?
Не кто-то сторонний — ты сам виноват,
Что стих твой покуда еще слабоват.
В столице живя, ты дорогу забыл
К народным истокам, в отцовский аил.
Высоким призванием своим не кичись,
Учись у народа, у жизни учись,
Лишь если наполнена жизнью строка,
Ее сохранят благодарно века!

(Уходит. Поэт в задумчивости остается один).

1939

* * *

Много детишек съехалось в Кой-Сары,
Ясных, как звездочки — светлого неба дары,
Веселых и резвых, свободных от школьных дел,
Счастливых и солнцем, и отдыхом летней поры.

И были тут мальчик и девочка, первые в том,
Что, где б их ни видели, — всюду они вдвоем...
Другие ребята вместе в игре всегда,
А эти — в сторонке. Воркуют о чем-то своем.

Но месяц минул, — домой уезжать пора...
Пришел пароход, на него поднялась детвора.
Лишь девочка та осталась на берегу —
С цветами в руке, что в лугах собрала с утра.

«Прощай», — прошептала она, — пароход отходил...
Вперед подалась, — разлуки их час пробил.
На палубу девочка бросила свой букет.
И слезы сдержать у них не хватило сил.

А взрослые люди понять не могли ничего.
Все думали — это сестра мальчишки того.
Спросили другого мальчишку — и тот, смутясь,
Ответил: «Наверно, влюбилась она в него...».

А волны, играя, бросались на камни скал.
И солнце слепило, — луч каждый его сверкал.
На пароходе дети дружка развлекать взялись,
Песню они запели — и тот посветлел слегка.

А девочку чайка, с криком снуя над ней,
Заставить смогла забыться
Веселой игрой своей.

1939

* * *

Скакунами быстрыми след в след
двадцать пять моих промчалось лет.
Жизни дни весенние, радость и веселье
помахали вслед, и вот их нет...

Детство пронеслось за годом год,
как стрела, летящая вперед.
Словно песню спетую, лучшую и светлую,
эти годы память сбережет.

Что ж, прощайте, милые года.
Соколом взмывал я ввысь тогда.
В прошлом — сожаление, а надежда — в будущем.
Жизнь, что ждем, прекрасна, как всегда.

1940

ДЖАЙЛОО

Гостю аила каждый хозяин рад.
Щедро приветят: накормят и напоят.
Мчит благодатные воды чудо-река,
В ровном лоне джайлоо не зная преград.

Радует глаз трава молодая вокруг.
Нежны ее объятья — как материнских рук.
Всюду цветы, — я отлично их в детстве знал,
Что же теперь названий не вспомню вдруг?

Тесно деревья толпятся, точно в саду.
Что в их чашобе, дружно куда идут?
Тут мы играли, собирали сучки на дрова...
Дорого всё! Следы мои детские тут.

Здравствуй, река! Ходил я к тебе за водой.
Шли с коромыслами — я и товарищ мой.
Жадно дышали, первым спеша прийти.
Пил из ведра один, пил из ведра второй.

Ветер, листвою шумящий в кронах дерев,
Помнишь проделки наши? — как, на теленка сев,
Мчались на нем, ликуя, как на коне,
Словно бы взрослые, белый колпак надев?

Горы и доли, по вас — тай — не тай —
Цепочкой грусть пробегает сквозь чувства мои.
Если беречь джайлоо, зная цену его,
Сонмы богатств подарит оно своих.

Силы вдыхает джайлоо в каждую грудь.
Горный простор продлевает жизненный путь.
Жители тут крепки, душою чисты.
Мир безмятежный джайлоо, вечно пребудь!

1940

СВОБОДНАЯ ПЕСНЯ

1941-1945 гг.

Утихни же, огненный ветер,
Несущий нам горечь утрат.
Пусть воины, смерть свою встретив,
Спокойно под звездами спят.

ВЫСОКОГОРНОЕ ДЖАЙЛОО

Доступно джайлоо наезднику прежде всего.
С объятием девушки схоже объятье его.
Вдохнет оно радость, посеет в душе благодать
Серебряным звоном воды, ветерка и снегов.

Ну где еще слаще кумыс на земле у нас есть?
Попьешь — и почувствуешь: впору достать до небес...
Шипит он и пенится он в расписной пиале.
За той пиалой о многом я думаю здесь.

С той силой, с какою нам к милым стремиться дано,
Во все, что имеет, джайлоо навек влюблено.
Заливист и чист смех у здешних девчат и парней —
С душою, как шелк, тут родиться на свет суждено.

Красивые люди под небом джайлоо живут —
И песню, и шутку, характер бесхитростный чтут.
Повсюду, как в праздник, пленяя своим волшебством,
Мусы и Атая мелодии слышатся тут.

Но здесь же услышишь мелодии Карамолдо* —
Как голос истории, голос минувших годов, —
То слышится плач в них, то жуткий, безудержный смех,
В мелодиях этих — дыхание зноя и льдов.

Как море, огромен народный наш эпос «Манас».
Три месяца слушай — все длится и длится рассказ...
Какое богатство таится в народной душе!
Все это вдохнуло джайлоо, наверное, в нас.

1944

* Муса и Атай, Карамолдо — известные комузисты.

ЛЮБОВЬ И Я

Что такое любовь?
Ты явилась как чудо.
Уходя, обожгла меня
адским огнем.
До чего же недолго
(о первое чувство!)
были счастливы мы
в этом мире земном...

И вторая любовь
оказалась короткой,
хоть слова подкреплялись
горячей слезой.
Уходя, не она ли
с улыбкою кроткой
оплела мое сердце
холодной змеей?

С третьей было мне
тоже, пожалуй, несладко.
Третья метила
душу мою отравить.
Только веру в любовь,
хоть и жил я нескладно,
никому не удастся
во мне умертвить!

1944

ЛУНЕ

Пятнадцать дней тебе, луна!
Как ты светла, кругла, ясна!
Весна в природе, ночь прекрасна,
Долина сном опьянена.

Май, белоликий, дивный май!
Преображен мой горный край.
Его красу не описать мне —
Хоть карандаш в сердцах сломай!

Какая ночь! Она сейчас
В шелка одета и атлас.
О ней стихами не расскажешь:
Всего лишь тень — любой рассказ.

Долина сном опьянена,
А молодежи — не до сна.
К весенним играм, будоража,
Зовет красавица-луна!

И смех, и шутки там слышны,
На дружном празднике весны,
И кажется, что видно даже
Улыбку на лице луны.

О, если б ясная луна
Всегда вот так была полна,
О, если б молодость навечно
Нам под луной была дана!

1944

ПОЧЕМУ ЗАПАЗДЫВАЕТ

Весне 1942 года

Помню я, помню, как несколько лет
Здесь составлял не один я букет.
В этом году — холода до сих пор,
Дивное диво — весны еще нет.

Что же случилось? Века, как кудель,
Вились всегда, приходила капель
В месяце этом. Обессилев в пути,
Может, весна ослабела теперь?

Что же тогда? В чем же этого суть?
Может, весны стал медлительней путь?
Или обижена чем-то на нас,
Может, цветов посадили чуть-чуть?

Люди измучились, скот стал худой.
Что ж ты, весна, не приходишь весной?
Или лицо изменилось твое
Вдруг от случайной болезни какой?

Нет, не устала ни капли весна,
Нет, не обижена, не стеснена.
Вот подоплека, причина всего:
Ранена пулей немецкой она.

Солнце встает, заливая всю высь,
Нашей весне возвращаем мы жизнь.
Мы отомстим за нее... Супостат,
Что же ты сделаешь, чтобы спастись?

1944

НЕ СМЕЙСЯ НАДО МНОЙ

— Подобен он бескровной, бледной тени,
Безрадостный, как серый день осенний,
Что ищет он один в полях пустых? —
Так спрашивает милая в смущенье.

Ты не ошиблась: хмурый, одинокий,
Я с тишиной шепчусь во тьме глубокой.
В полетах сокол корм находит свой.
Я нахожу стихов грядущих строки.

Я человек, я просто Алыкул, —
Как выражу событий смутный гул?
Ужели мой народ когда-то скажет,
Что я его надежды обманул?

Все подвиги великой нашей эры
Хочу вместить в стихов моих размеры,
И летопись создать, и вознестись
Неизмеримо выше Алишера*.

Но почему смешно тебе все это?
Тобой, как солнцем, жизнь моя согрета,
Стихи светлеют мрачные мои
От твоего таинственного света.

Ты не ошиблась: хмурый, одинокий,
Я с тишиной шепчусь во тьме глубокой.
В полетах сокол корм находит свой,
Я нахожу стихов грядущих строки.

1944

* Легендарный святой.

РЕКА ТЮП

Темнеет. Я скачу
на взмыленном коне.
Шумит широкий Тюп
в вечерней тишине.
И вот уже стою
на берегу безлюдном.
Где брод? На берег тот
как перебраться мне?

Знакомых окон свет
отсюда вижу я.
Темнеют в небесах
деревьев остря.
В последнем из домов
на улице тенистой
там Қанымкуль живет —
любимая моя.

Исходит от нее
прекрасный дух цветов.
В глаза ее смотреть
часами я готов.
Я ей не очень люб.
И тетке не по нраву.
Не пахарь, не кузнец,
всего — слагатель слов.

Чтоб тетке угодить
и Қанымкуль моей,
не поступить ли мне
в колхозники скорей?
Слова-то у меня
никто отнять не в силах.
Им вызреть в душе,
как золоту полей.

Спешу. Однако путь
рекою прегражден.
Конь взмылен подо мной,
и в звездах небосклон.
Спешу. Скорей бы мне
к айлу перебраться,
пока заветный дом
не погрузился в сон...

1944

ЛОВЕЦ СЧАСТЬЯ

Чтоб тебя поймать, я расставил сеть.
Не попалось ли — прихожу смотреть.
В прошлом у меня — сожаленья след.
Впереди же — твой долгожданный свет.

1945

В ПУТИ

Счастье, как водитель, чей нечуток нрав,
проезжало мимо, голову задрав.
Хорошо, хоть нынче, в середине дня,
в путь оно с собою увлекло меня.

1945

РОССИЯ

Любви к тебе, Россия, нет предела,
Безоблачен твой синий небосвод.
Во мне ты человека разглядела
И сделала народом мой народ.

1945

ПЕСНЯ ПОДЪЕМА

Мост так тяжел, так прочен.
Он целиком из стали.
Одиннадцать джигитов,
пот проливая, встали.
Ну, взяли, взяли!
Ну, взяли, взяли!

Не двигается с места
тот исполин в металле.
Одиннадцать джигитов

уже чуть-чуть устали.

Ну, взяли, взяли!

Ну, взяли, взяли!

А, ну, давайте скопом

наладим переправу,

чтобы на эту реку

была у нас управа.

Ну, взяли, взяли!

Ну, взяли, взяли!

А, ну, давайте скопом!

А, ну, давайте споро

для нового канала

свернем немного горы!

Ну, взяли, взяли!

Ну, взяли, взяли!

Вкруг озера проложим

пути мы раньше срока.

Придите, посмотрите —

вот новая дорога.

Ну, взяли, взяли!

Ну, взяли, взяли!

Смотрите с удивлением

на силу человека.

Мы подняли на плечи

металл стального века!

Ну, взяли, взяли!

Ну, взяли, взяли!

1945

БУКЕНТАЙ

Кто на день падает сто раз и столько же встает?
Уже курносой Букентай пошел четвертый год.

Порой смеется, а порой не в духе Букентай.
Зато болтливее любой старухи Букентай.

С бараньей костью в кулачке задремлет невзначай;
Не морщась, пьет кумыс — на то киргизка
Букентай!

Частенько просят старики: «Ты спой нам что-нибудь!»
Зажмурит глазки Букентай и, не чинясь ничуть,

Затянет песню: «Дорогой отец мой, приезжай!
И днем и ночью о тебе скучает Букентай...»

И всякий раз от песни той взгрустнется
старикам.
Горошинами побегут слезинки по щекам.

Уже три года, как пришло известие о нем:
Он смертью храбрых пал в бою и не вернется в
дом.

Стоял за родину отец девчурки Букентай.
Он отдал жизнь за свой народ, за свой родимый
край.

И девочку ласкают все в ауле — то и знай.
Как много любящих отцов у нашей Букентай!

1945

О, МИЛАЯ МОЯ

Балыкчи — вот озера начало.
Серые вокруг нависли скалы.
Хоть, как камень, здесь тверда земля, —
девушки и нежны, и красивы,
и стройны, и гибки, точно ивы.
Краше всех ты, милая моя.

Пароход придет сюда однажды,
сколько простоит — не знаю даже.
И гудок его взлетит, маня,
Спешно стану в путь я собираться.
Коли не успеем попрощаться,
вслед махни мне, милая моя...

Незаметно тянется дорога.
В небе звезды загорятся к сроку
на исходе золотого дня.
Капитан предложит мне каюту,
но душа не тянется к уюту.
Мне не спится, милая моя...

К тишине привык ты, как к рассвету.
Черпыкты в огнях, что ночью этой
весело сверкают, не тая
смеха и улыбок... Ночь глубока.
Я не знал, что будет одиноко
без тебя мне, милая моя...

Ты, как стебель яблони весенней.

Я, как ветер резкий и осенний.

И судьба у каждого своя...

Все пройдя, и радости, и муки,

умоляю — даже в дни разлуки

будь счастливой, милая моя...

1945

КРАСАВИЦЕ

Прощай, мой друг, — расходятся пути...

Не жди, не вспоминай и не грусти.

Влюбленности, как в годы молодые,

Уж не бывает после тридцати.

Простимся же! Любовь теряет силу.

До наших встреч ты мне казалась милой...

Сложна и утомительна любовь,

Когда за тридцать лет перевалило.

Голубка соколу дала приют.

Тебя любил я несколько минут...

Любовь — не только в губы поцелуй,

Любовь — огонь, что в сердце берегут.

Ты — сад, твои плоды в час утра ранний

Отведал путник, утомясь в скитанье.

Любовь — не только в щеки поцелуй,

Любовь — как буря в темном океане.

Тебя сравню со спелым виноградом.

Покою не найти с тобою рядом...

Любовь — не пенье захмелевших уст,

Любовь — душа, отравленная ядом.

Сладка любовь красавиц и горька.
Вам обмануть не трудно простака.
Вы цените любовь, быть может, так же,
Как платья модные или шелка.

Мне ж дороги всегда одни черты,—
Найду ли их средь вечной пустоты?
Ты мне не верь. Смешно мне все, что было...
Ведь я обманут так же, как и ты.

1945

ГРУНЕ САВЕЛЬЕВНЕ

Из рук меня кормила ты, бывало,
Сластями, словно сына, баловала.
«Пусть поправляется,— твердила ты,—
он слаб...»

И на рассвете для меня вставала.

Я все писал стихи, порой кидая,
Порой удачные на свет рождая.
А ты печалилась: «Уж больно тощ сынок...»
И плакала, мои часы считая.

Прошел и март. Апрель к концу подходит.
Летит журавль. На речке гуси бродят.
— Ну что ж, пора домой. — Гляжу в окно:
Коня к крылечку старому подводят.

Ты вышла проводить меня в дорогу.
Взглянув коню в глаза, седло потрогав,
Пожала руку мне, и крупная слеза
Скатилась и упала у порога.

Я далеко. Я жив, моя родная.
Не сетуй, что к тебе не приезжаю.
Слезой матери была твоя слеза,
Хоть ни отца, ни матери не знаю.

1945

ХОРОШАЯ КНИГА

Душевный спутник нашей жизни — книга.
В ней пламя сердца трепетно до мига.
В ней все найдешь, что только пожелаешь.
В ней ясной станет сложная интрига.

В хорошей книге светлый разум дышит
и чувствами твоими тонко движет.
Меняешься и сам ты незаметно.
Крылами книга над тобой колышет.

Идущие за нами поколения,
и вы, мои друзья, не знайте лени —
до гробовой доски дружите с книгой,—
живущая в ней мысль не знает тленья.

1945

ВСЕМ СЕРДЦЕМ

В колхозах людей именитых не счесть,
В цехах мастеров знаменитых не счесть,
Немало талантов в искусстве, в науке,
И воинам доблестным слава и честь.
Прекрасна родная Отчизна Советов,
В ней всюду достойные граждане есть.

В любом начинанье они впереди,
У каждого жаркое сердце в груди.
В Верховный Совет выбираем мы лучших
И лучшим свои голоса отдадим.
Они оправдают доверье народа,
Которым сегодня мы их наградим.

Среди кандидатов — артист и поэт,
Ученый, дарящий нам разума свет,
Колхозник — творец урожаев высоких,
Рабочий, постигший рекорда секрет.
За каждого я голосую всем сердцем,
За мир голосую, что мною воспет.

1945

ЧЕЛОВЕК

Человек душевен теплом,
Если друга он привечает.
И сидят они за столом,
Угощаясь душистым чаем.

В окно тихо струится мрак,
Но не хочется расставаться.
Все горюют друзья, что так
Стали редко они встречаться.

Да, не долгод людской наш век.
Дунет в очи однажды вьюга —
И останется человек
На огромной земле без друга.

1945

САЛЮТ

С каждым салютом в небе Москвы
Ближе победы день долгожданный,
В небе, не ведающем синевы,
Людям виднее день мира желанный.

Сила, идущая с гор и долин
Родины нашей, от края до края,
Горло твое сжимает, Берлин,
Логово хищника разрушая.

С каждым салютом ликующий гром
Нам все слышнее в весеннем разбеге,
Ласточка счастья вернется в наш дом,
Знаю — вернется, знаю — навеки!

С каждым салютом над отчим гнездом
Ярче надежда горит в человеке,
И голубь мира вернется в наш дом,
Знаю — вернется, знаю — навеки!

К нам возвратится все, чем жила,
Счет ожидания ведя по минутам,

Родина,—
Таает ненастная мгла
С каждым салютом, с каждым салютом!..

1945

СОВРЕМЕННОМУ

Молодость умчится, не вернется вновь,
К подвигу себя ты с юных лет готовь,
Чтобы каждый шаг твой звонким был, как песня,
Чтоб не гасли в сердце вера и любовь.

Сделать жизнь прекрасной в силах только ты,
Не гони крылатой, пламенной мечты.
Девушкой в объятия даль бежит навстречу,
Не страшись достигнуть звездной высоты.

В этот мир цветущий дважды не придешь.
Что весной посеешь, осенью пожнешь.
Оглянись, подумай, что сумел свершить ты,
Поразмысли — так ли на земле живешь?

Тот, кто не умеет факелом гореть,
Обречен до срока чахнуть и стареть.
Так живи, чтоб солнцем жизнь твоя пылала,
Чтоб о днях минувших не пришлось жалеть.

На дороге ровной не топчись, не стой,
Не томись надеждой зыбкой и пустой,
Вдохновеньем жарким грудь свою наполни,
Светлыми стихами Родину воспой.

И наполни сердце солнечным теплом,
И эпоху нашу возвеличь трудом,
Встань делами вровень с временем героическим,
Заложи свой камень в наш прекрасный дом!

1945

МОЕЙ ДЖЕНЕ *

У дороги большой наш аил Кайынды.
Вечер. Стадо идет... Все темнее хребты.
В табуне я коня выбираю гнедого
И скачу — так, что пыль заметает следы...

Вслед ушедшему дню я лечу на закат.
О, как в детстве любил на коне я скакать!
Мчался, с поездом споря, с востока на запад,
Скакуну моему чтобы славу снискать.

Юность, в годы свои где гнездо ты вила?
Ты в цветущем саду соловьином была!
Я резвился — дитя небывалой эпохи —
Жеребенком, не знавшим удил и седла.

Лет пятнадцать спустя вот, собрался я в путь —
Детства край повидать и душой отдохнуть.
И джене, мне бозо** подавая при встрече,
Кем же стал я, спросила, смущаясь чуть-чуть.

И вопрос этот словно ударил меня.
Грудь и разум наполнились жаром огня.
Сам себя я давно называю поэтом,—
Значит, в то, что поэт я, не верит родня?

Не ответил, смолчал я. Расспрашивать стал
О здоровье, аиле, о тех, кого знал.
Сам же думал: так значит, в плену самомненья
Я — на деле — еще ничего не создал?

Что ж, трудись, поспешай, расправляя крыла,
Мчись, как крейсер,— какой бы волна ни была!..
За горами прожитого тридцатилетья
Столько дел впереди, и какие дела!..

1945

* Д ж е н е — жена брата.

* Б о з о — напиток домашнего приготовления.

Приехал ко мне Суюм, милый друг Суюмкул,
 Давно уж мы не видались, не раз я о нем взгрустнул.
 Дней пять у него гостил я в аиле Кызыл-Туу,
 И этот приезд к Суюму немало в меня вдохнул.
 Повсюду сыпала осень золото в закрома,
 Повсюду стоял немолчный работы колхозной гул.

Аил — точно сад огромный, деревьев несчетно тут.
 И русские, и киргизы в том пышном саду живут.
 Живут они, словно братья — порог на порог глядит,
 И дело у них едино, и общий взаимный труд:
 Киргизы пасут отары, приумножая их,
 А русские — сеют, пашут, хлеба золотые жнут.

И Баялы — председатель — знакомец давнишний мой,
 Вежливый в обхожденье, с детской, простой душой,
 «Мама» — старушке русской ласково говорит,
 И сам для нее он тоже — как будто бы сын родной.
 А в праздники здесь комузы с гармошкой находят лад,
 Песни разноязычные песней плывут одной.

Да что там комуз, поскольку сроднил их давно в трудах
 Каждый кирпич и камень в выстроенных домах!
 Идут эти люди твердо в счастливый грядущий день.
 Пусть крепится жизнь их дружбой в добрых
 людских делах!
 И русские, и киргизы сделались так близки,
 Что даже родных хоронят они на одних холмах.

«Салам, — произносит русский — глаза излучают свет,
 «Алейкум», — старик киргизский ему говорит в ответ.
 Похожие друг на друга стремленьем своим к добру,
 Встретясь, киргиз и русский друзьями пребудут ввек.
 Дорога у них единая, единая цель у них —
 Не эту ли общность в жизни всегда искал человек?

За русского парня замуж киргизская дочь идет.
 И в этом родстве есть тоже движение людей вперед.
 За парня-киргиза замуж выходит русского дочь...
 Пускай же всегда так будет, вершится из года в год.
 И горы, и доли сердцу усладу вдвойне дают,
 Когда два народа вместе живут, как один народ.

...Всю ночь мы проговорили, взглянули — уже рассвет!..
Светло в моем доме стало, ни звездочки в небе нет.
Куда-то ушли печали, и бились легко сердца,
Оставила встреча эта в душе лучезарный след.
Мы вдруг разглядели лучше летящего века дни,
Стремительной жизни нашей — главные из примет.

1945

КОМБАЙ

По колхозам поезжай —
Всюду радость через край.
И его любой колхозник
Величает «наш комбай».

Нет зубов его острей,
Нет жнецов его первей;
Нет, доселе не видали
Мы таких богатырей.

И убрать, и смолотить,
И людей поторопить:
Поскорей мешки давайте!
Вот так хватка, вот так прыть!

Что джигитов подгонять?
План им надо выполнять.
Бригадир солидно бросит:
«Недосуг нам чаевать!»

Председатель на коне
Гордо скачет по стерне.
Уж за план ему сегодня
Не краснеть в «Заготзерне».

Самый белый каравай —
Вот что значит наш комбай.
Вдоволь мяса и кумыса —
Это тоже наш комбай.

Без ремонта ходит, спор,
И, довольный, комбайнер
Ни минуты не потратит
На бесцельный разговор...

Волны нивы режешь ты,
Ты — корабль моей мечты.
Ты настолько уважаем,
Что неловко звать на «ты».

Ох, судьбы обманный свет:
В ней и вправду правды нет!
Что б не выйти в комбайнеры
С молодых веселых лет?

Оправдай-ка, вот, сумей
Ты ошибку юных дней:
Отчего бы не податься
Сразу в штурманы полей?

Нет бы — в город мне умчать
И машины изучать,
Да на самый крайний случай
Хоть прицепщиком бы стать!

Все же горе не беда,
Коли не жалеть труда.
Тот удачи не упустит,
Кто стремится к ней всегда.

Ах, комбайн!.. Кто сердцем юн,
Зря не гонит дней табун,
И его доставит к цели
Молодой мечты скакун!

1945

МОЛОДАЯ СВЕКЛОВИЧНИЦА

- Скажи, свекловичница, чья ты жена?
- Жена Қасымкула! — смеется она.
- А орден за что у тебя на груди?
- Скажу, но с коня ты сначала сойди.
- Ну, это я мигом... Теперь говори.
- А ты на работу мою посмотри,
На руки взгляни, что черны от загара...
- Так сколько же свеклы взяла ты с гектара —
Пятьсот?.. Восемьсот?.. Или, может, поболее?

— По тысяче центнеров вывезли с поля.
— По тыще? Да я за работу такую
Умелые руки твои расцелую!
Не каждому руки такие даны...
— Но я же сказала, что руки черны.
К тому ж, мне судачить с тобой недосуг.
— Постой! Не встречал я красивее рук.
Скажи мне, какая в них сила таится,
Коль ими такое геройство вершится?

1945

КАЛМЫЦКИЙ ЧАЙ

Со сливками и с молоком
Хорош калмыцкий чай.
С медком и просто с сахарком
Хорош калмыцкий чай.

Попьешь — и силу обретешь,
Взбодришься невзначай
И враз поймешь,
Как он хорош.
Крутой калмыцкий чай!

Жена колхозника мила,
Гостеприимен дом.
Из яхонта — не из стекла
Пиалы в доме том.

1945

НЕ СПЕШИ, ДРУГ

За счастьем поспешать — пустое дело.
Появится оно, как кречет белый.
И ты не упрекай его за то,
Что в срок оно свершиться не успело.

Свое гнездо в горах отыщет птица.
Настанет час — и все, мой друг, свершится.

Жизнь не прожить без боли и утрат...
Не надо за удачей торопиться.

И рук не нужно опускать устало,
Когда для счастья время не настало.
Мы — люди, друг мой. И любой из нас
Идет своей дорогой к перевалу.

1945

КУКУРУЗА

Вот молодка с подвесками броскими!
В плен такой красотой возьмет,
И досыта накормит лепешками,
И такого максима* нальет...

— Ты откуда? — Она отвечала:

— Я из Чу на коне прискакала!

1945

ЖИЗНЬ

«Жизнь — упряма, — говорят. —
Мол, таков ее закон».
Строит жизнь на новый лад
Тот, кто молод и силен.

«Жизнь — жестока, жизнь — груба!..» —
Так судачат меж собой.
У того в руках судьба,
Кто за счастье вступит в бой.

Жизнь порой скупой зовут...
Друг, не слушай пересуд, —
Много в жизни доброты,
Если добрым будешь ты.

* М а к с ы м — домашний прохладительный напиток, приготовляемый из кукурузы.

«Жизнь коварна и жадна», —
Ненасытный говорит.
Станешь щедрым — и сполна
Жизнь тебя вознаградит.

Говорят, что жизнь — поток.
Нет в ней солнца, только дождь.
Жизнь — кипучих сил исток,
Созидательная мощь.

Жизнь, как облако весны,
Что не застит небосвод.
Гребень вспененной волны, —
То взлетит, то упадет.

1945

ЧАЛЫЙ МОЙ

Зачем, скакун, поводья рвешь
и пляшешь подо мной?
Любовь сегодня не догнать.
Стой, чалый мой, постой!

Зря закусил ты удила.
Путь этот не простой —
ведь молодость нам не догнать...
Стой, чалый мой, постой!

Куда летишь ты весь в поту,
сквозь темноту и зной?
Счастливым день тот не догнать.
Стой, чалый мой, постой!

Но ты не слушаешь меня,
летишь в траве густой.
Найдем ли переправу мы?
Стой, чалый мой, постой!

1945

ЗАСТЕНЧИВАЯ МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА

Ты заходи, заходи, не стесняйся.
К свадьбе готовится дом.
Муж твой хромает на правую ногу?
Милая, дело не в том...

Ты, Барчагуль, не стесняйся. Не надо
людям показывать слез.
Муж твой, как беркут с крылом перебитым,
мир к нам на землю принес.

Он, как тулпар, что споткнулся о камень.
Руки его так сильны!
Мужество он проявил и отвагу
в годы минувшей войны.

1945

СМУГЛЫЙ ПАРЕНЕК

В а л ь с

Смуглолицый паренек,
Лить мне слезы выпал срок.
Для меня ты недоступен,
Для меня ты так далек.
Ой ты, смуглый паренек,
Ой ты, смуглый паренек!
Жду тебя в саду колхозном,
Жду — зачем меня завлек?
Нет ко мне твоей тропы,
Не придешь сегодня ты.
Некогда тебе, наверно,
Ныне время — молотьбы.

Весел нрав. Прямая статья.
Хоть все дни мне умолять —
Для меня ты недоступен,
Тянешься к другой опять.
Ой ты, смуглый паренек,
Ой ты, смуглый паренек,
Жду тебя я возле речки,

Жду — зачем меня завлек?
Нет ко мне твоей тропы.
Ныне время — молотьбы.

Пусть характер твой крутой,
Выйди к девушке простой.
Для меня ты недоступен,
Ты любишься другой.
Ой ты, смуглый паренек,
Ой ты, смуглый паренек.
Жду тебя я возле склада,
Жду — зачем меня завлек?
Знать, такой характер дан.
— Жди меня ты, — только скажешь, —
Когда выполним мы план.

Ой ты, смуглый паренек,
Веселиться вышел срок.
Я с ума сводила многих,
Вот таких, как ты, дружок.
Ой ты, смуглый паренек,
Ой ты, смуглый паренек,
Подойди ко мне поближе,
Подойди, зачем завлек?
Мы с тобой печаль вдвоем
С бела света изведем.
В замечательное время
Хорошо мы заживем.

1945

ЖИЗНЬ

Кто умер, тот ушел навек, и мой таков удел.
Вброд тыщи многошумных рек я перейти сумел.
Неубывающая жизнь, наверное, ты клад?
Коль ты не клад, так что же ты, узнать бы я хотел.
Откуда я и почему явился в этот мир,
Бедой иль ветром занесло меня в земной предел?

Остался я среди живых, и все мне нипочем, —
По горным тропам в вышину кремнистым шел путем.
Жизнь — это чудо, торжество, дарованное нам.

Пир или праздник — все равно, как мы его зовем.
Ах, жизнь, как мимолетна ты, как я тебя люблю,
А соль иль сахар я вкушал, не думаю о том.

1945

ПРОДВИЖЕНИЕ

Известность и карьера
Блистают для примера,
Но блеск их скор.
Лишь только возгорится —
Погаснет, чтоб присниться,
Так с давних пор.

Отвесная дорога —
Скалиста и убога,
Скользка она.
Лишь марево покроет
Скитание такое —
А чья вина?

Там огонек поманит,
Желанным сразу станет,
Чтоб испытать.
Коротким наслажденьем
И ложным продвиженьем —
Погонит вспять.

На путь прямой и трудный
Падет потоком мутным —
И поперек.
Борьбу оценит время,
Без почестей и премий
Шагай вперед!

1945

ГДЕ БЫ НИ БЫЛ, ПОМНЮ

Это подобно счастью,
Это подобно чуду —
Девушки Иссык-Куля,
Помню я вас повсюду.

Что же в тоске шепчу я,
Что же туда не еду?
Девушка с Приозерья,
Празднуешь ли победу?

Сердце обдал печалью
Взгляда веселый омут,
Чуйский джигит робеет,
Хоть он силен и молод.

1945

* * *

Не велика и не мала она.
Да и какая мера ей дана?
Любовь — не романтическая буря,
не красочный пожар и не волна.

Любовь — не рай. Живут в ней неспроста
отчаянье, и боль, и немота.
Любовь — не вещь: не купишь на прилавке.
Она неоценима, как мечта.

1945

* * *

Баю-бай, сынок мой милый.
Сон — вот все твои дела.
В дни войны тебя носила —
в час Победы родила.

Спи, пока сестренка в школе.
Дом наполнен тишиной.
Спи, пока отец твой в поле.
Набирайся сил, родной.

Баю-бай. Не надо плакать.
Волк на голос прибежит.
Впрочем, ветер, стужа, слякоть
в жизни ждут тебя, джигит.

Стань же сильным и отважным!
Пусть летит за годом год —
чудо-девушка однажды
в дом к тебе женой войдет.

Каждый день ее улыбки
будут счастье излучать.
Эх, дожить бы, чтобы в зыбке
сына твоего качать...

1945

О МИРЕ НА ЗЕМЛЕ

Планета, привыкшая к войнам,
вся в отблесках грозных огней.
Когда же мы будем спокойны
за каждый из будущих дней?

То взрыв прогремит по соседству,
то вражеский танк прорычит.
В ответ им бессонное сердце
тревожно в груди застучит.

Утихни же, огненный ветер,
несущий нам горечь утрат.
Пусть войны, смерть свою встретив,
спокойно под звездами спят.

1945

РАКИЯ

«Беги сюда скорее, Ракия!
Приехал сын мой, о котором я
Тебе, дитя, рассказывала много!»—
Твердила мама добрая моя.

И прибежала девочка. Она
Еще была худа, еще бледна,
Но так светло, доверчиво глядела!
Ее в наш край забросила война.

Как тоненький побег, она чиста!
Мне кажется: по-русски неспроста
Ей дали имя редкое — Ракита.
Она из Ленинграда, сирота...

1945

ТЕМИН *

Ну, темин, темин, вперед!
Вшестером у вас пойдет!
Ту немного подгоните,
Что, упрямясь, отстают.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Тех, чьей силы мал запас,
Мы заменим еще раз,
Только виду не покажем,
Что машины нет у нас.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Молотилка лишь одна
Будет в том году дана.
А потом дадут их много,
Как окончится война!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Урожай сдадим мы в срок.
А пока — быстрее на ток!
Так ячмень несите, чтобы
Цел был каждый колосок.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Надо, чтоб и стар и мал
На полях пшеницу жал.
Все — на ток! Но так, чтоб колос
Ни один бы не упал!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Пусть зерно растет горой,
Разливается рекой,

* Темин — группа животных, молотящих зерно на току.

Чтобы раненый здоровым
Стал, увидя труд такой.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Чтоб лицу румяным стать,
Слабому бы сил набрать,
Чтоб, с годами, стала краше
Новой жизни благодать!

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

Хорошо, что день большой!

Солнцу рано на покой.

Надо сделать вдвое больше,

Чтобы ток прославить свой.

Молотить пора нам! Эй,
Ну-ка, ну-ка, по-живей!

1945

НЕ ПОМЕНЯЮСЬ С ПЯТИЛЕТНИМ

Чем старей человек, тем сильнее
Ненавидит он близкую старость.
Дни проводит он в думах о ней,
Сокрушаясь: все в прошлом осталось!..

Чем дряхлее становится он—
Ненавистнее тленное в старом.
Жизнь, мелькнувшая словно бы сон,
Представляется прожитой даром.

Год за годом бежит и бежит —
Меньше все человек веселится.
«Эх, не так я, как надо бы, жил!»
И на глупую молодость злится.

Чем согбенней становится он,
Тем пронзительней память о детстве.
«Эх, не так бы!..», —

и слово, и стон

Из него вырываются вместе.

...Я — не молод. Но горечи — нет.
Юность канула, но в пустоту ли? —
Прошивавшие молодость пули,
Время бурь — мне стремятся вослед.

Мое детство в себя вобрала
Та эпоха, что с солнцем сравнится;
Для нее подарила орла
Людам
 времени добрая птица.

Юность счастьем звенела во мне,
Хоть мы голодны были и сиры, —
Стаи соколов шли в вышине,
По земле проходили батыры.

Каждый прожитый день мой — сродни
Сотням дней, дорогих человеку.
Каждый год мой, вобравший те дни,
Равен, может быть, целому веку.

Жизнь, в которой открытий не счесть,
Вдаль, как видно, меня увлекает.
Есть ли смерть? Я пойду, если есть, —
В страхе пусть от меня убегает...

Буду стар... Не верну своих лет.
Но не буду я мучиться этим.
Тридцать лет за спиною, но, нет,
Не хотел бы я стать пятилетним.

1945

КАЙЫНДЫ

Остался далеко родной мой Кайынды.
Умчался от него я дорогою судьбы —
Как сиротливый сокол, раненный в крыло,
Воскресший для полета,
Отпив живой воды.

Я жил, путей-дорожек много исходил.
Судьба не приводила в оставленный аил.

Занятость делами мешала навестить
Край, где я родился, который полюбил.

Не стал батыром я, а чем бы не джигит.
Не стал таким огнем, что камни раскалит.
Аил не оценили мое перо и я.
Отринувших истоки что в жизни окрылит?

Зачем забыл я возраст, который сердцу мил,
Тот смех, с которым в сети ястребов ловил?
Родных не навещаю, остыл к бывшим друзьям.
Неужто Алыкулу
Кто сердце подменил?

Нет! Родные стены — везде вокруг меня.
Казах, киргиз и русский — вот моя родня.
Кто в новой жизни с нами и в праведной войне,
К тому иду я с дружбой, что горячее огня.

Скучая по тебе, родной мой Кайынды,
Я встрече был бы рад (как, может быть, — и ты),
Но, уподоблен в жизни пущенной стреле,
Стремиться вдаль я должен до роковой черты.

Я не замедлю шага, идя к своей строке.
Крепка, как из железа, обувка на ноге.
Коль не тебе вручалась моя сыновья жизнь,
Умру, и прах мой тоже пребудет вдалеке.

1945

ПАМЯТНИК

Кургана нет — запомнят ли меня?
И где мой след — так вспомнят ли меня?!
Я уплыву однажды на закате
Моей судьбой назначенного дня.

Да, немота могильная темна,
Но пусть чуть-чуть расступится она,
И высота моя для посвященных
Взойдет, и углубится глубина,

Пусть ложе из песка и слеп туман —
Словам достойным выход будет дан.
Надгробье расколю одним ударом,
И рысью понесусь, как буудан*.

1945

ВЕКА

Луна теряет блеск, летят, летят лета,
Как за стрелой стрела, — одна у них мечта.
Не шелестящий том — грядущий день распахнут,
Всё раскрываются бессчетные врата.
Как едущий домой с победою джигит,
Печали топчет жизнь, смеется, вскачь летит.
Столетия, словно шелк старинных платьев,
Оставлены в пути, их ветер теребит.

Куда так мчишься ты, так шало рвешься ты,
И дикой лошадейю о скалы бьешься ты.
Ты, как зверек, играющий в Сон-Куле,**
Переливаешься в мельканье быстроты.
То покоришься нам, то подчиняешь нас,
То полыхнешь клинком, что в ножнах не угас.
Все подвиги свершив — хоть девяносто девять,
От матери опять родишься в сотый раз.

1945

СУДЬБА

Чтоб тебя изловить, изготовил силок,
Дома жду. Завернешь ли на мой огонек?
О, судьба, обманись — жду тебя на крыльце!
Ты в начале влечешь, досаждаешь в конце.

1945

* Буудан — богатырский скакун из эпоса.

** Имеется в виду выдра.

НАПУТСТВИЕ

Комуза неуловимый нрав
В напеве звонком навек познав,
Откроешь тысячу сладких тайн —
Как вкусишь тысячу сладких трав.

В нем скрыто чудо — запел тростник! —
Он — как ребенок, он — как старик,
Он к вещей песне собой приник,
То безглаголен, то величав.

Степенен, ясен и скромн он,
Вдруг, словно ветер, огромен он,
То легкомыслен и тороплив,
То безглаголен и величав.

Как он смеется! Как плачет он!
Обеспокоен, заморожен! —
В нем чувств и судеб звучит прилив —
То безглаголен, то величав.

Пойми, красавица, мой завет:
Приходит мгла и скрывает свет,
Кто полон песнью — тот юн, хоть сед,
И безглаголен, и величав.

Душа акына — струны душа,
И сон ей ведом, и явь слышна.
Акыну хочешь ты стать женой —
Прими в нем холод, прими в нем зной!

1945

МОЕМУ ПЕРУ

Ты мой друг, ты источник и счастья, и сил,
Я с тобою ходил из аила в аил.
Чтоб тебя сотворить, сжег души половину,
Раньше милой невесты тебя полюбил.

Ты мой факел, пусть ночь непроглядно-темна.
Я с тобой не расстанусь до смертного сна,
Ты богатство несметное, клад несравненный...
Что мне долларов сор, Вашингтона казна!

Водит воля народа тобой, и народ
Войско стихотворений в сражение ведет,
И тебя я считаю солдатом эпохи,
Тем, кто мчится на танке сквозь пламя
вперед.

А эпоха — река, плещет волнами дней,
Волочит за собой груды скал и камней...
Много трудных дорог мы прошли в этой
жизни,
И открылись дороги намного трудней.

Мы готовы на битву по зову страны,
Для борьбы за свободу на свет рождены,
Мы теперь за свободу планеты в ответе,
Нам сердца богатырские веком даны.
Путь великий идет, вдаль уводит всех нас,
И закат и восход — все приходит в свой час.
Если в миг неожиданный крепко, навеки
Усыпит меня смерть, свет похитит из глаз,—

Ты меня подними и на плечи взвали,
Отнеси к тем пределам родимой земли,
Где волнами швыряется ширь Иссык-Куля,
Да не плачь обо мне... Пусть идут корабли.

Пусть гремит Иссык-Куль и швыряет валы,
Пусть приблизятся волны, от пены белы,
Пусть промолвят: «Один из киргизских
поэтов
Спит вон там, задремал у подножья скалы».

Необычная жизнь, удивительный век!..
Мчатся росчерки пуль за тобой, человек.
Как же сладостна жизнь, как она драгоценна,
Всем, кто зоркости пуль только чудом избег!

Ты мой друг, ты источник и счастья и сил,
Я с тобою ходил из аила в аил.
Чтоб тебя сотворить, сжег души половину,
Раньше милой невесты тебя полюбил.

1945

ТВОЯ ПОЭМА

«Ты» — это все, с кем я всегда — на «ты»,
Живут в потомстве доблести черты.
Тебе джигит сокровище доверит,
Ты — воплощенье чести, прямоты.

Слова твои правдивы. В час невзгод
Ты верен клятве. Ты — святой народ!
И с легкою душой на сохраненье
Тебе джигит свой клад передает.

Нет у меня ни клада, ни коня,
Возьми стихи в подарок от меня.
Они — твои, как и мои... Поэму
Ты береги до завтрашнего дня.

1945

ПТИЦА-СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Немало мудрецов минувших дней
Томились целый век в тоске по ней.
Не ей самой — перу ее крыла
На целом свете нет цены, ей-ей!
Где эта птица, что как снег бела,
Что больше солнца и земли сильнее?

Дом этой птицы не в Европе скрыт,
Не над Америкой она парит...
В прекраснейшем из городов, Москве,
Есть мавзолеей из драгоценных плит:
И птица — там, сидит на рукаве
Того, кто в этом мавзолее спит.

Когда померк от горя ясный свет,
И смерть пришла к тому, кто мной воспет,
Он эти птицу в руки передал —
Всем тем, кого любил, — как свой завет.
С тех пор открыт для птицы этот дом,
С тех пор почетней гостя в доме нет.

Здесь ей всегда — и отдых и почет,
Здесь доблести она вкушает мед
И в дом приносит правоты порыв.
Пьет сладкий чай или зерно клюет —
С ладони... И, с ладони в небо взмыв,
Над всей вселенной свой вершит полет.

Она летит над солнцем, над луной,
Со стаей самоцветно-огневой
Горячих звезд. И с клекотом поет,
Играючи вращает мир земной,
В столетиях парит, передает
Птенцов своих в далекий век иной.

1945

ПОЛЮБИЛ ТЕБЯ

Я тебя полюбил, столько дней я охвачен тоской!
Вновь твоя красота привлекла, поманила рукой!
Снова ты обожгла, ввергла в полымя ты из огня
Душу, душу мою, что не ведала казни такой.
Если ты иногда хоть немного жалеешь меня,
Не влюбляйся в меня, не давай целовать,
успокой!

Я тебя полюбил — есть великая воля к любви,
Ты, лишив меня сил, разжигаешь былое в крови,
Но ведь мы не вернемся к утратам забытого дня,
Ничего не вернем, так оставь меня и не зови.
Если ты, мое солнце, немного жалеешь меня,
Не протягивай руки, напрасные муки прерви.

Я прошу, не люби! Правота — на моей стороне,
Но твоя красота плавит сердце в палящем огне.
А полюбишь меня, увлечешь, за собою маня,

Будешь видеться мне даже в смертном
безвыходном сне.
Потому и молю, чтобы ты не любила меня,
Ну, а если полюбишь, кому отвечать, как не мне?

1945

Я РАЗЛЮБИЛ ТЕБЯ

Я к тебе охладел, разлюбил навсегда,
Сам не знаю, откуда такая беда,
И в окно я не буду стучаться к тебе,
И в твой дом не войду... От любви — ни
следа!

И любимая есть у меня лишь одна,
Жен, родни и детей, всех дороже она.
И понятно одним, а другим не понять,
Как близка мне она, как мила, как верна.

Кто она? Это звонкая песня моя,
Как целебной воды золотая струя...
Обессилел джигит, но в пути напоит
Эта песня — он вспомнит родные края.

Смерти нет для нее... Это верно, мой друг,
Удивительных песен немало вокруг!
Как живая вода... Если выпьет джигит,
Дух взбодрится, излечится горький недуг.

1945

БОЛЬНОЙ ПОЭТ

Заболевший поэт,
Он в предчувствии бед,
Он устал... Цепко держит за горло,
Давит сердце болезнь и уводит во тьму,
И, не зная цены настоящей ему,
Смерть костлявые руки простерла.

Заболевший поэт,
Нет цены, вовсе нет

Слову, полному гордой отваги!
Нет болезни и смерти для слов золотых...
Что же делать поэту — выводит он стих
На листе белоснежной бумаги.

Заболевший поэт,
Жизни меркнувшей свет
Отдает он перу в час печали,
Чтоб родные, друзья, все, кто знали тебя,
Алчной смерти грозя, вспоминали тебя,
И потомки тебя вспоминали.

Заболевший поэт,
Где весенний расцвет?!
Ты завидуешь людям здоровым...
Кто-то, верно, придет к нам на смену, поэт,
Кто-то, верно, уйдет... Будет вехой твой след,
Чтоб идти поколениям новым.

Заболевший поэт,
Погоди, дай ответ,
Что оставишь для отчего края?
Может быть, мы сгорим, может быть, мы умрем,
Все же будут гореть негасимым огнем
Хоть четыре строки, не сгорая.

Наше время правдиво, эпоха пряма,
Отдадим же ей волю и силу ума,
И ответим ей так же нелживо,
Так давайте, друзья, откликаясь на зов,
Ей служить,
Почитать матерей и отцов,
И Отчизну, покуда мы живы.

1945

ВЫ НЕ УМЕРЛИ

Неразгоревшимся огонь казался миг назад,
И молодость была вчера свежа, как виноград,
Объединенные судьбой и лишь мечтой горя,
Вы были шумною толпой ровесников-ребят.
Где вы, ровесники мои, где вы теперь, где я?..
Не скроешь, видно, — поредел живой и дружный ряд.

Ряд поредел. Когда ушли, чтобы сломить врага,
Вы, для кого в бою и жизнь была не дорога.
Крутыми крыльями шумя, когда растаял снег,
Вы не вернулись в отчий край, в зеленые луга.
И землю мерзлую обняв, остались вы навек,
В чужой земле остались вы, легли в ее снега!

1945

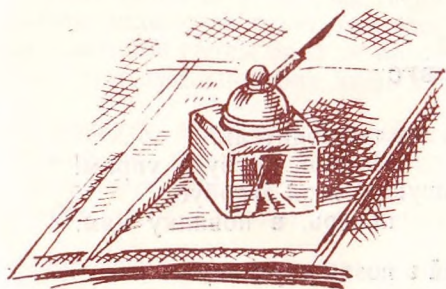

ВЕЧНОЕ

1946-1949 гг.

Страна моя богата, широка.
Но в сердце у меня жива тоска
По роднику, что прямо у окна
На улице родного городка.

СТИХИ МОИ

Пишу. Я им признателен вполне
за то, что радость жизни дарят мне.
У сна и даже у небытия
стихами время отнимаю я.

1946

РУССКАЯ ДЕВУШКА

Твое лицо — молочной чистоты.
Исполнена очарования ты.
По красоте, изяществу, осанке
пускай походят на тебя горянки.

1946

АВТОБУС

Куда же ты, водитель?
Постой, не будь упрям!
Большущий твой автобус,
поверь, в новинку нам.

Коней в возок впрягаем —
немного погоди.
Теперь на старт: посмотрим,
кто будет впереди!

Автобус, посмеявшись,
в пыли оставил нас.
Силен мотор басистый!
Водитель — высший класс!

1946

У ОЗЕРА

Ты сердишься? Что ж, я умею, мать,
твои обиды песней умирять.
Характером ты схожа с летним озером:
чуть пошумишь — и ласкова опять.
Не обижайся на меня, отец.
Лишь песни сочинять я удалец.
Ты ж сердцем — словно озеро осеннее:
шумишь-шумишь и стихнешь наконец.

1946

КИРГИЗСКИЕ ГОРЫ

Гора с горой сошлись, гора с горой срослись,
Гора из-за горы уходит вдаль и ввысь.
Ни дать ни взять — бредет верблюдов караван.
Неровной чередой хребты их поднялись.

Косые гребни скал безмерно высоки,
Вершины их точь-в-точь алмазные клинки.
Сгрудились в тесноте обломки пирамид.
Оскалившись, торчат гигантские клыки.

Не сходят никогда с крутых вершин снега.
На солнце ледники блестят, как жемчуга,
Вдоль каменной гряды орел не пролетит,
Осилить этот путь способна лишь пурга.

Здесь, наверху, зима свой первый ткет ковер.
Здесь, наверху, весны рождается задор.
Еще погружены долины в темноту,
А серебро луны скользит по гребням гор.

Понятно, что и ночь здесь раньше настает.
Когда в долине мрак, в горах уже восход.
В часы, когда еще не пробудился мир,
Уже на гребнях гор от солнца рдеет лед.

1946

Я УЕХАЛ, КОГДА СОЗРЕВАЛА ЧЕРЕШНЯ

Я приехал с Иссык-Куля — цвел урюк.
Уезжал — когда черешня налилась.

И на ягоды бросал веселый юг.
Прелесть нежную девичьих губ и глаз.

Я уехал. Задержаться я не мог.
Был охвачен поэтическим огнем.
А в природе бушевал весенний сок.
Город Фрунзе весь сверкал горячим днем!

На Тянь-Шань теперь поеду я, в Нарын.
Уж и там сейчас всю кипит весна.
Так же — в Киеве, в Москве... Моя страна!
О, как счастлив, как влюблен в тебя твой
сын!

1946

ГРОМ

Поддай свой голос, вешний гром!
Не одного тебя мы ждем:
пусть небо на живую пашню
прольется радостным дождем.

Поддай свой голос, вешний гром!
Ты в мир приходишь не со злом.
Тебя слегка опережает
веселой молнии излом.

Поддай свой голос, вешний гром,
чтоб травы в рост пошли кругом,
чтоб каждое коровье вымя
всласть тяжелело молоком!

1946

ПЕСНЯ О ДОЖДЕ

Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
В раскаленный зной полей
Влагу светлую пролей.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Капли чистые свои
В золотые влей струи,

Свеклу в поле напои!
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Как поток, как водопад!
Чтоб умылся пыльный сад!
Чтобы цвел урюк, гранат,
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Ласточка сверкнет крылом,
Защебечет под окном,
Песней наш наполнит дом!
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Радость вспомнит мой народ,
Щедрость в дом его войдет,
Гость радушие найдет.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Тучным станет тощий скот.
Скупость тещи вдруг пройдет—
Мне лепешку испечет.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Мой расчетливый сосед
За тобою выйдет вслед,
Всех сзывая на обед.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Золотой и проливной,
По лицу лентяя бей,
Чтоб не сетовал на зной!
Нору суслика залей,
А кузнечика умой.
Лейся, дождь!
Лейся, дождь!
Чтобы цвел на славу край,
Солнцу в поле помогай!
Труженику радость дай!

1946

дни

Дни напряженного труда
мелькают, словно крылья птицы.

День улетевший никогда
в гнездо свое не возвратится.

Несутся дни во весь опор
под стать бегущим иноходцам,
под стать реке, что шумно с гор
в долину сонную несется.

Спешат стремительные дни.
Смогу ль их в слове удержать я?
Там, за спиной, пестрят они,
как в ряд повешенные платья.

День... Взглядом проводив его,
не утаил в себе я вздоха.
Уходят дни, но что с того:
еще сильнее моя эпоха!

1946

31 ДЕКАБРЯ 1945

Ноябрь и Декабрь уходящий, прощай,
Прощайте, Июнь благодатный и Май,
В построенных за год просторных домах,
Как дерево в гнездах, счастливый наш край.

Прощайте, Сентябрь и Апрель голубой,
Кончается год, но приходит другой;
Пусть будет добрей у пришельца сноха,
Пусть льется кумыс белоснежной рекой.

И мартовский ясный прощай небосвод,
И пахоты время, и птиц перелет.
У Нового года пусть будет щедрей
Невеста, которую он изберет.

Пусть год изобилием будет богат,
Как звездами небо, как травами сад,
Пусть полные чаши в колхозах у нас
С душистым айраном и с медом стоят.

Торопится год. Он мечтой окрылен,
И счастье восходит звездой Чолпон.
И горы моложе, и люди сильнее;
Их в шелк разодеть собирается он.

Идет он. Торопится, счастье неся,
Летит, по ущельям бесшумно скользя,
Он всем говорит, появляясь в домах:
«Скажите, чего не хватает, друзья?»

Все веселы, в шумных аилах светло,
На праздничных блюдах хватает всего!
Он в окна стучится и всем говорит:
«Я счастье принес вам, растите его!»

Идет он и в люльке качает мальчика,
Морщины у старых стирает с лица.
Спросил я: «А как же тебя называть?»
«Меня — Изобильем, а Счастьем — отца».

Пусть будет таким же и будущий год,
И тот, что затем неизменно придет,
И, нового счастья вкушая плоды,
Не «кисло», а «сладко» пусть скажет народ.

Пусть много приходит таких же годов!
Я вовсе не жаден, я только готов
У каждого Нового года просить
Всего лишь две строчки удачных стихов!

Ведь я не завистлив, не жаден до яств!
Пусть год приходящий немного мне даст!
Для сердца поэта — две строчки стихов
Дороже здоровья, дороже богатств.

Входи, Новый год! Познакомимся. Я
С тобой поделюсь, ничего не тая:
Я вечен. Я тысячи раз возвращусь,
Как месяц Декабрь, вдохновивший меня.

1946

ДОМИК НА ПРИГОРКЕ

Ты, перелетная птица, дома, что ни весна,
Так вот и я в жизнь возвращаюсь все вновь и вновь,
Но, не стыдясь того, что не любит меня она,
Могу о любви твердить, говорить про свою любовь.

Каким твой безмолвный взгляд холодом обдаёт,
Душу мою леденит, осенней ночи темней!
Нелюбящей силу и власть может познать лишь тот,
Кто сам ее любит, лишь тот, кто трепетал перед ней.

Вот на пригорке стоит домик твой, маленький дом.
Что перед ним — золотой в тысячу этажей!
Робкий солнечный свет горит на лице твоём,
Бесстрашное сердце дрожит перед улыбкой твоей.

1946

МАТЕРИНСКАЯ СИЛА

Мать говорит: «Нет вестей... Ветер ненастья крут...
Четыре года прошли — письма все не идут.
Не зная, где мой сынок, где жеребенок мой,
Как-то летом я сидела, сушила курут*,
Выгнулась вдруг земля, тронулась гор круговерть,
И покачнула двор, дрогнув, земная твердь.
Что же это кругом? Что предвещает гром?
Вижу: идет мой сын, сын, одолевший смерть...
Это ведь сила его горы согнула в дугу,
Плачу от радости я, слез я унять не могу...»
Нет, это сила твоя! Мама, сила твоя
Землю встряхнула, хребет переломила врагу!

1946

НЕ ВОЛНЫ, А ЛЕБЕДИ...

Здесь синь. Ну, а в небе осеннем дожди...
Там мрак, а на глади озерной — тепло.
Не бойся, спокойно берись за весло,
Не волны, а лебеди это вдали.

Пусть небо зимою нарядней земли,
Селения наши в довольстве, в тепле.
Как озеро — мирная жизнь на земле.
Не волны, а лебеди это вдали...

1946

* Курут — творожистый молочный продукт.

Я ПУТНИК

Я путник и начал свой путь от рожденья,
Бреду по горам день и ночь, ночь и день я
Иду...
Не устану идти никогда,
Не будет конца — вечен путь восхожденья.

Я путник... Гляжу: прошагал так немного
С тех пор, как ушел от родного порога!
Но пройденный путь
Все растет за спиной.
Иду... И не кончится эта дорога.

Но я оглянулся... И вижу — лечу
Сквозь время, как пуля... Мне высь по
плечу.

А если в лицо мне заглянешь, спустившись:
Я равен поднявшему холм силачу.

1946

РОДНОЙ АИЛ

Как там родной аил?.. Не пишут с давних времен,
Не знаю, кто умер, кто жив, не помню многих имен,
Так пусть же не смерть, а жизнь всегда торжествует в нем,
Ведь из бессмертных вещей наш быстрый век сотворен.

Жаль, времени нет сейчас вернуться в забытый быт,
Припомнить названья рек, чей рокот мной не забыт,
К ударнику подойти, грубые руки пожать,
Похлопать его по плечу, сказать: «Молодец, джигит!»

Жаль, времени нет сейчас приехать в аил родной,
И стариков имена припомнить, забытые мной,
К ударнику подойти, грубые руки пожать,
Крепко его обнять... Да, жизни мало одной!

Но снова долины рек мне хочется повидать
И вновь увидеть места, где ходили отец и мать,
На вечную смену времен, заполненную трудом,
На мой родимый аил хочу поглядеть опять.

1946

ДЕВУШКА В ШЕЛКОВОМ ПЛАТЬЕ

Ливень чем дальше, тем пуще.
Гром не жалеет труда.
С крыльев машины бегущей
Глину смывает вода.

Девушка в шелковом платье
Шепчет, промокнув насквозь:
— В чем выйду нынче гулять я?
Лучшее платье — хоть брось!

Весел колхозник заране:
— Ну и богатый год!
Дочка моя на гулянье
В шелковом платье пойдет!

1946

ОТЧЕЕ ОЗЕРО

Озеро, светоч мой,
Ясен твой лик голубой,
Пастбища зелены,
Вспоенные тобой!

Светел отчий простор —
Словно в ладонях гор
Плещется вешний свет,
Ветреных волн узор.

Небо склонилось к тебе,
Леса спустились к тебе,
Твой полноводный гул
Вечно в нашей судьбе.

В цвету долина твоя —
Мои родные края,
Приникну к твоей волне,
Сыновних слез не тая!

То скал раскаленный день,
То тень в садах деревень,
То бурная даль твоя,
Прибоя гремящий кремень —

Все это в нас навсегда,
Святая твоя вода
В крови твоих сыновей
Солона и горда.

Озеро, отчий свет,
Бег благодатных лет,
Освобождение от бед...
В мире другого — нет!

1946

ИССЫК-КУЛЮ

Размеренно, в ритме прибоя
ты дышишь в живой тишине.
Лежишь, будто чадо грудное,
причмокивая во сне.

Проснувшись, поёшь ты негромко
и долго глядишь в небеса,
поблескиваешь, как ребенка
обрадованные глаза.

Ты будни мои освещаешь.
Ты вечно для сердца красив.
Ты в детство меня возвращаешь,
своей чистотой одарив.

1946

СБОР ЯБЛОК

Кто эти яблоки вкусил,
в том прибавленье новых сил.
По праву имя «Алмалуу»
обрел колхозный наш аил.

Друзей о сборе возвестим:
«Спешите к яблоням густым!
Колхоз, что не богат садами,
плодами вдосталь угостим!»

В душе мы чувствуем подъем.
Весь день, работая, поем.
Наш урожай душистым ливнем
мы щедро над Москвой прольем.

Кто наши яблоки вкусил,
в том прибавленье новых сил.
Сегодня красен изобильем
наш добрый яблонный аил.

1946

ИССЫК-КУЛЬ ВЕЧЕРНИЙ

Я только смотрел — пропадали слова, —
когда на закате дымилась едва
и розовые тона принимала
твоя сокровенная синева.

Ты краски пылающие смягчал,
и свет благодарный кругом излучал,
и мирно лежал в золотистой сорочке,
и волны поплескивали о причал.

Люблю, Иссик-Куль, дыханье твое,
блаженное, сонное это литье,
внезапные бури и натиск прибоя,
волнение, успокоенье твое.

1946

КОЛХОЗНЫЙ САД

Ты скажи, колхозный сад,
Чем гордишься, чем богат?
— У меня есть виноград,
Яблоки, урюк, гранат.

Все ли это?

Сад в ответ:
— Здесь живет еще поэт.
Ты скажи, колхозный сад,
Чем же твой поэт богат?

По таланту, по уму
Жизни две даны ему.
Проживет одну он сам,
А другую даст стихам.

1946

Эй, поливальщик

Эй, поливальщик молодой,
Порадуй наши нивы в зной.
Ты жажду колосков весенних
Быстрее утоли водой.

Эй, поливальщик удалой,
Мчась на машине поливной,
Ты жажду всех садов осенних
Быстрее утоли водой.

Эй, поливальщик, четким будь,
Полива сроки не забудь!
Земля сухая, как ребенок,
Который жадно ищет грудь.

1946

У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ БЫСТРОВКА — БАЛЫКЧИ

Перед дивной мощью преклоняюсь,
Только не робею, потрясен.
Если бы я создал стих на зависть,
И как ты — чтоб вдаль умчался он!

1946

НОЧЬ НА ДЖАЙЛОО

Грохочет река на лугу.
Луна изогнулась в дугу.
И хочется спать, но в ночном
Поддаться я сну не могу.

Кобылы хранят жеребят,
Как матери малых ребят.
Поет Бейшегуль «Бекбекей».*
Подружки — давно уже спят.

Но вдруг всполошился загон.
У всех улетучился сон.
И в тьму, где рычали собаки,
Бабахнул чабанский патрон.

И выстрел отдался в горах.
Сошлись и кого-то корят
С постелей вскочившие люди.
«Овцу барс унес», — говорят.

И спорит уверенный бас:
«Унес, да, однако, не барс,
Я волка заметил с овцой;
Все знают, что зорек мой глаз».

...Поднялся рассвет до луны.
На небе потухли огни.
Работники фермы проснулись.
Шагают к загону они.

Считают овец... Нет одной!
Пастух произносит: «Ой-бой!
Задрал ведь паршивый овцу...
Что делать я буду с бедой?»

Затылок скребет: «Ну и ну...
Решил, хоть минутку вздремну...
Теперь вот предъявят мне штраф,
Чтоб впредь не поддался я сну».

Всем ясно, — яснее, чем днем:
Что сеем — не то ли и жнем?
Но взгляды согреты улыбкой:
Жить будем — добро наживем!

Грохочет река на лугу.
Джайлоо в росе — как в снегу.
Ночь эту в краю благодатном
В душе я навек сберегу.

1946

* «Бекбекей» — начная песня табунщиков.

ЖЕНЩИНЕ

Хочу любить и юности вослед
Идти, хмелея, по ступеням лет,
Войти в огонь и вновь, как из вулкана,
Горящим камнем вылететь на свет.

Хочу любить, погибнуть сгоряча,
Любить, слова бесценные шепча,
Любить, твою осиливая силу,
Порой слабея, тая, как свеча.

Когда бы вся небесная вода,
Обрушившись, покрыла города,
Вооружен твоим единым взглядом,
Я перешел бы море без труда.

1946

* * *

Вдоль русла гнали резвых кобылиц.
Все выше табуны стремились наши.
Мы выбрали стоянку на Арпа,
обосновались здесь, на Коргон-Таше...

Тут травы были сочны и густы,
и горная река внизу гремела.
Пусть табуны колхозные теперь
на травах этих набирают тело.

Мой старый дядя знает толк в конях.
По сотне жеребят взрастив за лето,
он возвратится в свой родной аил.
И благодарны все ему за это.

Ах, сколько пегих, рыжих, вороных...
Я скакунов нигде не видел краше,
чем тут, в колхозе, что стоит внизу
у самого подножья Коргон-Таша.

1946

БЕЛЫЙ КРЕЧЕТ АЙЧУРЕК *

Слышал я, что в дремучих Арпа**
Белый сказочный кречет живет,
И не знал, что однажды тропа
Ко гнездовью его приведет.

Эту птицу пускал Семетей*** —
Изловила ее Айчурек.
Говорят, сокол, пойманный ей,
Стал бессмертен, как времени бег.

Верю я в то, что молвит народ..
Стал сегодняшний век белокрыл.
Белокрылый летит самолет —
Белый сокол, что сказочным был.

Кто им правит?.. Сыны Айчурек!
С высоты смотрят весело вниз.
Мчится птица, несущая век,
Именуемый — социализм.

1946

ЖУРАВЛИ И ДЕТИ

— Журавли, курлы-курлы,
Вы откуда улетели?

— С девочкой золотокошой
Мы умчались от метели.

— Журавли, курлы-курлы,
Где укроетесь от вьюги?

— С мальчиком сереброкудрым
Мы приют найдем на юге.

— Журавли, курлы-курлы,
С кем летите вы станицей?

— С лучшим школьником летим,
С первой в классе ученицей.

Журавли, курлы-курлы,
Мы ведь тоже не лентяи!

* Айчурек — героиня киргизского эпоса «Манас».

** Арпа — местность на Тянь-Шане.

*** Семетей — сын эпического богатыря Манаса.

— Вы опаздывали в школу,
В небе журавлей считая!

— Журавли, курлы-курлы,
Что расскажете еще вы?
Что звонок все громче
На пороге школы новой.

1946

СЧАСТЬЕ

Мне казалось, что счастье, дразня,
Убежит среди белого дня,
Как красавица в шелковом платье,
И к себе не подпустит меня.
Если вырвется счастье из рук —
Не вернется в разорванный круг,—
Вслед беглянке простертые руки
Опушу, обессилевши вдруг.
Нет, неправда! Вернулось оно!
Все возьму я, что жизнью дано.
Есть на свете народ и отчизна —
Значит, счастье нам всем суждено!

1946

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Ты прекрасна юностью и силой,
Хорошеешь с каждою весною.
Ты, береза, век была мне милой —
Ты, береза, выросла со мною.

Каждую весну ты вся в кудряшках,
Вьется в ветках небо голубое.
Мы с тобою с детства, как двойняшки.
Мы, береза, выросли с тобою!

Посмотри, как друг твой стал серьезен,
Только ты переросла ограду...
Возврати мне молодость, береза!
Мне другого ничего не надо!

Ты займи мне свежести у веток!
Ты ж еще осталась молодою!
Не остался б дар твой без ответа:
Стал бы я твоей живой водою!

1946

ВЕДРО ВОДЫ

Вода в ведре прозрачнее стекла,
Не из колодца, нет, из родника.
Качается, словно крыло, рука,
И девушка, словно вода, светла.

Вода в ведре, прозрачная вода,
Но не знавал хмельнее я питья.
Хмельна, как наши дни. Качаюсь я,
Как на волнах качаются суда.

1946

* * *

От жизни отречься — могу без труда!
От песни отречься — не в силах.
Не раз я солгал бы и богу и милой,
Но песне своей не солгу никогда!

1946

* * *

Нахмурится озеро — туча черна,
пройдет ураган — не достанет до дна.
Минувшие годы глубоко прозрачны,
следы непогоды — лишь пена одна.

Ты, память живая, — мой верный оплот.
Вдруг юность проснется во мне, опухнет
и светом обдаст — как взлетающий лебедь...
Меня моя молодость переживет.

Чем дальше ушел, тем виднее гора.
Светает за полночь — и первый с утра
младенческий миг — дуновение крыльев
отчетливой ласточки. Проба пера...

Все время — во мне. Я стою на корню
и ветви, как яблоня, тихо клоню,
и пусть их возносит гордыня пустая —
ненужного слова не уроню.

Я счастлив — и счастлив я раз навсегда, —
что жив и что вечная жизнь — молода...
А если похожи на завещанье
слова мои лучшие — что за беда?

1946

ПРЕМИЯ

Не жалея времени и сил,
За отарой Кoenбай ходил.
Дали ему премию недавно,
Да такую — ахнул весь аил.

Он пятнадцать получил ягнят.
Он пятнадцать месяцев подряд
Так овец выпестывал, что сбросил
Сразу лет пятнадцать, говорят.

Славлю Кoenбая мастерство!
Как ягненка любит своего
Маленькая внучка Кoenбая, —
Так люблюсь я трудом его.

У него гостям отбою нет:
Всяк идет поздравить, млад и сед.
И его радушная улыбка
Молодит еще на тридцать лет!

1946

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

Не было б солнца, земля не цвела,
Горы навечно укутала мгла.

В доме висит колыбель из урюка —
Ясную звездочку мать родила.

Не было б влаги, засохли сады,
Травы пожухли в лугах без воды.
Мать-героиня похожа на землю,
Щедро дарящую людям плоды.

Духом сильна и любовью нежна,
Десять батыров взрастила она,
Крепкие крылья дала им для взлета —
Ей благодарна за это страна.

В дружной семье, работающей, большой,
Я, как и все сыновья, — не чужой.
Дай поцелую в висок тебя, мама,
Радуюсь славе твоей всей душой.

1946

* * *

Светла и прозрачна вода,
И воздух наполнен прохладой.
Где б ни был, спешу я сюда,
Мне большего счастья не надо.

Уставший в дороге большой,
Губами к траве прикасаюсь
И вновь молодею душой,
И сил про запас набираюсь.

Радужны друзья и родня,
Приветливы рукопожатья.
И поит кумысом меня
Красавица в шелковом платье.

Гляжу, как в туманной дали
Мерцают снега Ала-Тоо
И верю, что нету земли
Прекрасней родного джайлоо.

1946

**МОНОЛОГ СТРАДАЮЩЕГО ОТ
БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ**

То, что я заходил к твоей старшей сестре,
Означает:
Хотел на тебя посмотреть.
То, что в классе каком ты, я начал гадать,
Означает,
Что возраст хотелось узнать.

Непростого джигита ты, видимо, ждешь,—
Лишь взгляну на тебя, ты глаза отведешь.
Кукушджана, колхозника знатного, дочь,
Знала б ты,
Что в мечтах я с тобой день и ночь.

То, что с лаской головку погладил,—
меня
Подмывало сказать, до чего ж ты умна!
Тронул пуговку — тоже, считай, неспроста:
Тем сказать я хотел —
Как душой ты чиста!..

То, что взял для тебя красных яблок в саду,
Означает:
Ответной любви твоей жду.
То, что вихрем летел на гнедом скакуне,
Означает:
Пир свадебный видится мне.

Ждешь ты лучшего парня из лучших парней.
Хоть бы раз повернулась с улыбкой ко мне.
Кукушджана, ударника нашего, дочь,
Знала б ты,
Что в мечтах я с тобой день и ночь.

Непростого джигита ты, видимо, ждешь,
Для него ты улыбку свою бережешь.
Чабана Кукушджана красавица-дочь,
Знала б ты,
Что в мечтах я с тобой день и ночь.

1946

АЙ, ДЖАМИЛЯ, ДЖАМИЛЯ

Центнеры! — ты, Джамиля, собрала,
Всюду твои прославляют дела.
Как я тоскую, и как ты мила —
Видеть мечтаю и ночью, и днем,
Плеть позабыл я в аиле твоем.

Ай, Джамиля.

Светлый день, Джамиля,

Ай, Джамиля!

Только гектар у тебя, Джамиля,
Знает тебя вся родная земля.
И на тебя я взираю, моля,
Видеть мечтаю и ночью, и днем,
Куртка осталась в аиле твоем,
Если б ее передать ты могла?

Ай, Джамиля,

Светлый день, Джамиля,

Ай, Джамиля!

Знатная девушка ты, Джамиля,
Знает народ тебя, в песнях хваля,
Смотришь ты, сердце мое веселя.
Видеть мечтаю и ночью, и днем,
Плеть позабыл я в аиле твоем,
Куртку оставил в аиле твоем,
Хоть и нарочно оставил, поверь,
Сам я остался в аиле теперь —
Не отдавай, а оставь у себя!

Ай, Джамиля,

Светлый день, Джамиля,

Ай, Джамиля!

1946

МАРШ АРТИЛЛЕРИСТОВ

Гремит и грохочет могучая речь —
Как будто бы туча идет грозовая...
Она, точно меч, может гору рассечь,
Твердыни и крепости в прах разметая.
Зовут артиллерию
Богом войны.
И мы всегда уверенно
С тобой должны

Силу пушек знать
И уметь стрелять.
И звучит наша песня опять.
Из памяти, друг мой, вовек не стереть,
Как нашей землю, подобная лаве,
Катилась фашистская черная смерть...
И кто ж обескровил ее, обезглавил?
Была артиллерия
Богом войны,
И были мы уверенно
С тобой должны
Силу пушек знать
И уметь стрелять,
Чтоб врага ненавистного гнать.
Настал долгожданный ликующий день,
Воспетый трудом пятилеток ударных.
Дивит артиллерия взоры людей,
За мирную жизнь на земле благодарных.
Теперь артиллерия —
Бог тишины,
И мы всегда уверенно
С тобой должны
Силу пушек знать
И уметь стрелять,
Чтобы мирный наш день охранять.

1946

ВСТРЕЧА

Как скакун, что в табун свой спешит,
скорый поезд во Фрунзе летит...
Перелетною птицею в горы
возвращается нынче джигит...
Возвратился из армии брат,
жив, здоров, весь в сияньи наград.
И душа его миру открыта.
Как я времени этому рад!

Он изведаль метелей сполна.
За спиною осталась война.
И водою в сухие равнины,
к нам пришла молодая весна...
Возвратился из армии брат,
жив, здоров, весь в сияньи наград.

И душа его миру открыта.
Как я времени этому рад!

Голод больше не страшен всем нам.
В каждый дом возвратился майрам.
Хлеб на каждом столе появился.
Исцелились больные от ран...
Возвратился из армии брат,
жив, здоров, весь в сияньи наград.
И душа его миру открыта.
Как я времени этому рад!

1946

ПРОВОДЫ

Прощай, Джеништай, возвращайся опять!
Чужие края ты решил повидать.
Ты счастлив, джигит, что война отгремела,—
Спокойна морей безмятежная гладь.

Да, время, и вправду, мгновенно летит.
Но воздух тревожной струною гудит,—
Так небо спокойно над спящим вулканом,
Который в глубинах угрозу таит.

Прощай, возвращайся в родимый предел.
Ты мирным оружием теперь овладел.
Пусть мирно живут, с нами шутки не шутят.
Скажи в той стране, куда ты полетел!

1946

БЕКБЕКЕЙ

Безлунной этой ночью, эй!
Не видно стаи волчьей, эй!

Безлунной ночью этой, эй!
Все тьмой густой одето, эй!

Скот стережем колхозный, эй!
Мы от напасти грозной, эй!

Отару охраняя, эй!
Мы запеваем бекбекей.

Поймаем волка мы, эй, эй!
Среди кромешной тьмы, эй, эй!

Клыкастая беда эй, эй!
Погибнет навсегда, эй, эй!

Не скрыться за холмом, эй, эй!
Его поймаем и убьем, эй, эй!

1946

* * *

Больших вершин искал — и малых не достиг..
Всю жизнь меня манил, манил высокий стих.
Перо мое, мой друг с далеких детских весен,
Как слабосильно ты — сегодня я постиг!

Придет пора — уйду, «прощайте навсегда»,
Но пусть живут плоды и моего труда,
И пусть земля цветет для новых поколений
И будет, как всегда, щедра и молода.

1946

ПЕСНЯ ЛЕТЧИКОВ

Пускай чернеют ночи без луны,
Пускай метели зимние страшны,
Мы на земле привыкли улыбаться
И в небе улыбаться мы должны.
Серебряные крылья — наша сила,
Нам по плечу любая даль и ширь.
Дорога далека,
Лети за облака,
Крылатый воин, красный богатырь!

Нас манят звезды ясные вдали,
Недалеко до Солнца от Земли.
Тащи вперед нас, яростный пропеллер,
Держите курс, послушные рули!

1948

* * *

Вновь обрел я свои молодые года.

Я растаял от звуков, которых досель
Я не знал и не слышал, судьбу торопя.
Душу тронул их свежести сладостный хмель.
Время жизни моей... Что за дни у тебя!

1948

МОЙ ДОМ

Эй, кто стучится в окно, топчется перед окном,
Не ты ли, моя нищета, вновь забежала во двор?
Бедность моя, уходи! Что тебе в доме моем?!

133

Прочь! Уходи прочь! Прочь убирайся, прочь!
Проклятая, прочь от меня!
Прочь уходи, карга!

Чист мой дом и богат, многое мне дано,
Хвалят меня друзья, а на дворе — темно.
Что же во тьме шумит, мой нарушая сон?..
Эй, кто стучится в окно?..
А за окном темно...
Чей это гулкий стук? Чей это слышится стон?
Не ты ли это, болезнь, заглядываешь в окно?

Некогда грелся я у твоего очага...
Хватит! За мой порог твоя не ступит нога!
Я не пушу тебя в дом... Недаром, рыча во всю
ночь,
Воеет рвущийся пес, лает, как на врага.
Прочь! Уходи прочь! Прочь убирайся, прочь!
Проклятая, прочь от меня! Прочь уходи, карга!

Я принимаю гостей... Я наливаю мед
(Так уж добра душа) тем, кто мне яд подает.
В полночь, нарушив мой сладкий, молочный сон:
«Эй, кто молотит в окно, кто там стучит у ворот?»
Вот и оборван сон, грохотом я пробужден...
Мирная жизнь, это ты?..
Благословен твой приход!

Скорее ко мне иди! Может быть, хилый, больной,
Я расцвету, утолив жажду твоей водой.
Я одинок, одинок... Что меня ждет впереди?
Нет ни жены, ни детей, слаб я перед судьбой...
Ты хоть слепое дитя, глупое мне роди,
Клятву даю: до конца буду я рядом с тобой!

1948

НОЧИ ВО ФРУНЗЕ

Должно быть, не я один, все вы любите их...
Город осенних ночей, город ночей золотых
Нужен моей душе, как воскрешающий труд,
Как отгоняющий смерть, жизнь
продлевающий стих.

В мареве голубом, в зеленом сиянье реки
Счастье ключом бурлит, плещет фонтаном
В нем.

Ибо город мой — жилище тех мудрецов,
Что руки простерши стоят
Или к груди приложив.

У ЖИЗНИ СЛОВО ЕСТЬ

Я не горюю от того, что слабостью объят,
Что золото моей листвы и стебель тронул яд.
Что будет час, когда земли вот этой не найду,
Чтоб хвастать: вот каков я был при жизни...
Так-то, брат!

Пусть я уйду, но жизнь сама со мною
 не уйдет,
Уйду, но солнце жизни
 тьма не скроет, не
 убьет.

Да, жаль:
У жизни слово есть,
Что греет и целит,
И не вкусить мне никогда его сладчайший
мед.

1948

ПЕРЕПЕЛКА

Эй, перепелка! Там,
где клевер и ячмень,
свое «фыють-фыють» беспечно
поешь ты целый день.

Жизнь, вижу, для тебя —
не труд, а вечный той.
Купаешься ты в хлебе,
вращенном не тобой.

Бросается в глаза
упитанность твоя.
Вот захочу — и шапкой
тебя накрою я.

Однако ты ловка,
веселая душа.
Все не даешься в руки,
свободой дорожа.

Перед тобой в полях —
обилие зерна.
Не оттого ль, шалунья,
и песнь твоя хмельна?

Пьянит и нас успех —
богатый урожай.
Коль хочешь, перепелка,
на той к нам поспешай.

Там, думаю, найдешь
себе по вкусу снедь.
О мирных днях, о солнце
нам будешь песни петь.

1948

МОЙ ДОРОГОЙ ГОРОД

Проснувшись поутру,
в окно я поглядел:
передо мною город
лежал молочно-бел.
Не просто шел народ,
спеша творить дела,—
там красота и юность
по улицам текла.

Дверь в полночь распахнув,
увидел я огни.

Под стать медовым сотам,
влекли к себе они.
О сладостный, родной,
любимый город мой,
где люди, как деревья,
живут большой семьей!

По улице пройтись
мне захотелось вдруг.
Здоровьем и достатком
дышало все вокруг.
Мой город, где живу,
где тянет ветром с гор,
своей красой и ростом
ты радуешь мой взор!

1948

СТРОИТЕЛЬ

Эй, каменщик! Тобой
в душе люблюсь я:
из красных кирпичей
растет стена твоя.
Такой вот быстроте
и точности в движениях
ты научи меня,
секретов не тая.

Сегодня жизнь не та,
какой была вчера.
Державу из руин
нам поднимать пора.
Для слуха моего
звук молотка веселый —
как музыка труда,
звучащая с утра.

Ты людям слово дал,
что твердо, как металл.
Благодаря тебе
красивей город стал.

В невзгодах закалясь,
 страна моя окрепла.
Не смог нас сокрушить
 войны недавней шквал.

1948

ПОЭЗИИ

Ты счастье мое, мера всех моих сил,
Тебе, как влюбленный, дарю весь свой
 пыл.

Из плоти души своей создал тебя
И прежде, чем ту, что люблю, полюбил.

Ты светишь в ночи путеводной звездой,
До смертного часа я буду с тобой.
Перо мое — гордость и славу мою —
Не купит никто никакою ценой.

Честь, совесть народа в родимой стране
Вручили оружие верное мне.
Перо я солдатом отчизны зову —
Танкистом, стремящимся в бой на войне.

В прекрасное время нам жить суждено,
Из пламени вырвано нами оно,
И взятая с бою счастливая жизнь
Желанна, как хлеб, и пьянит, как вино.

Никто перед временем не устоит,
Кипучей стремниною время бежит.
Немало суровых дорог мы прошли,
А сколько еще впереди предстоит!

Прикажет отчизна — исполню приказ,
Рожден для служенья ей каждый из
 нас.

Свобода, добытая нами в боях,
Зовет всю вселенную к свету сейчас.

Сбываются давние наши мечты,
Рассвет разрывает покров темноты.
И если теперь беспощадная смерть
Заставит навеки уснуть меня, ты —

Ты мертвое тело на плечи взвали
И быстро шагай по дорогам земли,
Без слёз в той долине меня схорони,
Где плеск Иссык-Куля услышишь
вдали.

Пусть волны свой плеск беспокойный
уймут,
Пусть волны поближе ко мне подойдут,
Посмотрят: один, мол, киргизский акын
Уснул возле озера нашего тут...

Ты счастье мое, мера всех моих сил,
Тебе, как влюбленный, дарю весь мой
пыл.
Из плоти души своей создал тебя
И прежде, чем ту, что люблю, полюбил.

1948

ПОТЕРЯННАЯ ТЕТРАДЬ

Что имел — не скрывал,
И скупцом я не был.
Мало, много ль имел — я считать не любил.
Был силен я, был молод — просто на зависть.
Где здоровье сегодня, где юности пыл?

Что имел — я не прятал за хитрую дверь.
Столько было богатства — хоть нынче не верь!
Быть здоровым, уж это одно — состоянье!
Лишь клочки от него я имею теперь.

Средь остатков того, что успел потерять,
Точно след прожитого — попалась тетрадь.
С дорогою находкою той показалось
Словно детство и юность со мною опять.

Я тетрадку раскрыл, — сколько прошлого в ней!
Ощутилось дыхание прожитых дней.
Нурджамал, сединой убеленная нынче,
Молодая совсем — в той тетради моей.

Я вчитался в былые свои письма, —
Всюду лица родные, друзей имена!..
Уж давно Айджамал навсегда проводили,
А в тетради моей — всё живая она.

Сколько тут — на листах, что желтее луны!..
Грудь сдавило печалью — с напором волны.
Нынче немощны многие, старыми стали,
Из друзей, что в тетради веселья полны.

Что ж, минула пора, — человек, примиришься!
Лишь бы зрелому мне снова други нашлись.
Сколько их на кровавой войне потерялось
И во мне, как сейчас, оживает всю жизнь!

1948

ЛЮДИ ТРУДА

Люди труда — горячи и отважны,
Нет у них старости, есть только жажда
Строить, творить, возводить и пахать.
С ними навек я сроднился однажды.

Сколько арыков и рек зашумело!
Сколько домов, возведенных умело!
Только строитель присел отдохнуть —
Лебедью песня над ним пролетела.

Дел не убавилось, годы проходят.
Мастера дело боится — в народе
Так говорят. А устанет — тогда
Над пиалюю пусть песня восходит.

Сталью суровой расковано счастье,
Пусть всех минует пожар и ненастье.
Воля народная — мир на земле,
Песней
Я в том принимаю участие.

1948

КРАСНЫЙ ОБОЗ

Зерно мы сдаем, будет с хлебом страна.
Народ будет здравствовать все времена,
Тот дар, что Отчизне своей принесем,
В аил к нам вернется, дав счастье сполна.
Пусть едет быстрее наш красный обоз!
Скорее, джигиты, чтоб ждать не пришлось.
Тот щедр, кто дает,
Но щедрей, кто берет —
Сторицей страна за добро воздает!

Скорее, джигиты, наш праздник настал.
Трудом своим каждый в полях прославлял.
Подарок нам счастье пускай принесет.
В аиле богаты и старый и мал.
Наш красный обоз пропустите вперед!
Машина газуя на склонах ревет.
Сверх плана сдадим мы,
Ведь щедр, кто берет,—
Живее, родные, нас время не ждет!

Зерно мы сдаем — это слава и честь.
Отчизне любимой народ послужил,
Всего будет вдоволь, коль хлебушек есть,
Исполнив свой долг, возвратимся в аил.
Пусть едет быстрее наш красный обоз.
Эй, родичи, быстро, чтоб ждать не пришлось!
Тот щедр, кто дает,
Но щедрей, кто берет —
Сторицей страна за добро воздает!

1948

ВЕСНА

Апреля сладость...

Суток вечный круг.

Мне б, как весной, любить всю жизнь, мой друг.
Как будто сталь ударилась о камень —
Услышал я один звенящий звук.

О, золото весны...

Закат, заря,

Всю жизнь любить бы, как весной, горя.
Словно монета в воду вдруг упала —
Один звенящий звук услышал я.

Не слушаешь совета от тщицы
И голосу не внемлешь правоты.
Душа моя, весна, в чем твоя прелесть?
Ведь пропадаешь, убиваясь, ты!

1948

ВЫРАЩИВАЮЩИЙ ДЫНИ

Дыню разрезали мы не спеша.
Нежным ее ароматом дыша,
Я наслаждаюсь. Колхозная дыня —
«Желтая сетчатая» — хороша!

Вижу, с дороги свернул я не зря:
Входит в меня, освежая, бодря,
Добрая, крепкая сила земная,
Как в легендарного богатыря.

Много постранствовал я по стране,
Добрый старик! И сегодня вдвойне
Счастлив сидеть в шалаше среди поля,
В старом — с плеча твоего — чапане.

Щурюсь блаженно на солнечный свет
И, стариковской заботой согрет,
Сам становлюсь беззаботным и юным,
Словно мальчишка пятнадцати лет.

Жадно впиваю дыханье полей,
Желтые дыни с ползучих стеблей
Ловко срываю и сам улыбаюсь:
Я все добрее, и жизнь — все милей...

1948

РУССКИЙ НАРОД

Умчался сумрак тех дремучих дней,
Когда чуждались русских мы людей:

Россия стала задушевым другом,
И что ни день, то ближе и родней.

Что было в прошлом? Долгие века
Лишь степь да одичалость кишлака.
Мы вымирали в жалкой нашей доле...
И вдруг раздался клич большевика.

И вот киргизов за руку берет
Великой справедливости народ
И говорит: «Цветите и растите!
Мы, русские, отныне ваш оплот».

Он вывел нас из вековой тьмы
Невежества, что пагубней чумы.
И словно юность в жилах зазвенела,
Как будто заново родились мы!

И мы пошли, как боевой отряд,
С народами проснувшимися в ряд.
Раскрылись дарования киргизов.
И вот в Кремле киргизы говорят:

«Мы были слабы, а теперь сильны.
Мы граждане той сказочной страны,
В которой легендарные народы
Высокой целью объединены».

О чем мой голос радостный поет?
Он воспевает крылья и полет!
Ведь моему киргизскому народу
Добыл свободу русский мой народ.

1948

ЖУРАВЛИ

Мальчонкой видал журавлей я не раз.
Однажды весной, не спуская с них глаз,
Я крикнул: «Эй, мудрые птицы, а что
Написано сверху на крыльях у вас?»

И стая слетела в цветенье полей,
Чтоб смог я прочесть на крылах журавлей

Четыре написанных четко строки,
Которые в памяти вечно моей:

«Узнай, что, как перья на птичьем крыле,
Богатство и Счастье живут на земле,
Извечно друг к другу стремятся они,
Ты скоро в своем их увидишь селе».

Ни мало ни много промчалось дней,
Не раз урожай убирали с полей,
И вновь я вернулся в родные места,
Где видел когда-то весной журавлей.

От ветра по травам гуляет волна,
Вот к юрте высокой прибилась она.
Спросил я колхозников: «Кто здесь живет?»
Ответили мне: «Это кров чабана».

Вошел я. «Салам!» — говорит мне киргиз.
Стоит угощение: баранина, рис,
Богатство и Счастье сидят за столом,
Хохочут и пьют белоснежный кумыс.

Недаром здесь дружбу они завели,—
Богатство и Счастье колхозной земли.
«Ты понял, что значит сегодняшний
день?» —
Курлычут, кружась надо мной, журавли.

1948

ТУРСУН-АПА

Турсун-апа собой не дорожит,
Колхозное богатство сторожит;
В ее дежурство вор не прокрадется
И даже мышь тайком не пробежит.
Как ни была б зимою ночь темна,
Глаз на минуту не сомкнет она.
За бдительность ей — и почет, и слава.

Турсун-апа уже не первый год
Бессменно вахту трудную несет:
В округе знают, что в ее дежурство

На склад никто украдкой не войдет.
Табунщика, доярку, чабана
Узнать сумеет за сто верст она,
А вора за десяток верст узнает.

Пускай он будет хитрым, как лиса,
Она его узнает по глазам,
По облику, по нраву, по повадкам —
Турсун-апа для жуликов — гроза.
Колхозный склад доверил ей народ,
Она родной колхоз не подведет,
Взять зернышка ворюгам не позволит.

И хоть ее работа тяжела,
Сна всегда добра и весела,
И в каждом доме ей, как гостье, рады,
И всюду ей за честный труд хвала.
Пусть зной палит,
Пускай трещит мороз,
Но чтоб богатством полнился колхоз,
Турсун-апа выходит на дежурство.

1948

КОГДА МНЕ УДАЕТСЯ НАПИСАТЬ ХОРОШИЕ СТИХИ

Когда стихи мне удались,
Пред ними я склоняюсь ниц
И шлю их в путь к земле и звездам...
И счастлив я,
И тень моя
Под лампой, где стихи я создал.

1948

МОИ ГЛАЗА ОСТРЫ

Глаза остры — сердца пронзает взор,
Могу я взглядом загасить костер,
Рука щедра — могу из чаши яда
Корчагу меда выцедить на спор.

Стадо движется издалека,
И старик зовет, на горке стоя,
Своего лобастого бычка:
— Зоенька моя!
Милашка Зоя!

1948

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родному языку любовь научит,
Родной язык вовеки не наскучит.
С младенчества меня учила мать
Родную речь любить и понимать.

Язык народа твоего чудесен,
В нем отзвук слышу колыбельных песен,
И кажется, едва увидя свет,
Я лепетал: «Ата, апа, ат, эт...»*.

Мне страсть к труду, презренье
к празднословью
Отец внушал, с великою любовью
Родному языку меня уча,
Я ощущал тепло его плеча.

Я петь привык на языке киргизском,
Любимом с детства, с колыбели близком.
Народов братских языки любя,
Родной язык, забуду ли тебя?

1948

МАЛЯР

Пришел маляр и наш покрасил дом —
И словно солнце поселилось в нем.
Вот этот человек в спецовке старой —
Он радость нам принес своим трудом.

В ненастье дом сияет, как дворец,
Сын улыбается, поет отец.

* Ата, апа, ат, эт. — Отец, мать, конь, мясо.

Вот этот человек в спецовке грязной —
Он — с чистым сердцем — светлых дел творец.

Веселье в доме, всюду звонкий смех,
Как будто праздник, торжество у всех.
В труде есть благородство, — благороден
С простою речью этот человек.

Он поздно лег и на рассвете встал,
Прекрасен труд, велик он или мал...
Но почему ж отец мой, век кочуя,
Такого в жизни мастерства не знал?

1948

СОЛНЦУ

Ты, пламенем вспыхнув во мгле голубой,
Заставило всех любоваться тобой.
Как мать ты, в страданиях и в муках своих,
Когда-то наш мир породило земной...

Столетиями каждый и месяц и час
Ты с нас не спускаешь встревоженных глаз.
Как мать, проводившая в путь сыновей,
Грустишь и болеешь душою за нас.

Но мир беспокойством извечным томим,
Он холоден к жарким тревогам твоим.
Он делает все, не считаясь с тобой,
Как баловень сын, равнодушный к родным.

1948

* * *

Если песнь легко струится вязью строк —
Отсылаю людям пламенный листок.
А не льется стих — не знаю муки злей.
Если сяду я у лампы, люющей свет,
И начну писать — я счастлив, я согрет...
Даже тень моя становится светлей.

1948

БУДЬ ГОСТЕМ

Обидно и досадно: почему
Три дня, как нет у нас гостей в дому?
Проходит путник мимо каждый раз.
Есть горько хлеб и мясо одному.
Киргизы рады гостю. В добрый час...
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

Нет гостя — грустно на сердце моем
И хмурится мой у дороги дом.
Прохожий! Дам коня, зерна в запас,
Но погости за праздничным столом.
Мы рады путнику. И в ранний час
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

Обычай предков свято мы храним:
Мы гостя лучшей пищей угостим.
С усталости ль не отдохнуть у нас?
Сердца раскрыты наши перед ним.
Раскрыта настежь дверь. И в поздний час
Зайди, товарищ!

Гостем будь у нас!

1948

ЕСТЬ СЛЕДЫ ТАКИЕ...

Есть следы такие, что всего прочней.
Никаким метелям их не занести.
Многие из хитрых, опытных людей
К тем следам не могут даже подползти.

Есть следы такие, что всего прочней.
Волны их не смоют, бури не сотрут.
Много краснобаев, много ловкачей
Смыть следы старались, но пропал их труд.

Есть следы такие, что всего прочней,
Огненное солнце их не может сжечь.
Их мечом пытался вырубить злодей,
Но следы остались, а сломался меч.

Да, и я трудился, да, и я поэт,
Да, и я величию наших дней внимал.
Да, я тоже в жизни свой оставил след,
Хоть, сказать по правде, след мой очень мал.

1948

* * *

След весла, крутясь, терялся за кормой.
Ты сидела, наклонившись над водой.
Был похож я на упругую арчу,
Ты была нежней березки молодой.

Не стеснялся я и весел был, и смел,
Песни с именем твоим, слагая, пел.
Ты как будто избегала глаз моих
И румянец на лице твоём алел.

Не забыл я твой румянец, не забыл...
И во мне еще сильнее нежный пыл.
Если только твой румянец золотой
Знойный ветер городской не иссушил.

1948

ВЫПАЛ СНЕГ

Снег старый и новый — до самых седин
Даривший нам силу — все тот же, один.
К приходу зимы приготовились мы,
И сладок привет белоликой келин*.

И выпавший снег нахватал молока
Из вымени вьюги, вскормившей телка...
И дети играют, не видя келин,
Что щеки щекочет и щиплет слегка.

Что детям? Отстать друг от друга нельзя,
И в теле — огонь и, друг другу грозя,

* Келин — молодка, невестка.

Срываются — бомбы бросать и колоть...
Ох, страшные игры избрали друзья.

Так рано зима к очагу моему
Пришла, и вороны сорвались во тьму,
И плачу я, глядя на игры детей.
Все плачу я... Мать, не скажи никому!

Как знать, поживу — и счастливой порой
Придет исцеленье... Как знак золотой,
Давай истолкуем ребячью игру!
Ах, зябко мне... Мама, ворота прикрой.

1948

Я ПОВИДАЛ ЗАВОД

Я повидал завод, я был в цехах его —
И я заворочен гиганта ритмом ровным:
Слились энергия, сознание, мастерство
В людских делах,
И мир стал ярким и огромным.

И стала ближе мне, стремительно-стройна,
Жизнь, полная трудом, как радостью и болью,
И показалось мне, что вся моя страна
С планетой делится по-братски хлебом-солью.

Меня в моем труде он утвердил, завод,
В том, что понять эпоху — сложная задача,
Ведь сам, как у станка, труднейшей из работ
Я занят: жизнь моя — всегда самоотдача.

Ведь наше достоянье — воля, ум и честь —
Все это смысл имеет только лишь в народе,
Первооснова — труд, в нем все для счастья есть,
И горд я, что вчера работал на заводе.

И в грохоте станков, и в зареве огней,
Усталости не зная в споре тьмы и света,
Я слышу зов эпохи чище и верней,
И этот зов — слова отцовского завета.

И город, и страна, и мой родимый дом —
Все то, чем дорожу, все то, что так люблю я —
Сплотилось в слове «труд» и в гуле заводском,
Где милую встречать иду на проходную.

1948

КАМЕНОБОЙЦЫ

Скалы крепкими ломами
Перемолов
И осколками вывернутых валунов
Загружая арбу за арбой,—
Соп, соп, соп! — погоняя усталых волов,
Говорят обо мне меж собой...

Слышу — каменобойцы, вздохнув, говорят:
— Все-то бродит, бормочет поэт!
Знать, судьба тяжела, жизни, значит, не рад,
И не мил ему белый свет.

Знайте, братья, судьба моя не тяжела,
Не глядите вы с жалостью, как на вола!
Да, скучны мои дни,
Словно вол, что упал,
Бесконечные окрики слушать устал
И ярмо волочить на спине,

Но порою они —
Словно мощный тулпар,
В гулкой мчащейся вышине.

1948

Я КОРАБЛЬ

Я торопливый тот корабль, который, бросив дом,
Прошел сквозь бурю, и волны не зачерпнул бортом,
И слишком рано в порт пришел, и — море за спиной.
Стою на этом берегу, а молодость на том.

Я — торопливый тот орел, я — беркут быстрый тот,
Что слишком рано, на заре, закончил перелет.

Осталась молодость навек в затерянном краю
Отвесных скал, зеленых гор, обветренных высот.

Совсем не думал я о том, что молодость прошла,
Простился, словно бы за ней еще одна была,
Оставил бедную в слезах, ее не приласкал
И не коснулся в черный час высокого чела.

Когда мы были вместе с ней, мы были хороши,
От старости не убережь ни плоти, ни души,
Но молодость моя живет, играя, веселясь,
Там, посреди орлиных гор, в заоблачной глуши.

1948

О СЕБЕ

Сам к себе я прислушался из-за стены,
Слышу кашель тяжелый, глухой из угла...
Снова думы унылы и мысли грустны:
«Жизнь моя драгоценная! Что ж ты ушла?..»

А когда на себя с перекрестка взгляну,
Вижу: тенью бреду, сам себе незнаком.
И болезнь неотвязная клонит ко сну,
Мальчик был озорной — стал почти стариком.

А на спящего я на себя погляжу,
И покажется: словно бескровный мертвец,
Без дыханья лежу, без движенья лежу,
Бьется сердце, как будто устало вконец.

А на мертвого я на себя бросил взгляд:
Богатырь, улыбаясь, лежит, словно лев,
Благодарен судьбе, жизни прожитой рад,
Честно путь завершив, крутизну одолев.

Тот, кто сможет, поймет... А с других спроса
нет,
Все же, как ни гляди, жизнь была хороша,
Не такой уж плохой был, пожалуй, поэт,
Руки щедрыми были, широкой — душа.

А когда из грядущего я посмотрел,
Тень вдаль показалась и пыли клубы.
Скажут многие: был он отважен и смел,
Воевавший с упрямою волей судьбы!

1948

МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ

Пусть осуждают нрав беспечный мой,
Но я скажу в согласии с молвой:
Высокие гробницы ненавижу,
Что с жизнью соседствуют живой!

Но по душе одна могила мне —
И, кажется, невольно, как во сне,
Перед могилой чабана Джапара
Я улыбнулся, с ним наедине.

Он важен был в кольце огромных стад,
Был благороден, щедростью богат...
И вот лежат, чернея, у надгробья
На солнцепеке четверо козлят.

И как живой мне вспомнился Джапар,
Его речей, мечтаний чистый жар,
И вдруг увидел я его живого,
В текучем окружении отар.

Под вечер, ночью, вглядываясь в тьму,
Вновь жизнь Джапара вспомню, вновь
пойму:
Бессмертен смертный, коль живое что-то
Над ним растет и ходит по нему.

1948

ВЕЧНОЕ

Страна моя богата, широка.
Но в сердце у меня жива тоска
По роднику, что прямо у окна
На улице родного городка.

Осталось мое детство там вчера
И юность — первой пробой пера,
И ночи тишь, и угольщик седой
У очага, и вечный свет костра.

А возвратишься в город свой родной,
Как будто долгих лет нет за спиной.
И встретишься с друзьями — заблестит
Слезинкой детства этот мир дневной.

1949

* * *

То спокойна, как уснувшее крыло,
То взметенная, как быстрое весло,
То сурова, словно отзвук дальних бурь,
Рассекающий просторы тяжело.

Ты прекрасна, ты прекраснее цветка,
Ты — крыло мое и счастье, и тоска.
Лишь с тобой я снова силу обрету,
Снова силу обрету я — на века!

1949

ЛИШЬ СТРОКА, ЛИШЬ МЕЛОДИЯ

Много песен и мелодий есть у нас,
Но какая всех дороже мне сейчас?
Где такая, чтобы на сердце легла,
Чтоб в тиши ночной мне слышалась не раз?

Сила песни — это юности задор,
И улыбка, и душевный разговор.
Лишь мелодия, лишь звонкая строка
Зазвучат в нас, будто эхо наших гор.

1949

ГРОЗА

Раскатись, раздайся, вешний гром!
Пусть заблещет ливень серебром.
Пусть сольется ливня ликование
С первым громом в воздухе сыром.

Потрясая облачную высь,
По горам и долам раскатись,
Чтоб в одном стремительном порыве
Все стихии грозные слились.

Раскатись, раздайся, вешний гром,
Чтоб еще богаче стал добром
Наш колхоз, чтоб наливались травы,
Чтоб набухло вымя молоком.

1949

* * *

Веселая, печальная,
Смешная, величальная,

Огромная, прекрасная,
То нежная, то страстная,

То ясная и чистая,
То как ручей, искристая,

Простая и правдивая,
Как совесть справедливая,

То с нами говорит она,
То как огонь горит она,

Что это?
Музыка.

1949

НОЧНОЙ СОВЕТ

Сад нынешней ночью не сторожат,—
Садовник встречает гостей-горожан.

А здесь, у арыка, где дремлют телки,
Поспевшие-дыни под носом лежат...

Луна-то какая!.. Ночь с нами в ладу.
Идемте, ребята, красть дыни в саду!

Садовник воров не погонит взащей —
Ему не до нас у себя в шалаше...
У клевера, где перепелки поют,—
Там столько арбузов поспело уже!

Луна-то какая!.. Ночь с нами в ладу.
Идемте — всем хватит арбузов в саду!

А выйдет садовник, да если с огнем,
Мы, как жавороночья стая, вспорхнем...

Луна-то какая!.. Ночь с нами в ладу.
Идемте — нарвем винограда в саду!

Но взлаяли псы... Вдалеке, не спеша,
Проходит жена садовода Айша.
— Эй, кто там? — вдруг подал свой голос старик
Закашлял для вида
Из шалаша.

Ватага от страха в момент замерла.
...Ах, что за пора золотая была!
Арбузы — как будто приманка для глаз...
Дынь запах — он просто преследует нас...

И что там запреты, собаки и крик!..
— Эй, кто?.. —
Окликает для вида старик.

1949

* * *

Покой в душе. И на сердце — весна...
Привет тебе, родная сторона!
Какая ночь... Как озеро сверкает,
Как хороша волшебница луна.

Куда ушла вчерашняя печаль?
Мерцанье звезд, вода, степная даль —

Здесь все мое... Мой взор здесь все ласкает.
Мне расставаться с этим будет жаль.

Брожу всю ночь в плену крылатых грез,—
Как будто с плеч я сбросил тяжкий воз!
И улыбаюсь...

так, как только дети
Умеют улыбаться после слез...

1949

А ЧТО, ЕСЛИ...

Все гибнет, меняется все, говорят,
А что, если я, не меняясь, заранее
Возьму и отправлюсь отсюда в Ак-Су,
Как только настанет пора угасанья.

Возьму и отправлюсь отсюда в Ак-Су,
И тысячу лет не приеду ни разу.
И стану есть желтые дыни, как мед,
Скажите на милость, кому я обязан!

Все бrenно, все временно, мне говорят,
А что, если стать, как народ мой — бессмертным,
А что, если смерть я свою обману,
Возьму и отправлюсь в Токмак незаметно.

Возьму и отправлюсь отсюда в Токмак,
И тысячу лет не приеду ни разу,
Отправлюсь и буду там есть виноград,
Скажите на милость, кому я обязан!

Все гибнет, все старится, мне говорят,
А что, если грозной рукой исполина
Возьму и ударю по черепу смерть,
А сам убегу в направлении Нарына.

Возьму и отправлюсь отсюда в Нарын,
И тысячу лет не приеду ни разу.
И буду там пить молоко и айран,
Скажите на милость, кому я обязан?!

1949

* * *

Я жизни не прожил, но кончилась жизнь...
Доныне цены ее я и не знал!
Как падают финики в желтом саду,
Я с жизненной ветки на землю упал.

Я жизни не прожил, но кончилась жизнь,
Я был ей товарищем, был как родной.
Бывал я свирепым, как в зиму верблюдов,
И, как верблюжонок, я плакал порой.

Мне жизнь не приелась — я знал ее соль,
Сосал молоко ее, матерью звал,
Я жил, как согретый лучами птенец,
Не раз с неумением смешным щебетал.

Я жизни не прожил, но песней своей,
Хотя бы одной, я гордиться могу!
А если кто в жизни меня обманул,
Что ж, пусть перед теми останусь в долгу!

1949

* * *

Из дальней дали, словно вихрь степной,
Я устремился за своей мечтой.
В тринадцать лет испил воды поэзии,
В пятнадцать — познакомился с тобой.

В те дни я очень своенравным был,
Самолюбивым и тщеславным был.
Поэта гениального, великого
Не оценил я и не полюбил.

В те дни я верил только в свой успех,
В те дни себя я ставил выше всех.
Тебя залить своим пытался морем,
А море с полстакана — просто смех!

Ты не заметил дерзости моей,
И понял я, что ты меня сильнее.
Тогда перед тобой я преклонился:
Сам утонул в поэзии твоей!

1949

РАДОСТЬ

Если радости в труде не испытал,
Если потом сладкий хлеб не добывал,
Значит, счастлив никогда ты не был
И другим ни капли радости не дал.

Коль земля твоя тебе не дорога,
Коль не радуют в полях тебя стога,
Значит, счастлив никогда ты не был
И по жизни праздным гостем прошагал.

Хлеборобу позавидуй. Он всегда
Полон радостью счастливого труда.
Будет щедрым хлеб — и в сердце радость
Не угаснет, не иссякнет никогда.

1949

МОЙ КЕТМЕНЬ

Чтоб всходам взойти, я тружусь целый день.
На отчей земле мне работать не лень.
Я поле рыхлю и копаю арыки,
В руках у меня мой товарищ — кетмень.

Мне радостно слышать стальной его звон
И видеть, как с хрустом врезается он
В политую потом колхозную землю —
Одною судьбою я с ним породнен.

В зарубках он был — я его распрямил,
На жарком, веселом огне закалил
И другом назвал, и помощником верным,
И юною силой своей наделил.

Беру его в руки — и сам становлюсь
Сильней. И работы любой не боюсь.
Я верю всем сердцем в грядущее счастье,
В сыновней любви я Отчизне клянусь.

1949

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Он давно позабыл, что такое покой
И не просит побряжки себе никакой;
Весть промчится, что едет в колхоз секретарь —
И поля расцветают от вести такой.

Хочет он, чтобы труженик землю любил,
Чтобы честным и преданным Родине был,
Чтоб для счастья людей в благородном труде
Не жалел ни упорства, ни знаний, ни сил.

В дом войдет секретарь — и наполнится дом
От улыбки его неизбывным теплом;
О делах он хозяев расспросит и сам
Будет гостем желанным у них за столом.

Справедлив он с людьми, но коль вор ты иль плут,
Он сумеет тебя распознать в пять минут:
И тогда от него снисхожденья не жди —
Станет враз секретарь беспощаден и крут.

Хоть огромный район у него на плечах,
Он не станет судить да рядить вгорячах;
Слово правды превыше всего для него —
Ведь недаром характером он в Ильича.

Сын эпохи, он вместе с эпохой растет
И Отчизне себя до конца отдает,
Делит радость с народом и делит беду...
И его уважает и любит народ.

1949

ПРОЩАНИЕ

Закалку прошел на заводе джигит
И стал знаменит он, и стал именит;
Пора наступила — он в армию едет
Служить, как присяга солдату велит.

Взращен он для славы народом родным.
Мать сына целует, прощается с ним,
Жмут крепкие руки ему заводчане,
Желают, чтоб был он судьбою храним.

В труде поколение мое возвращено,
Эпохою ленинской озарено;
С пути не собьет его ветер метельный,
Пред вражеской силой не дрогнет оно.

1949

ДЖЕНИШКАН-АТА*

Ночью и днем в седле
Наш Дженишкан-ата —
И вместе с ним на земле —
Величье и доброта.

Вот конь, уздечкой звеня,
Замедлил шаг у плетня,
Наш Дженишкан-ата
Устало сходит с коня.

В скромном доме его —
Лампочки фитилек,
В добром доме его —
Всегда тепла уголек.

Стало в доме светлей,
Праздник стучится в дом —
Наш Дженишкан-ата
Орденом награжден!

Стало в доме светлей,
Хмурого нет лица.
И у его друзей
Радуются сердца.

Нелегко труд чабана,
Зима в горах холодна.
В седле Дженишкан-ата
С рассвета и дотемна.

Сколько не спал ночей,
Чтобы на детский сад
Стала похожа весной
Отара его ягнят.

* А т а — отец; здесь: уважительное обращение.

День уходит за днем,
За годом уходит год,
Но жив человек — трудом,
Слава ему и почет!

В зареве зорь и гроз
Круты тропы высот:
Крепнет его колхоз,
Крепнет его народ.

Ночью и днем в седле
Наш Дженишкан-ата,
И вместе с ним на земле —
Величье и доброта!

1949

* * *

Пусть двинется сель, половодьем грозя,
И спустится ночь, свет вечерний гася,
Но следом за ними, пробившись внезапно,
Взойдет благодатное солнце, друзья!

Пусть жизни дорога подчас широка,
Но тоньше бывает она волоска,
Но воля к борьбе высоту одолеет,
И сменятся радостью боль и тоска.

А время широкой дорогой спешит,
Поток перепрыгнет, гранит сокрушит,
Рождается полное гордости счастье,
Средь бед и лишений мужает джигит.

Борьбой закален я и скорбью утрат,
Я жизнью обучен и жизнью объят,
И кажется мне, что над нами не властна
И самая смерть, как над миром закат.

1949

Я РОДИЛСЯ

Я родился, чтоб землю родимую чтить,
Чтобы вынести многое, много прожить,
Жаль, не в силах пройти путь со мной
наравне,
Юность где-то в горах потерялась—как быть?

Много радостных дней жизнь мне с детства
дала,
Верный путь я нашел, вырос я, и — хвала
Не одним только дням, полным светлых
надежд,
Но и тем, когда черная вьюга мела.

Только начат подъем, и дорога нова,
И похвальные нам скажут, верно, слова...
Что бы ни было там, за горами, вдали.
Ходит юность моя, где-то юность жива.

1949

* * *

Пусть вдали от дома годы пролетят,
Дальняя дорога приведет назад.
Буду возвращаться вновь и вновь... И снова
Иссык-Куль приветит, как любимый брат.

Что душе дороже, чем страна отцов!
Ведь исток и устье здесь в конце концов.
Сладко, пыль вздымая, в путь к нему
пуститься,
Мчаться по отчизне славных мудрецов.

1949

ПОЭМЫ

От жизни отречься — могу без труда!
От песни отречься — не в силах.
Не раз я солгал бы и богу, и милой,
Но песне своей не солгу никогда!

ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯ!..

Летит по ущелью поток,
О каменный бьется порог.
Здесь жажду любой утолит,
Хлебнув чистой влаги глоток.

Питают поток родники,
И с давней поры старики
Считают лекарством от ран
Прозрачную воду реки.
Отведав прозрачной воды,
Я сам становлюсь молодым.

Живет здесь старик Темирбек—
Широкой души человек;
С борьбою за счастье народа
Связал свою жизнь он навек.
Всем сердцем в свободу влюблен,
Не гнулся под пулями он;
Сто лет за плечами у старца,
Но он, как и прежде, силен.

А все потому, что сто лет
Светил ему гор наших свет,
Свет снежных вершин Ала-Тоо,
Где встретил я первый рассвет.
Здесь люди честны и сильны,
Бесчисленны здесь табуны.
Бессчетны стада и отары
И сочные травы тучны.

Не ведают страха джигиты,
Что в этих горах рождены.

Вновь на небе всходит луна,
Недвижна вокруг тишина,
Ночь пахнет цветами, как будто
Пропитана медом она.
И жду я рассвета опять,
Чтоб горы душою объять,
Чтоб землю восславить, чьи дети
Умели за правду стоять.

Бегут за годами года,
Но мне не забыть никогда
Далекого, милого детства,
Мелькнувшего, словно звезда.
Мерцал над вершинами снег,
Ночь тихо струила свой бег,
А мы на лужайке играли
При свете луны в ак-челмек.
Здесь девушке юной и нежной
В любви я поклялся навек.

Край синих заоблачных скал,
Меня, как отец, ты ласкал.
И, как по отцу, по тебе я
В далеких краях тосковал.
Была, как лекарство, нужна
Мне эта земля, что нежна
К своим сыновьям неизменно
Бывала во все времена.
И я до конца моих дней
Не смог бы смириться, чтоб к ней
Тянулись кровавые руки
Жестоких и алчных людей.
Где б ни был я, нет и не будет
Дороже земли и родней.

Земля моя! Всею судьбой,
Всей жизнью я связан с тобой.
Лишь вспомню, что есть ты на свете,
И вновь обретаю покой.

Мой славный киргизский народ,
 Достиг ты огромных высот.
 Но разве забудутся сразу
 Столетия бед и невзгод.
 Ты страстно свободы хотел,
 О ней в своих песнях ты пел,
 Лил горькие слезы на камни,
 Кляня свой несчастный удел,
 Звучали во мраке годов
 Мелодии Карамолдо;
 И вторили музыке горы
 Глухою печалью седой.
 Но к свету стремился киргиз,
 И к солнцу пробился киргиз,
 Во мгле беспроглядной, буранной
 Не сбился с дороги киргиз.
 Сквозь вьюги и стылую тьму
 Он к счастью пришел своему;
 И крепостью горы родные
 Надежно служили ему.

Путь к счастью нам Ленин открыл,
 Надеждой он нас окрылил,
 Взметнув справедливости молот,
 Он наши оковы разбил.

Земля, ты меняла свой лик,
 И новые песни Калык
 Киргизам дарил, чтобы каждый
 Величье свободы постиг.
 Был голос певца хрипловат,
 Но молнией вспыхивал взгляд,
 Когда он комуз свой трехструнный
 Греть заставлял, как набат.
 Как реки, напевы текли
 И правду народу несли
 О равенстве, братстве, свободе
 Воспрявшей от гнета земли.
 И Ленину мудрому он,
 Доверьем людей наделен,
 Спешил передать в своих песнях
 От горного края поклон.
 Нет, мы не хотим воевать,

Но землю свою отстоять
В грядущих боях мы готовы,
Нам мужества не занимать.
И если на нас нападут,
Огнем наши сабли сверкнут,
Могучие танки стальные
В атаку бйцы поведут.
И кони промчатся вдали,
И летчики взреют с земли,
И громом тяжелых орудий
Ответят врагу корабли.
Нет, мы воевать не хотим,
Но сильными духом растим
Своих сыновей. И коль надо,
Отчизну в боях защитим.
Врасплох не застать нас врагу,
Мы ночью и днем начеку.
Отважные, стойкие парни
Границы страны берегут.
Хранят они славу ее,
Крепят они право ее
На мирную жизнь и свободу,
На счастье твое и мое.

Коль дрогнем в опасности час,
Отец нам руки не подаст,
И будут глядеть земляки
С презреньем и гневом на нас,
Родимой землей и людьми
Мы прокляты будем не раз.

Летит за строкою строка,
И мысли бегут, как река.
Да будет велик мой народ
На все времена и века!
А если не хватит стихам
Запала, тогда пополам
Разрежу я сердце свое
И людям его я отдам.
Народу служить до конца —
Не в этом ли счастье певца!

Я мысленно вдаль загляну...
 Имею я дом и жену,
 Три сына растут у меня,
 Мечтая взлететь на луну.
 На жизнь я спокойно гляжу,
 Сажу за столом и пишу
 И, словно великий мудрец,
 Легко обо всем я сужу.
 На полках бесчисленных в ряд
 Тома моих книжек стоят,
 И знает весь мир обо мне,
 И все обо мне говорят.
 И дети твердят без конца:
 «Да это же книги отца!»
 И счастлив я тем, что сумел
 Свершить на веку столько дел!..

В себе я уверен вполне,
 Но только удастся ли мне
 Увидеть, как слава моя
 Зарею забрезжит в окне?

И малость завидую я
 Моим бородатым друзьям,
 Чьи песни, поэмы, стихи
 Известны в далеких краях.
 Пусть крепнет и славится пусть
 Киргизских поэтов семья!

Душе моей с детства милы
 Простые стихи Аалы.
 Сегодня поэта строка
 На многих звучит языках.
 И тот, кто читает его,
 Поклоном встречает его.
 Воспели стихами наш край
 Джусуп,

Джоомарт
 и Мукай.

И кажется, вот уже век,
 Как славится Кубанычбек.
 Лишь я средь собратьев седых
 Покуда хожу в молодых

И жду того часа, когда
Меня возвеличит мой стих.
Певцов отмечает страна,
Венчают певцов ордена;
Четыре их у Аалы,
Вся грудь его ими полна.
И есть ордена у других
Поэтов — собратьев моих.
А я еще только мечтать
Могу о наградах таких.

Но верю я в силы свои
И знаю, что песни мои
Оценит народ, а страна
Вручит мне за них ордена.

А время несется вперед
И радость на крыльях несет.
И вижу я, как над землей
Заря коммунизма встает.
Над Англией пламя ее,
Над Францией знамя ее,
В Китае рабочий народ
Судьбу в свои руки берет.
И всюду за далью границ
Выходят бойцы из темниц,
И шар наш земной озарен
Сиянием радостных лиц.

Пусть это пока что мечта,
Но прорвана рабства черта
И близится время, когда
Возвысятся люди труда.
Я жду этот день, этот час
За счастье свое на борьбу
И вижу уже, как сейчас
Встает атакующий класс.
И верю, что сбудется все,
О чем мне мечталось не раз.

Лишь в том не уверен вполне —
Удастся ли, смертному, мне
До часа свершенья мечты
Дожить вопреки седине.

Счастливые, светлые дни!..
Горят на проспектах огни.
На здания в три этажа
Гляжу — и ликует душа.
Здесь радость на лицах у всех,
Пленителен девичий смех,
А женщины так хороши,
Что даже кокетство не в грех.
Расти мой народ! Я готов
Всей силою песенных слов
Восславить размах твоих дел,
Все то, что свершить ты сумел.
Богата киргизов земля,
Щедры и обильны поля,
В аилах у нас по весне
Листвою шумят тополя.
И слава ее широка,
И сила ее велика,
И светлое счастье ее
Мы держим в надежных руках.

Да, край наш красив и богат,
Но станет богаче в сто крат
С годами он и расцветет
Под солнцем, как сказочный сад.
К вершинам, что тонут во льдах,
Пойдут под землей поезда.
Заоблачных гор красота
Откроется людям труда.
Любому, кто хочет взглянуть
На горы и ветра вдохнуть,
По рельсам гудящим туда
Проложим мы в будущем путь.

Себя я на мысли ловлю —
Уж очень мечтать я люблю.
Но знаю, что нет без мечты
У песен моих красоты.
Охвачен я множеством дум
И слышу грядущего шум,
За грань быстрокрылых годов
Стремится проникнуть мой ум.

Пусть славится все, чем я жил,
Чем с детской поры дорожил,

О чем на родимой земле
Немало стихов я сложил.
Пусть здравствуют люди труда!
Для них не жалел никогда
Я честных и искренних слов,
Прозрачных, как в реках вода.
Пусть счастливы будут певцы —
Поэм и сказаний творцы,
Пусть к людям их строки летят,
Как вечного счастья гонцы.
Я молод. Мне все по плечу.
И верьте мне: я не шучу,
Когда говорю, что свой век
Прожить человеком хочу.
И пусть я сказал не о всем,
Что плещется в сердце моем,
Клянусь вам: покуда дышу,
О многом еще напишу!
Вовек не остынет душа,
Мечту не отринет душа.
Опять над вершинами гор
К друзьям мои песни спешат.

Земля, ты — богатство мое.
Земля, ты — лекарство мое.
Тобою, родная земля,
Наполнено сердце мое.
И тот, кто со злом к нам придет,
Пусть милости нашей не ждет.
Сражаться за счастье свое
Умеет свободный народ.
Мир знает сердец наших жар.
Отметиной в солнечный шар
Впечатан навеки веков
Киргизов громовый удар.
Земля моя!

Счастлива будь!

Прекрасен и светел
твой путь.

1936

МАТЬ

Киргизу-певцу, Украина, позволь
твою разделить материнскую боль.
Как слезы земли, высыхают озера —
одна остается горячая соль.
Оплачь, Украина, своих сыновей,
изгладится горе нескоро, нескоро.
Прими мою песню — степного простора,
прими мое сердце — в песне моей.

В дыму города, и деревни пусты,
изранена ты, истоптана ты,
слова твои — беженцы и очевидцы
еще не избавились от немоты.
Еще не запели твои кобзари,
еще не светлы родные криницы,
нескоро неволя тебе отоснится
и сумрак вечерней кровавой зари.

Войска отступили. Отчаянный бой
не тронул деревню — прошел стороной.
Все пусто, все окна заставлены глухо,
но будто бы в крайней хатенке одной...
И верно: старуха сидит у окна,
глядит, как всегда, на дорогу старуха.
Деревня — ничья. Непривычна для слуха
звнящая, ждущая тишина.
Выходит — садится на стылый порог.
Сама же осталась как жизни залог,
осталась — душа опустелой деревни,
и лик ее темен, и взгляд ее строг.
Родимое место не след покидать.
Таков ее смысл надежный и древний.
Все пусто. Не перекликаются пивни,
своих не слышать и чужих не видеть.

Все тихо. А буря крадется, как ночь.
Стрекочут кузнечики в поле точь-в-точь
как дальняя очередь автомата.
Но нечего воду пустую толочь:
пропала — как не было — тишина,
и рыжая туча идет от заката,
а первая к западу — крайняя хата.
К сидящей старухе подходит война.

И солнце пропало в дыму и в огне.
Как сокол небесный — джигит на коне,
с полотнищем красным и ранен как будто...
Разрыв — и в кромешной пропал пелене.
Два танка — оттуда, из тьмы огневой —
один разворачивается круто,
горит и стреляет... Проходит минута,
и парень со знаменем, пеший, живой,
уже на пороге. Лица не узнать,
но к сыну родному кидается мать:
— Не ранен? Мой Славик! — Повисла на шее,
и мне этой радости не передать.
И некогда: двух не осталось минут.
— Возьми это знамя и спрячь поскорее!
Ты жди, я вернусь! — Он прощается с нею,
и следом какие-то люди бегут...

Их двое. Уверенно, будто свои, —
и в сени и в горницу: — Где же твои?
Твои сыновья, Никитовна Анна, —
на чьей стороне? Говори, не таи. —
Слова — украинские вполне,
а голос скрипучий — совсем деревянный.
Никитовой величают... И странно
о детях подумать: на чьей стороне?

Украинец сухощав, долговяз,
не сводит с Никитовны пристальных глаз.
Начальник его называет Викентом,
а сам, толстоногий, подходит как раз
к высокой кровати — помягче бы сесть.
Гнушается, видно, простым табуретом.
Мешок на подушке — некстати, — и в этом
мешке что-то есть...

Мать думает: «Господи, помоги,
уж только бы не догадались враги...»
Фон Миллер на чистом сидит покрывале —
пыльные лаковые сапоги.
По горнице низенькой глядь да поглядь:
— А младший воюет? — Недавно призвали.
— Где прячешь оружие? На сеновале?
— Какое оружие? — крестится мать.

Как самого младшего сына зовут? —
Встревает Викент услужливый тут:

— Герр оберст, мальчишку зовут Вячеславом.

— А старшего? — Виктором. — Виктором — гу-ут.

И странно родные звучат имена,
и слово не ладит с акцентом картавым.
И мова родная вот этим плюгавым
и пыльным фон Миллером осквернена.

Викенту приказано дом осмотреть,
хозяйке — покуда на месте сидеть,
и нехотя Миллер с перины слезает,
и видно в оконце: полез на поветь.
Никитовна с этим Викентом — одни.
И все он глядит — и откуда он знает?
По горнице ходит и ногти кусает.
Рушник и божница, портреты родни...

А сам-то откуда? Наверно, из тех...
— Все знаю, — смеется, — о вас обо всех, —
И сыплет знакомыми именами,
и слышится кашель, и сыплется смех.
«Как я высыпала мешок отрубей,
а сквозь мешковину не светится знамя?»
— Где знамя? — Вот леший... — Вращая
глазами,
Викент долговязый кидается к ней.

Лицо нелюдское, и сам как в бреду.
Ах, батюшки: древко совсем на виду:
кровавый обломок торчит из-под лавки,
о нем и забыла, себе на беду.
Викент под кроватью, Викент под столом,
на всех четырех: — Все отродье, от Славки
и до тебя, до старой мерзавки,
все коммунисты... — И дышит с трудом.

Слова же легко превращаются в лай.
Однако, Никитовна, не зевай:
он прыгает в подпол. А мать уж за дверью,
с собою мешок прихватив невзначай...
— Куда уходила? — Наметанный взгляд
скользнул по кровати, заметил потерю.
Теперь ничего не достанется зверю:
на пухлой перине — лишь Миллеров зад.

В трухе, в паутине является он.
И русский подонок, и прусский барон
глядят друг на друга: — Герр оберст... —
Растяпа! —

Но грубым излишне становится тон.
Пусть Анна вздохнет. Теперь ей смешно,
как Миллер ругается: тигров гестапо
она одурачила, старая баба.
Где знамя? Где надо. А ей все равно.

Повесить? Подумаешь, напугал.
Поужинать просит? Однако, нахал.
Чем потчевать буду? Овечьим орехом...
И если бы Миллер все это слышал,
и если бы знал, что умрет натошак...
А бой все идет — с переменным успехом,
все слышится дальним настойчивым эхом.
Не думает Миллер об этих вещах.

А думает Миллер, как встать на постой.
— Ты тигр, Викент, но еще молодой,
котенок еще перед старой тигрицей,
и я не желал бы хозяйки такой... —
Зачем договаривать до конца?
Викент незадачливый рад отличиться:
забегал по горнице, кипятится,
но видно, что кровь отлила от лица.

Викент спотыкается на бегу,
выхватывает пистолет... — Не могу... —
Полковнику весело. Анна застыла,
в лицо одичалое смотрит врагу.
Отвисла рука, онемело плечо.
— Смелее, разгона еще не хватило, —
все тешится Миллер, — попробуй-ка с тыла,
смелее, тигренок, побегай еще!

Дрожащий, в наморщенных сапогах
Стоит он, качаясь на тонких ногах.
Зажмурился — что это? Жалость напала?
А может, и совесть, а может, и страх.
Для армии рейха — опаснейший вздор.
Гестаповец хмурится мало-помалу,
Викенту обдумывает приговор.

Ведь слезно раскаялся негодяй.
А может, опомнился? Вот и гадай.
А может, и младший — изменника-брата?
А может, и сына?.. Душа, пропадай!

Мужайся, читатель: сегодня война.
Что в сердце творится? Кромешного ада
не видно так близко — и видеть не надо.
Войдем поскорее: стреляла она.

Усталость — нет мочи. И ей все равно.
Как сына узнала — так было одно
мгновенье счастливое и слепое,
и нехотя так прояснилось оно —
до ясности черной. И как ей понять,
что выхода нет, что родные, что трое,
и матери жертвовать надо собою,
суда и возмездия время принять.

А этот говорил, как воспитывал дух,
когда в лагерях стариков и старух...
Она ж пистолета в руках не держала —
но выстрел внезапный так верен и сух.
И Виктор как будто запнулся — умолк.
Судила — как родина или держава,
и тут ни при чем материнское право,
ни сердце, ни разум. Исполнила долг.

В дому тишина. Мы ее сохраним.
Склоняется Анна над сыном своим,
глядит, как черты проступают иные,
и стынет, и стынет, и стынет над ним.
Так некогда стыл легендарный Тарас
над телом неверного сына Андрия,
и правда твоя именуется: мрия.
Ее я рассказывал без прикрас.

Стоит или нет Никитовны дом,
жива ли старуха, не знаю о том.
Но красное знамя явилось, и вскоре
ушел Вячеслав с уцелевшим полком.
В степях Украины седеет ковыль,
степное седое волнуется море,
как мой Иссык-Куль, — материнское горе.
Преданьем и песней становится быть.

1944

КУЛИЙПА

С гор, наперегонки, мчат к озеру все воды,
На глади — лебедей красуется косяк.
Песчаны берега. Стоит среди природы
Весь в запахе цветов, колхоз «Кумюш-Булак».

Два месяца всего я жил в колхозе этом —
Меня в «Кумюш-Булак» забросила судьба.
И, как Меджнун в Лейли,* влюбился я тем летом
В красавицу одну, чье имя — Кулийпа.

Кто испытал любовь — тот знает эти муки.
Ее дыханьем пьян, не находил я сил
Открыться ей... И вот, отчаявшись в разлуке,
Однажды Кулийпе письмо свое вручил:

«О милая, с тобой судьба моя — как зорька,
А без тебя она — страданье и тоска.
Пойми меня, молю, и руку дай мне только —
И мы умчимся вдаль, как в небе облака...»

Мне скоро Кулийпа ответила открыто,
И весть ее была неожиданна и горька:
— Сегодня жду я в дом желанного джигита,
Приехать должен он ко мне издалека.

Коль любишь, и мою всерьез ты просишь руку,
На встречу приходи — угодно так судьбе.
Навеки поклялись мы в верности друг другу,
Три года я ждала, вот мой ответ тебе...

И долго я стоял с поникшей головою,
Не в силах отогнать печальных дум моих,
Узнав от Кулийпы, что я ее не стою,
Что с фронта едет к ней израненный жених.

Бросало в жар меня, потом — в холодный омут,
То словно трезв я был, то словно снова пьян.
И, духом укрепясь, к ее поплелся дому,
Привычно на ходу оправив свой чапан**.

Всё прибрано уже красиво у невесты.
Кто едет? Для кого цветастые ковры? —

* Меджнун и Лейли — герои широко известной легенды.

** Чапан — верхняя одежда.

Родителям о том, как видно, не известно,
Волнуясь, старики дивятся до поры.

И вот клубится пыль и оседает тяжело,
И звонко бубенцы залиvistые бьют —
Несется по айлу двуконная упряжка,
Джигиты в ней сидят и весело поют.

Подруги Кулийпы — всезнающее вече,
И те, кто побойчей и посмелей из них,
Мать в сторону ведут и, окружив, щебечут:
«Вот счастье Кулийпе! Приехал к ней жених!»

Про это с Кулийпой апа не говорила —
Подольше берегла она дитя свое.
Известием ее, как молнией, спалило,
И радость вдруг в глазах угасла у нее.

Упряжка поднеслась поближе, в клубах пыли,
И стали кони враз — смирила их узда.
«Где Кулийпа живет? — приветливо спросили
Джигиты-лихачи. — Здесь? Значит, правь сюда!»

И вот они коней свернули прямо к дому.
Навстречу, суется, идут и стар, и млад.
Не веря всё еще явлению такому, —
Взглянуть на жениха внезапного спешат.

Два парня молодых, что прибыли с ним вместе,
Взяв под руки его, сошли с упряжки с ним.
И под руки ведут, и вводят в дом невесты, —
И все потрясены видением одним:

Слепы его глаза! И радоваться рано,
Хотя с полей войны, объявшей полземли,
Из смертного огня, свинцового бурана,
Былые женихи не многие пришли...

Ведь оттого, что здесь желанная подруга,
Потухшие глаза не вспыхнут, как цветы.
Потупясь, все стоят, не смотрят друг на друга,
Стемясь и стыдась неловкой немоты.

Не видя Кулийпы, джигит собрал все силы,
Чутьем ее нашел, всем сердцем, наугад,

И обратился к ней с судьбой своей немилой.
Все слушают его, внимательно молчат.

— Под солнцем всех времен, горячим и высоким,
На ветке молодой созрел я, словно плод...
За смерть моих друзей я мстил врагам жестоким,
Я жизни не жалел для Родины... И вот

Нашлись и для меня у гитлеровцев пули,
Они меня свели с печальной судьбой —
Остался я слепым. О Кулийпа! Могу ли
Я клятву позабыть, что дали мы с тобой!

Еще не посетив родительского крова,
К тебе приехал я. Черно в моих глазах!
Ответь мне, Кулийпа: ты любишь ли — такого?
Иль то, в чем мы клялись, рассыпалось во прах?—

Умолк слепой солдат. И, стоя перед нею,
Ждал, что же сберегла в ответ ему она.
И ждали все вокруг, в молчанье цепenea,
Как вставшая и вновь утихшая волна.

И видят: Кулийпа, застывшая на месте,
Очнулась и тайком смахнула слезы с глаз.
В письме, где ей писал любимый о приезде,—
Ни слова о беде, нагрянувшей сейчас.

С собой еще она в смятении боролась...
С улыбкой к жениху неспешно подошла,
Был чистым, как родник, ее негромкий голос:
— Проклятая война с тобой нас развела!

И время нам пришло с тобою повстречаться.
И ты уже не тот, и я уже не та.
Любимый, на судьбу не будем огорчаться.
Для молодца, как ты, постыдна ль слепота!

Нет темноты темней, и боли нет больше...
Но клятвы, мой родной, забыть я не могу.
Вот мой ответ: люблю! Люблю еще сильнее —
Своей любовью мщу жестокому врагу.

Прогнал ты темноту и пересилил боль ты
В надежде, не сломясь, приехал ты ко мне.

Отец и мать! Прошу: навеки нам позвольте
С любимым вместе быть как мужу и жене!..

...Отец — поспешных слов найти в ответ не смеет:
Чем обернется всё, ему откуда знать?
И глубоко в душе он дочь свою жалеет,
Согласие свое ей не решаясь дать.

— Непросто вас понять, сегодняшние дети,
Так откровенны вы, открыты и чисты. —
И просит жениха, и далеко он метит:
— Скажи мне, дорогой, что можешь делать ты?

— Из дыма и огня пришли, подобно чуду,
Другие времена, вы правы, аксакал.*
Лишь правду говорить умею я повсюду,
И больше ничего, — джигит ему сказал.

Несмело в разговор тут мать вступила тоже:
— Отец, угомонись и Кулийпу уйми.
Позориться при всех нам, старикам, негоже.
Ах, боже, боже мой! Не стыдно ль пред людьми?..

Отец неумолим: — Старуха, помолчи ты!
Умей ценить людей, — сказал он ей в ответ. —
От тех, кто правде люб, — ведь новые джигиты
Отважные, как львы, рождаются на свет!

Сынок! — сказал старик. Все стихли на мгновенье. —
За правду на земле ты постоял в бою.
Быть честным до конца — вот главное умение.
Благословенье вам от сердца я даю!..

Такое услышав, кто устоит на месте!
К влюбленным все спешат — поздравить и обнять.
И вот уже кругом — веселье, танцы, песни.
На свадьбе Кулийпы пришлось и мне гулять...

Об этом обо всем потом я думал часто,
Дивясь такой судьбе и верности такой.
И, преклоняясь, я желал большого счастья
Любимой Кулийпе — колхознице простой.

Однажды наши вновь сошлись пути-дороги.
— Верни мое письмо, — ее я попросил.

* Аксакал — седобородый, почтенный.

— Я спрятала его. Оно — одно из многих
Полученных тогда. Но был один мне мил...

С гор, наперегонки, мчат к озеру все воды,
На глади — лебедей красуется косяк.
Песчаны берега. Стоит среди природы,
Весь в запахе цветов, колхоз «Кумюш-Булак».

Два месяца всего я жил в колхозе этом —
Меня в «Кумюш-Булак» забросила судьба.
И, как Меджнун в Лейли, влюбился я тем летом
В красавицу одну, чье имя — Кулийпа.

1944

ХАРАКТЕРЫ

(Легенда)

Задолго до великих перемен
В глухом краю, где травы до колен,
Случилось то событие, о котором
Поведал нам седой Кула-мерген.

Межгорье, где обрыв скалист и крут,
Долиною Колтер в горах зовут.
Для живности клыкастой и когтистой
В густых лесах — приволье и приют.

Соскучившись без дела как-то вдруг
И взяв подмышку дальнобойный лук,
Кула, охотник девяностолетний,
Преемника привел на этот луг.

Надумал сына обучить Кула
(Такая мысль давно уже была)
Премудрости охотничьей, покуда
Очей горячих не застлала мгла.

Сказал Кула: «Стой здесь и будь готов,
Как опытный охотник-зверолов!
Тут — множество архаров и козлов,
Я пригоню их к этому угору,
А ты стреляй, едва услышишь зов!»

Он только это слово произнес,
И, прыгая с утеса на утес,
Помчался, удивительный охотник,
Как будто бурный вихрь его понес...

Вот разошелся утренний туман,
И вышли поросенок и кабан —
Остры клыки, подобные алмазам...
Детенышу урок охоты дан.

И расступился медленно тростник,
Внезапно пестрошкурый барс возник,
Окинув дол кровавыми зрачками,
Пошел, рыча и закусив язык.

Вдруг скалы задрожали и леса,
Вокруг загрохотали небеса —
Промчались в тучах беркут с беркутенком,
Рванулась черной тени полоса.

У всякого живого существа
Детеныш есть, и жажда торжества
Над прочими, и право на добычу,
Желанье силой подтверждать права.

В свидетельницы взять бы я хотел
Долину благодатную Колтер,
Пусть будет поученьем молодежи
Живое описание грозных дел.

Был сын Кула в засаде у реки,
И молодой секач, пригнув клыки,
Пошел, почуяв запах человеческий,
Чтоб разорвать пришельца на куски.

И тут, нарочно или просто так,
Но молодому барсу подал знак
Его отец... От одного удара
Секач свалился наземь и обмяк.

Тигренок важно вышел на бугор...
Вперяет мальчик потрясенный взор,
А юный барс урча заносит лапу...
Подросток быстро выстрелил в упор.

Но старый барс, от ярости рыча
И землю взрыв когтями сгоряча,

Мстя за свое дитя, схватил мальчишку
И разорвал от паха до плеча.

Здесь прибежал, слышав крик и вой,
Кула, гоня козлов перед собой.
Глядит — и явь страшна, как сновиденье...
Склонился над кровавой головой.

Еще убийца ноги не унес...
Прицелился, не утирая слез,
Седой охотник... Выстрелил... Промазал...
Но барс разбился, прыгнув на утес.

Барс бросился с обрыва в горький час,
Так сильно страшный вид его потряс...
Был потрясен охотник, полный горя,
Что промахнулся в жизни первый раз.

А черный, мести жаждавший секач,
Который видел бой и слышал плач,
Помчался к человеку без оглядки,
Из-за пригорка выскочил, как мяч.

Но тут раздался клекота распев.
Как будто человека пожалев,
Из поднебесья юный беркут прынул,
Обрушился его нежданный гнев.

Вонзился коготь, будто бы вошло
В кабанью спину крепкое сверло.
Но беркут распластался, в куст вцепился...
Кабан рванул и оторвал крыло.

Но через миг настал отмщенья срок,
И старый беркут, сжавшийся в комок,
Убийцу сына зацепил когтями
И вскинул в небо, за собой увлек.

Он поднимался в синий океан,
Рыдало солнце, глухо выл буран...
Разжались когти над скалистым гребнем,
И в пропасть с визгом грохнулся кабан.

Спустился наземь беркут, мстью сыт,
Довольный тем, что кровный враг убит,

Но вспомнил о детеныше погибшем
И, в небо взмыв, разбился о гранит.

Кула-мерген, усталый, сбившись с ног,
Домой добычу еле отволоку...
Отец недолго тосковал по сыну,
Но надивиться промаху не мог.

1944

ВОСКРЕСШИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Взвивая вихрем годы, словно сор,
Свистя камчой, топча степной простор,
Кидаясь жизнями людскими всеми,
В болота превращая выси гор,
Будя умы, куда ты скачешь, Время,
Куда несешься ты во весь опор?..

Туманом застилая даль веков
И осушая слезы бедняков,
В грядущее дороги указуя,
Как луч, пробившийся из облаков,
Ты, богатырь, торишь тропу земную,
Твой путь, о Время, разве не таков?..

С тобой в сравненье тих морской прибой,
Молчит в смиренье ураган слепой,
Баянджабыр, что всех быстрее на свете,
Не мерится с тобою быстротой,
И только мы, страны Советской дети,
Мы — повод в повод — мчимся вдаль
с тобой!

Мы знаем, Время, ты ведешь всех нас
В долину счастья, праздника для глаз,
Где будут на пол стлать потомки наши
Сорокослойный блещущий атлас...
Кто вправе жить достойнее и краше,
Чем внуки тех, кто трудится сейчас?!

Так мчись, о Время! Вскачь лети туда,
Где счастья животворная вода
Плеснет на смерть, и раньше или позже,

Смерть, зачадив, погаснет навсегда...
Но, оглядась, над тем посмейся все же,
Что приключалось в прежние года.

...В Кара-Киясе первый случай был.
Хорош, богат колхозный тот аил,
В котором чуть не совершились беды...
Ошибка ль, глупость этому виной?..
В тот день великий праздник в честь
Победы
Справлял народ, от радости шальной.

В колхозе вспоминают: Мереzbek,
Тот, что мрачнее тучи был весь век,
Рожденье сына без улыбки встретил,
Вскочив, пустился по колхозу в бег,
— Конец войне! — кричал, как солнце,
светел

И хохотал — угрюмый человек!

А Саранкул, — из всех скупцов скупец! —
Что для друзей не только там овец,
А мыши пожалел бы половину, —
Услышав, что войне пришел конец,
Зарезал ярочку и крикнул сыну:
— Зови гостей на бешбармак, малец!

Джене*, что с деверем была на «вы»,
Аке**, не подымавший головы
Вчера пред младшею снохой своею,
Сегодня пляшут в зелени листья,
Смеются, друг пред другом не робея,
Сегодня все добры, дружны, резвы!..

Конец войне!.. Довольно слез и мук!
К нам птица Счастья возвратилась вдруг,
Скаун Добра, в чьей гриве птичьи перья,
Веселым ржаньем оглашает луг.
Примолкла Злоба, вновь пришло Доверье.
К жене вернется муж, а к другу — друг.

Кто получил известье от сына,
Тот весел, у того душа легка...

* Д ж е н е — старшая сноха.

** А к е — младший деверь.

— Налей-ка беленькой! Хлебнем все
вместе!.. —

Старик подбадривает старика...
А получивший черное известье
Молчит и слезы льет исподтишка...

Освободясь от тягостных оков,
Струится жизнь меж прежних берегов.
Зажглись огни. Пути для всех открыты.
И, словно птицы из чужих краев,
К востоку с запада спешат джигиты,
Слетаются опять под отчий кров.

Слетаются... Пируют день-деньской.
Бурлит кумыс. Буза течет рекой.
Конина в казанах шипит, вскипая.
Предела нет у радости людской!
Под крылышко берет земля родная
Всех тех, кто исходил по ней тоской.

В тот светлый день домой, в родной аил,
И Сукентай Султангазы спешил,
От нетерпенья трепеща: «Опять я
Жену увижу... Всех, кто сердцу мил...»
...Ночь. Никого на станции... Объяты
Лишь старый Ала-Тоо перед ним раскрыл.

«Никто встречать не вышел... Почему?
Могли бы знать по моему письму,
Что должен я приехать в эту ночку...
Открытка затерялась? Не пойму!..»
Султангазы подумал... В одиночку
Пошел бедняга к дому своему.

Родной колхоз, по счастью, не далек.
И, перепрыгнув через ручеек,
Суке вдохнул знакомый запах дыма.
Домой, домой со всех он мчитя ног...
Отца и мать, лицо жены любимой
Представил он, избегая на порог.

Пригладил волосы свои джигит...
«Спокойней!» — сам себе он говорит.
«Сейчас увидишь всех родных воочью...»
Темно в оконцах... Плотно вход закрыт.

«Конечно, спят... Что делать людям
ночью?..»

Тук-тук... Тук-тук — он громко в дверь стучит.
Тук-тук... Кто первый выйдет открывать?..
Старик отец?.. Да нет, наверно, мать!..
А может... может, Джаркынгуль, по
счастью?..

Ведь мы с ней жили голубкам под стать,
В любви, и в уважение, и в согласие..
Проснись, любимая! Довольно спать!»

Стоит Султангазы у двери, ждет..
Вот чиркнут спичкой... Свет зажгут
вот-вот.

Раздастся голос: «Кто там?»
«Отвори же!..»

Минута тянется, как долгий год..
«Спокойнее!.. Сейчас я всех увижу.
Сейчас проснется кто-нибудь... Придет...»

Но голосов не слышно в тишине.
Ни шороха. Весь дом — в недвижимом сне.
Спят, спят без просыпа... Да что же это?!
Он заглянул в окно. Темно в окне.
Безлунна ночь. На небе ни просвета.
Темно внутри. Темным-темно извне.

К пустой конюшне он направил путь.
У входа сел: передохнуть чуть-чуть.
«Что приключилось? Поразмыслить надо.
Гостят, быть может, у кого-нибудь?..»
...Повеяло предутренней прохладой.
Сидит Суке. Тоска сжимает грудь.

Но вот порозовело над холмом..
Встал Сукентай... Заглядывает в дом:
Не комната, а мрачная могила.
Безлюдно в доме брошенном, пустом..
И стены голы... Сукентай унылый
Побрел к Джапару — в домик за прудом.

— Суке!.. Дружок! —

Джапар сердечно рад,
Соседи и родные в дом спешат,
В слезах джигита обнимают...

—Здравствуй!—

Султангазы целует всех подряд.
Раскинут достархон... Готовят яства,
Но о семье Султангазы молчат.

Приносят чашу с ключевой водой

И трижды у Суке над головой

Кружат ее, заботясь о джигите...

— Плюнь!.. Выплесни! Простись теперь
с бедой!.. —

Джапар сказал:

— К отцу Суке спешите

Мол, Сукентай, ваш сын, пришел живой!..

Услышав это, просиял Суке.

«Отец мой жив, он здесь, невдалеке...

Но что же в доме так темно и сыро?..

А Джаркынгуль?..» Он думает в тоске...

Не трогает его веселье пира,

Стакан вина дрожит в его руке...

Лишь под вечер донесся стук копыт.

— Отец приехал! — закричал джигит.

И обступили все отца джигита.

— Вон он, сынок!.. Как видишь, не убит!..

Живехонький, здоровый — погляди ты!..

— Домой, Суке, поскачем!.. Мать грустит.

— Домой? Куда? — спросил Суке отца.

— Наш старый дом — обитель мертвеца.

Святое место стало нехорошим.

Где цветничок?.. Где наши деревца?

Скажи мне, почему наш дом заброшен?

Мне что-то не понятно до конца.

В смущении потупил взор старик,

И словно онемел его язык.

Султангазы спросил тогда Джапара:

— Что там стряслось у родичей моих?..

— Прости меня, сынок! — промолвил
старый.

— Прости нас всех, Суке!.. Наш грех
велик.

Джапар сказал:

— Два года — срок не мал! —

Ты о себе вестей не подавал.
Грустил отец, и мать вздыхала тяжко.
По камешкам гадалщик ей гадал...
Но вот в правление пришла бумажка,
Что ты погиб, сраженный наповал.

Мы это скрыли от твоей семьи.
Размножив фотографии твои,
Мы о тебе, Суке, грустили тайно.
Но весть плохая — как ты ни таи! —
Живуча, легконога чрезвычайно...
Все разузнали родичи твои.

До крови мать лицо разодрала.
Отец твой... Видишь? Борода бела!..
Жена твоя рыдала, убивалась...
Где столько слез горячих набрала?
Бывало, стонет — даже слушать жалость:
«Погас мой свет! Луна моя зашла!»

Но... минул год... Солгать тебе могу ль?
Зима с весной пришли... Отцвел июль...
И стал ты жертвою измены дикой,
Чьи стрелы ранят метче вражьих пуль...
За недотепу из Орто-Арыка
Нежданно вышла замуж Джаркынгуль.

Подавленные горем и стыдом,
Твои родные бросили свой дом,
И вот отныне в Верхнем Беш-Атыре
Живут, грустя о жребии своем.
Что не случается в подлунном мире?!
Теперь, Суке ты знаешь обо всем...

В трясины горя ты по грудь залез.
В твою жену, видать, вселился бес.
Но ты джигит... И ты могуч душою.
Иди на жизнь с ружьем наперевес,
И — верю! — счастье ты найдешь большое,
Ведь, Сукентай, из мертвых ты воскрес!

Суке молчал, подавлен и смущен.
И впрямь, из мертвых возродился он,
Здесь по живому справили поминки!
Жена ушла... Беда со всех сторон.

Но он джигит... Неужто в поединке
Не выстоит, эпохой окрылен?!

Эпоха одевается в атлас,
И дороги ей лучшие из нас.
В ее деснице — книга золотая,
Достойные войдут в нее тотчас...
Но о Судьбе дальнейшей Сукентая
Чуть ниже расскажу я без прикрас.

...Несется Время, словно конь лихой...
Перехожу к истории другой.
Она — увы! — при мне происходила,
Мне издавна знаком ее герой.
Молчат об этом деле старожилы...
Кому приятно помнить срам такой?!

Пошел на фронт колхозник Джумадил,
Работою прославивший аил,
Колхоза гордость, честь всего района...
Вдруг кто-то брякнул, кто-то подхватил,
Что он убит, хоть нету похоронной...
И стал родным джигита свет немил.

Как по домам разнесся этот слух?..
Мне говорили, что среди старух
Зыйнат сказала, наша звеньевая,
Как будто раненый какой-то вдруг
О Джумадиле помянул, вздыхая:
— Убит иль ранен он... Одно из двух!

И вот уж все селенье говорит:
«Погиб в сражение Джумадил-джигит».
Язык — будь даже от природы вялый,—
Да зубы вытолкнут, и путь открыт...
Дурная весть рванулась, побежала...
Все стали повторять: «Убит», «Убит».

Неверный слух катился, нарастал,
Как снежный ком, что поначалу — мал.
Заговорили все: «В военкомате
Наш председатель с точностью узнал:
Под высотой Энскою, при взятые,
Джигит наш бедный смертью храбрых
пал».

Мелькают, как мелькали искони
То ясные, то пасмурные дни,
То лунные, то грозовые ночи...
Светлей кругом становится, взгляни!..
Но плачут, но стенают что есть мочи
В доме у Джумадиловой родни.

Однако слезы лить нет больше сил,
Есть и у горя свой накал, свой пыл.
Притихла матери печаль святая,
Надрывный плач характер изменил.
В дом старики явились, причитая:
— Ты благороден был, о Джумадил!

А Время завивает пыль столбом.
Свистя камчой, несется напролом,
За детством юность пробегает мимо.
Все, что прошло, туманным стало сном...
Стремится Время вдаль неудержимо,
И бег его не сдержишь нипочем.

Земля стряхнула снега пелену,
Сменило лето юную весну...
От Джумадила нет вестей, как прежде,
Подходит осень... «Сына не верну! —
Решил старик-отец. — Конец надежде», —
И Джумадилову призвал жену.

— Джене!.. Довольно плакать!.. Погоди!
Погиб твой муж, но ты не уходи.
У Джумаке хозяйство неплохое.
Останься здесь и дом его блюди.
Зовись, как ты звалась, — моей снохою.
Нет Джумадила. Есть Асанкельди.

Поступим так, как повелел адат:
Пусть старшего заменит младший брат.
Восполнится потеря хоть отчасти,
Как праведные люди говорят.
Асанкельди в джене отыщет счастье,
И да свершится свадебный обряд!

Глазами верблюжонка, чуть жива
Глядит на свекра юная вдова,
Слеза повисла на ее реснице.

И горестно и страшно ей сперва:
Все ж, видимо, придется подчиниться,
Ведь старый свекор в доме — голова.

Но младший брат презрел ее красу.
Как будто зверя встретивши в лесу,
Бежать он бросился, смущаясь, злобясь...
Немного поболтавшись на весу,
В мимоидущий он вскочил автобус;
Нашел спасенье у сестры в Ак-Су.

Прошло два дня. На третий день чем свет
Приехал дядюшка за ним вослед
И начал улещать его медово:
— Чего боишься?.. Тут худого нет!
Зачем чудишь, парнишка бестолковый?!
— Послушайся! — сестра дала совет.

И сдался Асаке. В отцовский двор
Пришел как пойманный с поличным вор.
Но, позабыв и немощность и старость,
Дед на него напал:

— Позор! Позор!.. —

Асанкельди опять почувял ярость
И вновь бежал — на этот раз в Май-Тор...

Когда б он в море спрятался на дно,
Его бы отыскиали все равно
И привели к джене — его невесте...
Заставлен стол. Гостей полным-полно.
И бедный парень на почетном месте
Сидит, пирует — так заведено.

Ырчи какой-то в руку взял комуз:
— Хоть страшно начинать, да я не трус!
Конечно, я Ырчи не знаменитый,
Пескарь, плотва — с китами не сравнюсь!
И все ж послушайте меня, джигиты!
Асанкельди, мотай себе на ус!

Пой, веселись, пока живешь, пока
Старуха смерть как будто далека!
Вот чаша!.. Пей до дна за дружбу нашу!
Эй, не гляди на чашу свысока!.. —
Асанкельди послушно выпил чашу,
Хоть охмелел он с первого глотка.

Лишь поутру прошел похмелья дым.
Очнулся парень... Кто-то рядом с ним.
Джене, похоже... Он глядит, встревожен.
Он вспомнил все, глухим стыдом томим.
Бежать?.. Как жеребенок, он стреножен...
И вот лежит — покорен, недвижим...

...Чреда годов спешит, как речка — в падь.
За годом год... Лишь успевай считать.
Сорок четвертый. Следом — сорок пятый.
Родился мальчик. Начал подрастать...
Смеется и бормочет: «Ата, ата...»
И на него не наглядится мать.

Джигиты возвратились к очагам,
Вновь изобилие вернулось к нам.
Подешевело все на рынке втрое...
Однажды, в час, когда смолкает гам,
Асанкельди сидел вдвоем с женою.
Вдруг дверь открылась... Слышится:
— Салям!

Асанкельди стал белым точно мел.
Дрожал и слова вымолвить не смел,
Увидев пред собою Джумадила.
Жена, прокляв жестокий свой удел,
На место опустилась и застыла...
В молчанье Джумадил на них глядел.

«Вернулся Джумаке!» — пронесся слух.
Дом полон старцев, юношей, старух...
И Джумадил, не высказав досады,
Всех обнимает, ест и пьет за двух,
Ведет себя, как будто все — как надо.
Ну, просто старший брат вернулся вдруг!

Односельчане все же смущены.
«Не знает, что ли, о судьбе жены?!» —
Соседи тихо говорят друг-другу.
— Похоже, мы сказать ему должны!.. —
Чуть слышный шепот побегал по кругу.
Лишь старцы сановиты и важны.

— Благодарю за то, что вы пришли.
Скучали мы, бойцы, от вас вдали! —

Промолвил Джумадил. Он был спокоен,
И о спасении родной земли
Стал с жаром говорить отважный воин,
И закричали все вокруг:

— Бали!

А Джумаке продолжил речь: — Народ —
Опора нашей армии, оплот.
В тылу он оказался крепче стали...
Кто возвратился к милым, счастлив тот...
Но я... Как видно, здесь меня не ждали!
Для самых близких страшен мой приход.

Асанкельди!.. Известно стало мне,
Что ты женился на моей жене
И тем обычай поддержал негодный,
Давно забытый в нашей стороне.
Пятно на лике родины свободной
Лежит отныне по твоей вине.

Мне стыдно на тебя глядеть, мой брат!
Ты откатился на сто лет назад.
Ты запятнал великую эпоху.
Пред нею ты глубоко виноват.
А я — пускай мне тяжело, мне плохо! —
С бедою совладаю... Я солдат.

Но ты... Но ты, что оскорбила век,
Признав, что женщина не человек!
Ну что ж, тебя судьба постигла злая...
Я знаю, что вина лежит на всех,
Но вас двоих я видеть не желаю.
Прощайте! Ухожу от вас навек!
Вы Времени нарушили устав!..

И Джумадил, шинель свою достав,
Рванул к двери. Крупными шагами
Идет, высоко голову подняв.
Одни молчат, пощелкав языками,
Другие одобряют: «Что ж! Он прав...»

Кто пошустрей, тот бросился за ним:
— Прости!.. Не помешали тем, двоим,
Ослушаться старейшин не посмели!
Вот ты вернулся — жив и невредим,

А мы замешаны в недобром деле!
Не сокрушайся!.. Мы себя виним!..

— Мне — сокрушаться?! Как велит страна,
Долг воина я оплатил сполна,
Я честно выполнил наказ народа.
Но передайте тем двоим: жена,
Что верность не хранила хоть два года,
Вовек не будет никому верна!

Эпоха наша — это век чудес.
Ее шелка спускаются с небес.
В ее деснице книга непростая,
Сверкает золотом ее обрез... —
И Джумадил спокоен, повторяя:
— Я буду жить... Из мертвых я воскрес!

Нет в мире ничего страшней стыда.
Сжигает душу тайная беда,
Чьи стрелы ранят метче вражьей пули,
Не смыть их ядовитого следа.
Асанкельди бежал... На Иссык-Куле
Он поселился — верно, навсегда.

Несется Время, мчится Время вскачь.
Вот — случай третий:

жил Калдан-силач.
Он был (спросите у друзей Калдана!)
И в картах и в труде равно горяч...
Уйдя на фронт, он точно в воду канул:
Ни слуха и ни духа — плачь не плачь!

А у Калдановой жены язык
Без пищи оставаться не привык,
А пища у него — вранье да сплетни,
Пойдет болтать — друзей поссорит вмиг.
Для тетушки Мактым тот день последний,
В котором ни раздоров, ни интриг.

Приснился ей однажды ночью сон,
Как будто муж ее врагом сражен,
Покрыта черным знаменем гробница...
Лежит ее Калдан в краю чужом,
А воины — что только не приснится! —
Зовут ее достойнейшей из жен.

Наутро, только солнце поднялось,
Все в доме у болтуньи вкривь и вкось.
Швырнула детям жалкие объедки,
На чадах собственных срывая злость,
И ну вопить!..

На крик бегут соседки:
— Что, Макентай, такое? Что стряслось?..

Маке, водицы выпей! Не рыдай... —
Но все никак не умолкает хай,
Несутся вопли по всему аилу.
— Да что же приключилось?.. Макентай,
Как ни была вздорна, сообразила.
Что, кажется,хватила через край.

«Сказать им правду?.. Высмеют меня!»
Язык, что жить не может без вранья,
Вдруг сам заговорил:

— Пришла бумага:

Калдан погиб! —
Заплакала родня,
А с ней и Макентай: — Убит бедняга! —
Вопит, сама себя в душе браня.

Что делать!.. Слово произнесено!..
«Живого мужа хоронить грешно!» —
У Макентай в уме мелькает это,
А слезы льются, льются все равно..
Вдруг прискакал гонец из сельсовета:
— Маке, письмо от мужа... Вот оно!

В густой толпе собравшихся людей
Немедля отыскался грамотей:
— «Салям, супруга! Здравствуй, дорогая!..» —
Читает он, — Калдан твой жив, ей-ей!..
Играет в карты... Пишет: «Высылаю
Семь тысяч выигранных мной рублей...»

Мактым вскричала: — Подписи не верь!..
Недавно был живой... А что теперь?..
Семь тысяч шлет?.. Откуда?.. Из могилы?
Деньгами нам не окупить потери!..
И ну опять вопить что было силы..
— Салям! — Калдан с улыбкой входит в дверь.

Отвоевался муж. Пришел домой.
А дома — причитанья, крики, вой...

Кто это умер?..

Налицо все дети...

Жена о стенку бьется головой...

— Кого хоронят?.. Бабушка, ответьте! —

Спросил Калдан у бабушки кривой.

Подслеповатой бабушка была.

Придурковатой смолоду слыла.

— Беда, сынок! — Обманывать не стану!

Калдан погиб... Такие-то дела!..

Маке вопит по мужу, по Калдану...

Совсем себя, голубка, извела!

— Кого?.. Меня хоронят?! Узнаю

Жену длинноязычную свою!

Взялась опять за старые проказы?!

Ну, хватит слез! Сажай за стол семью!

Зови гостей!..

Маке примолкла сразу.

Печь, парить-жарить принялась вовсю!

Эпоха жемчугами убрана.

Одета в бархат и атлас она.

В ее деснице — книга золотая,

Там вписаны достойных имена...

Смеется Калдаке, напившись чаю:

— Из мертвых я воскрес... Гляди, жена!

...А Время мчится вскачь, летит вперед...

Разумней стал колхозный наш народ.

Вернулись победители-герои...

Теперь правдивый наш рассказ пойдет

О том, как горе одолели трое,

Воскресшие из мертвых в добрый год.

Султангазы глядит на жизнь светло,

Он, всем превратностям судьбы назло,

Решил освоить дело комбайнера,

И у него от сердца отлегло.

Письмо, где он писал: «Приеду скоро»,

К нему же в руки наконец пришло,

Недели две валандавшись в пути...

— Есть от чего беде произойти! —

Джигит, вздохнув, заметил почтальону.

— На почте, видно, точность не в чести!

Пора бы вам менять свои законы! —
Письмо порвал он... Прошное, прости!..

Была учеба для Суке легка.
Донесся слух до нас из Токмака:
«Султангазы, он комбайнер толковый.
Смекалка есть, рука точна, крепка...
Мечтают нынче девушки и вдовы:
«Эх, если б мне такого муженька!..»

И Джумадил — вы помните его? —
С достоинством несет свое вдовство.
Горды колхозники его работой.
У парня — выдержка и удалство.
За каждый труд берется он с охотой.
И проявляет ум и мастерство.

Кто на полях сраженья закален,
Тот и на поле в мирный день силен,
Он обладает опытом богатым,
Наш Джумаке народом оценен.
На днях услышал я, что депутатом
Киргизского Совета избран он.

Душа его спокойна и светла,
И славно ладятся его дела.
Мечтают с ним идти по жизни рядом
Все лучшие красавицы села,
Прельщают статью, косами, нарядом,
И, может быть, одна ему мила...

Ну, а Калдан?.. При деле и Калдан!
Здесь, на джайлоо, отличный он чабан.
Он пьет кумыс, не забывая чая.
Живет в достатке, весел и румян,
Попреками жене не докучая:
«Что делать, если нрав такой ей дан?!»

...Взвивая вихрем годы, словно сор,
Свистя камчой, топча степной простор,
Кидаясь жизнями людскими всеми,
В болота превращая выси гор,
Будя умы, куда ты скачешь, Время?
Куда несешься ты во весь опор?!

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Нету равных по нраву на свете людей.
Этот ловок, хитер, тот живет без затей.
Тот — душа нараспашку, а этот, бедняга,
Втихомолку следит за женою своей.
В иссык-кульском аиле такого ревнивца
Наблюдал я одною из майских ночей.

Повстречались Баян и Бубюш до войны
(Как мы ждем возвращения мирной весны!),
До рассвета гуляли в саду перед свадьбой,
И весной, и любовью своей пленены.
Жить и жить бы ладом молодому семейству,
Да Баяну не верится в верность жены.

Не скажу, почему: не об этом рассказ.
Но когда с молодежных гуляний подчас
Возвращаются поздно, — всегда он нахмурен,
Целый вечер с жены недоверчивых глаз
Не спускает, объят беспричинной тревогой,
И смеялась над ним Бубюшджан всякий раз.

Словно вешние воды бежали года,
Пролетали как птиц перелетных стада.
И Баяна за нашу свободу сражаться
Позвала, как и всех, лихолетья страда.
Он уехал с винтовкой и с верой в победу,
Но... ревнуя, не веря жене, как всегда.

Он родную страну, как Манас защищал,
На врага он, как беркут, как барс, нападал,
Бил его беспощадно и гордое право
Называться джигитом не раз доказал.
Но однажды, в разгаре ночного сраженья,
Он, осколком снаряда подкошен, упал.

Он запомнил тот госпиталь, город большой,
Где три месяца кряду с подбитой ногой
Пролежал, где красавицы, светлые ликом,
Берегли его сон и тревожный покой;
Где неожиданно узнал, что ему, по приказу,
Надлежит на побывку поехать домой.

Несусветною радостью вдруг обуян,
Ночь в бессонных раздумьях проводит Баян:

Как-то там земляки без него поживают
И его дорогая жена Бубюшджан?
За нее вся душа у него изболелась...
И в итоге такой принимает он план:

«В переписке не жаль ей волнительных чувств.
Сам я в страстных стихах излагал свою грусть.
Все-то стерпит бумага!.. Так, нет, о приезде
Ни письмом, ни словечком я ей не скажусь,
А прибуду в аил неожиданно, ночью,
И до дому задами, тайком проберусь.

Все откроется сразу: Бубюш мне верна
Иль другому, таясь от меня, предана;
Можно ль верить ее уверениям слезным,
Что сомненья никчемны и ревность смешна.
Лучше способа нет разрубить этот узел,
Тут-то я и исчерпаю тайну до дна!»

Рано утром листвою играл ветерок,
Начинался хороший весенний денек.
Лишь ступил наш герой на подножку вагона —
Прозвучал паровоза протяжный гудок.
Скорый поезд, баюкая раны Баяна,
Громяхая, помчался на юго-восток.

Долго ль, коротко ль ехать, вагон оживлен:
Здесь улыбки сияют звездой Чолпон,
Здесь бойцы вспоминают о схватках с врагами
И прекрасную жизнь довоенных времен...
Наконец, на девятые сутки, под вечер,
Все выходят на фрунзенский теплый перрон.

Вновь в дорогу с утра. Работящий мотор
Мчит автобус долиной, потом между гор.
Отовсюду приветливо машут солдату
Верховые, вступая с автобусом в спор.
Вот Боом дотянулся хвостиком до неба*,
И открылся глазам иссык-кульский простор.

Иссык-Куль голубой! Как ты дорог и мил!
Только глянул Баян — к горлу ком подступил,
И, растроганный встречей с родимой землею,
Две скупые слезинки солдат уронил.

* Боом — Боомское ущелье.

Что поделаешь тут? Эту землю он в сердце,
Сквозь огонь и свинец, пробиваясь, хранил.

Штиль на озере. Плавно идет пароход.
У Баяна душа от восторга поет.
Он закрывает глаза — словно в дымке мелькая,
Жизнь минувшая вновь перед ним предстает.
Наконец показался и берег знакомый,
Что три года его возвращения ждет.

Он спустился по трапу, коснулся земли,
Где все лучшие годы его протекли.
Тут любой бугорок и тропинка любая
Без ошибки бы к дому его привели.
Пароход попрощался гудком и отчалил...
Ах, как пышно в аиле сады расцвели!

В эту майскую ночь так желанно волне
Приласкаться к утесу в густой тишине.
Где-то гуси крылами всплеснут и воскликнут,
И легчайшие чайки взмывают к луне.
И природа сама, на качелях качаясь,
И смеется, и песню поет о весне.

Дивно пахнут луга. А цветов-то на них —
Белых, красных, оранжевых и голубых!..
Соловью и поэту ночами такими
Удаются редчайшая песня и стих...
Стойте! Друг наш Баян приближается к дому.
О блаженная ночь! Долгожданнейший миг!..

Все недвижно. В листе ветерок прикорнул.
Постучать бы... Но к двери Баян не шагнул.
По иной-то поре он бы начал с хозяйства,
Первым делом к скотине бы в хлев заглянул.
Да не это сейчас беспокоит Баяна:
Он с немим подозреньем к окошку прильнул.

В озаренье луны открывается вид:
Бубюшджан белолицая сладостно спит,
Рядом с нею — о ужас! — ее обнимая
(И во сне воровскою любовью не сыт!),
Возлежит, развалиясь на Баяновом месте,
Богатырски сложенный усатый джигит!

Побледнев, задрожав, обо всем позабыв,
Только чувствуя яростный крови прилив,

Точно тигр за кийиком*, рванулся он к двери
И, в мгновение ока ее отворив,
У порога застыл, на лежащих в постели
Воспаленный, горячечный взор устремив.

Как Баяну в такой ситуации быть?
Он не в силах поступок Отелло свершить,
И себя, хоть любовью смертельно отравлен,
Он не может в отчаянье жизни лишить.
Да, рассудок в нем верх одержал над безумством,
Но, простите, предательство можно ль простить?!

«Стар иль молод сегодня ты, лишь пожелай —
Место в жизни по сердцу себе выбирай.
Выше солнца поднявшись, будь чистым душою,
Возлюби, но любовь и в другом уважай...
Чашу радости нашей сама осквернила
Ты, Бубюш, так сама на себя и пеняй...»

Так, себя успокоивши мыслью благой,
На разменные чувства махнул он рукой.
Кто ему предсказал бы, что в собственном доме
Вдруг спознается он с безысходной тоской...
И запел он для майской пленительной ночи,
Как бывало певал для Бубюш для одной:

— Лунолика, был я тобою любим.
Ты была разьединственным счастьем моим.
Ты была как источник с живою водою
В несравненном саду, что дарован двоим.
А теперь и глотка той воды не испросит
Истомленный и жаждущий твой пилигрим...—

Бубюшджан пробудилась от пенья того
И не верит ушам — не поймет ничего.
В темноте угадала Баяна, вскочила,
Подбежала и с плачем целует его.
Но сурово Баян от нее отстранился,
Не желая решенья менять своего.

Изумленной супруге никак не понять:
Для чего ей при радостной встрече страдать?
Умоляет его, как ребенок лепечет,
И целует, и плачет опять и опять.

* К и й и к — общее название диких копытных животных.

А Баян, точно скальный утес, неприступен,
Сам нет-нет, да и глянет туда... на кровать.

— Лживых слез, Бубюшджан, понапрасну не лей.
Если есть еще совесть — ее пожалей!
Много раз настоящей любви не бывает
У вполне настоящих, нормальных людей.
Мы являемся в мир жить достойно и честно —
Ты же сразу на двух посягнула мужей! —

Как зальется серебряным смехом Бубюш!
— Милый мой, не сердись и отбрось эту чушь!
— Не сердись, говоришь? Как же так, не сердиться?! —
С ядовитой усмешкой отвечает муж.
— Эй, соперник, вставай! Поздоровайся с мужем! —
Хохоча, возлежащего кличет Бубюш.

Тот спросонья мычит, говорит невпопад:
— Кто?.. Чего?..—
А потом, будто искренне рад,
Раскрывает объятия навстречу Баяну.
— Дорогой, ты приехал? Здорово же, брат!
— Что-то я не припомню подобного брата!
Прочь! — воскликнул Баян, отступая назад.

Он настроен воинственно, кровь в нем кипит.
Удивлен и напуган усатый джигит.
— Ты не думай, я в родичи не набиваюсь...
Неужель ты меня не признал? — говорит. —
По обычаю братом ты назван, и только...—
А безудержный смех Бубюшджан все звенит.

— Роковая ошибка!.. Ах, боже ты мой,
Глянь-ка в зеркало да полюбуйся собой!..
О Баян мой любимый, ты, верно, подумал,
Что какой-то мужчина тут вместе со мной?
Это общая наша знакомая. Вспомни!..
А одежда — твоя. Приглядишься, дорогой!

— Извини, тут во всем я виновна сама.
Праздник вечером был. Припозднилась весьма.
День — на пахоте... Так и свалилась в одежде,
Перед сном не умывшись... Совсем без ума!..
Так здорово же, брат! — К удивлению Баяна,
Подступает к нему трактористка Батма.

Ну, теперь и Баян рассмеяться не прочь.
И, как будто утрату вернувший, точь-в-точь,
Ненаглядную стиснул он в жарких объятьях,
Пред Батмою свой стыд торопясь превозмочь...
Как все трое смеялись они, обнимаясь,
В эту чистую, нежную майскую ночь!

Все ж Баян с недоверьем глядит на Батму.

— А вот этот наряд на тебе почему?

— Понимаешь, мы пьесу решили поставить

В честь твою. А мужчину играть тут кому?

Мне и выпала роль удалого джигита,

И костюм твой по праву достался... ему.

— Погоди, погоди! Почему в мою честь?

— Из Москвы долетела к нам славная весть:

За Отечество орденом степени первой

Награжден наш Бозоев Баян — все как есть!.. —

Сколько радостных слов, сколько светлых улыбок

Подарила им майская ночь — и не счесть.

Ночь лукаво глядит из-под чутких ресниц.

Уж вот-вот зазвенит колокольчик зарниц.

— Навсегда свою ревность отныне забуду! —

И Баян пред женою склоняется ниц...

Так испытана верность была, что шагала

Среди грозных и яростных дней верениц.

Это дни-мастера. В них — Труда торжество:

Человека во имя, во славу его.

У народа великого много героев,

Воспеваем из них мы сейчас одного.

Он любовь защищал, как Отечество наше,

А дороже Отечества нет ничего!..

В эту майскую ночь так желанно волне

Приласкаться к утесу в густой тишине.

Где-то гуси крылами всплеснут и воскликнут,

И легчайшие чайки взмывают к луне.

И природа сама, на качелях качаясь,

И смеется, и песню поет о весне.

1945

МАХАБАТ*

(Колхозная легенда)

Мы как-то в город выехали срочно.
Хотя и каждый час был на счету,—
Пришлось нам возвращаться поздней ночью.
И мы заночевали в Курменту.

Хозяйский дом просторный был и чистый,
Хозяин был гостям неожиданным рад —
Гостеприимный, добрый и речистый,
Преклонных лет, по имени Сагдат.

Судьбой соединенные в тот вечер,
Мы были благодарны ей вполне:
Чай, сласти, каттама**, простые речи.
И мясо закипало в казане.

Мы утоляли жажду — слава богу
Бозо в пиалах был готов для нас.
Когда мы захмелели понемногу,
Старик-хозяин начал свой рассказ.

«...Я много жил, сынки, и много знаю.
Поведаю: легенда есть одна...
Сейчас ведь молодежь совсем иная —
Смела, горда, открыта и вольна.

Гульшай джигита здешнего любила,
И, тайны не открыв ему, любя,
Она на фронт Касыма проводила.
В слезах, желая счастья про себя.

И не сказала о любви ни слова
Касыму дорогому. Шла война.
Любовь... Сынки, огонь — ее основа,
Нежданно возгорается она.

Два года без известий пролетело —
Касым молчал, Гульшай его ждала.
Вся, как цветок осенний, потускнела.
Огонь горяч, но холодна зола...

* Махабат — любовь.

** Каттама — слоеные лепешки.

Казалось, не осталось даже пепла
От красоты и свежести цветка.
От горести Гульшай совсем ослепла.
Душа ее иссохла, как река...

Коль есть разлуки, значит, есть и встречи...
Касым в боях изранен крепко был.
И вот однажды осенью, под вечер,
С войны вернулся он в родной аил.

И что ни день — его зовут соседи
Поведать, как на фронте бил врага.
Зашел и к нам, хром, бледен, и в беседе
Мы засиделись с ним у очага.

И вдруг вошла Гульшай. Как будто бездна
В ее глазах невидящих была.
— Салам,* Касым! В связи с твоим приездом —
Один вопрос... Затем я и пришла.

Касым глядит внимательно и грустно:
— Что ж,— говорит,— отвечу, коль смогу...
— Вот говорят: любовь — большое чувство.
Всё это так? А может, люди лгут?

Касым сперва растерян был, казалось...
Вдруг выхватил из ножен свой кинжал,
Задумался на миг, помедлив малость.
— Возьмись за это лезвие,— сказал.

Гульшай взялась за лезвие кинжала,—
Таким горячим было острое,
Что пальцы тут же вдруг она разжала.
Мы видели волнение её.

Сказал джигит: — Гульшай, дороже жизни,
Как пламя, горяча моя любовь.
Я за любовь к родной моей Отчизне
В боях с врагом жестоким пролил кровь...

— Дай мне камчу,** при мне ведь нет кинжала,—
Гульшай джигита смело прервала.
Взяла камчу, к груди своей прижала,
И вновь ее Касыму подала.

* С а л а м — здравствуй.

** К а м ч а — плетка.

«Причем камча? Там — кровь лилась рекою!..» —
Касым подумал, боль кипела в нем.
Но взялся за конец камчи рукою —
И сердце обожгло ему огнем.

— Вот такова любовь моя — как пламя,—
Гульшай сказала,— дорогой Касым!
Тебя ждала я днями и ночами,
Жива была лишь именем твоим...

Сынки, когда об этом все узнали,
Я, как детей, их сам благословил.
Мы свадьбу, как положено, сыграли —
На свадьбу, помню, весь пришел аил.

Поверите? Любовь — такая сила! —
Лишь сорок дней прошло, сама любовь
Касыму злые раны исцелила,
Его жене вернула зрение вновь!..»

Так ночь прошла, с легендой этой яркой.
Наутро показали нам их дом.
Касым — на ферме, а Гульшай — дояркой
Родную землю славили трудом.

1945

ДЖЕНИШБЕК

Иссык-Куль то притихнет, то грянет волной,
То взволнует меня, то обдаст тишиной,
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Все же друга прямей не нашел под луной.

Иссык-Куль то замрет, то ударит волной
И обрушит на берег огонь молодой.
Сколько в жизни своей ни имел я друзей,
Все же друга верней не нашел под луной.

Иссык-Куль, споря с мощью родимой земли,
Ходит взад и вперед и вблизи и вдали.
Мечет пламень седой, сизый дым, голубой,
Полыхает прибой, словно воду зажгли.

В эти щедрые дни мирно зажил народ,
Кто-то сына женил, кто-то дочь выдает...

Сыновья возвращаются в день долгожданный.
Долгожданный спешит по волнам пароход.

Ибо каждого ждут, слезы льют столько лет,
И у каждого есть брат, невеста, сосед.
И того, кто когда-то был здесь незаметен,
Вспоминают и хвалят, когда его нет.

Все пришли на причал, ждут своих. Все подряд.
Люди разных народов стоят, стар и млад...
Человек! Незамеченным ходишь по свету,
А когда тебя нет, все вздыхают, грустят...

Пароход, как порывистый конь огневой,
Словно вкопанный, встал, развернувшись кормой.
И зывают: «Байке», «Абаке!»* — те, что сходят,
А другие в слезах: «Жеребенок ты мой!»

Ах, как мирные дни благодатно легки!
Как просторы родимой земли широки!
Так сейчас неизбывным добром обернулся
Груз вчерашнего горя, вчерашней тоски!

Кто на тряской арбе, кто в седле, кто пешком —
Все спешат. Путь на родину с детства знаком.
По горам разливаются радости реки,
Отчий дом издалека зовет огоньком.

И толпой, словно перекочевка идет,
Скачут наши джигиты, ликует народ.
Но, увы, как ни полнится жизнь, все чего-то
Неизбежно кому-нибудь недостает!

Все ушли по домам, и пустеет причал.
Вот остался на нем лишь один аксакал.
Как тулпар, что на скачках споткнулся о камень,
По дороге побрел, одинок и устал.

Кто же этот старик опечаленный?.. Знай,
Это был не дождавшийся сына Минбай.
День-деньской он стоит и все смотрит на запад:
Время сыну вернуться в отеческий край.
Для побед был рожден сын его Дженишбек,
Да и сам он удачливый был человек,

* Почтительное ласковое обращение к старшему (диалект.).

В честь когда-то одержанной в жизни победы
Дженишбеком* желанного сына нарек.

Вновь ни с чем возвращается... И не один —
Много дней так прошло... Не воротится сын...
Но как сильно течение надежды подспудной,
Что стремится наружу из самых глубин!

Мать приходит сюда, от Минбая тайком,
Пналу наполняет хмельным молоком
И, кумыс подавая вернувшимся, шепчет:
«Что ж мой сын запоздал?» В горле — горестный ком...

И тайком, незаметно, в глубокую ночь
Иногда к пароходу приходит их дочь,
Но лишь волны шумят, глухо плещут, бушуют
И, ответа не дав, гонят яростно прочь...

Жизнь взяла за минувшее счастье сполна,
По Минбаю ударила крепко она,
Сына нет... И на вымершей пристани пусто.
Лишь ленивая шлепнулась мягко волна.

О судьба, ты наследника-сына дала.
Ты пылала огнем, но сгорела дотла.
Отчего ты с дороги вернулась в селенье,
Без наездника к дому пришла, без седла?

О судьба, ты семью, дом и счастье дала,
Все дала, чтоб он жил, милосердна была,
Почему возвратилась домой из полета?
Оттого, что в дороге сломала крыла?

И задумался он, пораженный судьбой...
Сорванцом, окруженным ребячьей гурьбой,
Сына вспомнил... «Судьба, эх, судьба! Для чего ты
Даришь то, что похищено будет тобой?!»

Встал, схватился за повод, уселся в седло,
Снова сына припомнил, вздохнул тяжело,
И, усталую бурую лошадь стегая,
Непоспешно поехал в родное село.
Но вернуться домой на бессонный ночлег
Не отважился сразу... И лошади бег

* Имя Дженишбек происходит от слова «джениш» — победа.

По другой, по окольной дороге направил —
Прямо к дому, где жил его друг Курманбек.

В дом вошел и приветствие громко сказал,
И навстречу Минбаю хозяин привстал!
Чай попили... И, гостя желая утешить,
К аксакалу суровый воззвал аксакал:

— Эй, Минбай, оказался ты робок и слаб,
Каждый день ты грустишь, постыдился хотя б!
Хватит в землю глядеть! Плакать вечно негоже:
«О единственный мой!» Это дело для баб.

Да, тебя храбрецы не возьмут в свой отряд.
Настоящий джигит испытанию рад,
Рано сядет в седло, рано в битву умчится,
В край, где кони храпят и знамена шумят.

Испытав свои силы, вернется джигит,
Не вернется — отчизна заплачет навзрыд;
Но со временем сильная встанет чинара
На могиле, где воин отважный зарыт.

Знаешь сам, сыновей наших павших не счесть,
У меня самого их уехало шесть,
Только двое вернулись, все в шрамах и ранах,
Слез не лью, хоть уже не надеюсь на весть...

Я не жалуюсь, радость моя велика:
Жизни ветхая ветвь не засохла пока,
Пусть восьмой мне пошел от рожденья десятков,
Сын родился вчера у меня, старика.

Если нужен стране, и его пусть возьмет,
Пусть он в битву идет, защищает народ.
Пусть сражается, пусть, как бывало от века,
Мысль о сыне родителям спать не дает!

Кончил... К люльке подходит Минбай и глядит:
Там лежит белолицый ребенок, джигит..
«Курмаке, назовите его Дженишбеком!» —
Он воскликнул и вдруг стал моложе на вид.

Птица жизни, спустясь, не попала в беду..
Значит, семьдесят лет — все в пути, на ходу...

Значит, снова рожден Дженишбек в День Победы,
В день девятого мая, светлейший в году!..

Поздний вечер. И снова Минбай — на коне,
Держит к озеру путь, не домой, не к родне..
Глуби зыблются, плещут упрямые волны,
Так чего же он ищет в глухой глубине?..

Дженишбек, сын единственный, храбрый джигит,
Мать с отцом почитавший, в могилу зарыл!
Где-то там, под Варшавой, он сном беспробудным
Спит в могиле безвестной, давно уже спит.

Дженишбек, о победе мечтая, упал
По дороге к победе, свой взяв перевал.
«Ты отцу передай, что убит я в сраженье», —
Выюге он прошептал, погоняющей вал.

И волнуются волны, волнуя отца,
И недаром играют отливом свинца,
И упрямы валы, и надежда упряма..
Вновь приходит отец... И все вновь, без конца...

Брось, отец, не гляди в чашу вспененных вод,
И не мучайся так, знай, что сын твой придет!
Вечно будет твой сын Дженишбек, улыбаясь,
В День Победы сюда приходить, что ни год.

Иссык-Куль, споря с мощью родимой земли,
Ходит взад и вперед и вблизи и вдали.
Мечет пламень седой, сизый дым, голубой,
Полыхает прибой, словно воду зажгли.

1945

КАРАГУЛ

Как кобылицу, потерявшую жеребенка, о горе мое,
Ты ушел, заставив меня горевать, сын мой Карагул.
Как верблюдицу, потерявшую верблюжонка, о горе мое,
Ты ушел, заставив меня рыдать, сын мой Карагул,
О, о Карагул, о верблюжонок мой...

(Из плача по Карагулу).

Он чуял дичь, едва в кустах чуть-чуть
Пошевелится зверь какой-нибудь.

По следу шел... О ранах и ушибах
В рассказах не спешил упомянуть.

И, никогда не упуская дичь,
Он издавал победный звонкий клич,
А если падал, то молчал об этом,
Спешил добычу новую настичь.

Дивишься, как поет о нем акын —
И вымыслы подобно былям... Сын
Высоких гор, он был горяч, как ветер,
Любил бродить в родных горах один.

В народе славен зверобой Тумаш,
Навеки край его запомнил наш...
Баранину отведывал нечасто,
А шел за дичью через горный кряж.

Да, высоко паслись его стада,
Не забредут ни вор, ни волк туда...
Тумаш питался мясом кайберенов,*
Бараниной пренебрегал всегда.

А если гость к нему приедет, вмиг
Охотник брал ружье, уж так привык,
И уходил... Котел разогревала
Жена, промолвив: «Будет нам кийик!»**

И вправду, скоро приходил назад
Хозяин, словно от богатых стад,
Седло завьючив тушами архаров...
Гость уставал от мяса, сном объят.

Был бодр Тумаш, и в восемьдесят пять
Не потеснила старость и на пядь...
И удалось лишь девяти десяткам
Сломить большое тело и сковать.

Ходить по взгорьям стало нелегко...
Он горевал: «Эх, нет шести онко!***

* Кай берен — название диких животных, а также имя их покровительницы.

** Кийик — дичь.

*** Онко — каждая тысяча убитых кийиков.

Не дотянул... Всего пять с половиной...» —
Согнувшись над очажным огоньком.

А Карагул, наследник диких стад,
Что был душе усладой из услад,
Еще — бездумный, озорной мальчишка,
Похожий на строптивых жеребят.

Отцом был избалован Карагул,
Любимцем был отцовым Карагул.
Тумаш о сыне помнил и ни разу
Не промахнулся, дня не отдохнул.

Охотник жил в аиле Кок-Кудур.
Однажды в юрту из косульих шкур
Ворвался Карагул, почти что плача,
Обижен чем-то, удручен и хмур:

«Счет альчикам моим свела сестра.
Две тысячи... Какая ж тут игра!
Карым с Эсеном закричали «мало!»,
Теперь меня задразнит детвора.

Две тысячи! А почему не три?!
Мне до утра остаток добери!»
Не смея сыну отказать, охотник
Собрался в путь задолго до зари.

И стал в низинах, не жалея пуль,
Десятками уничтожать косуль.
Стрелял в упор, и тур на крутосклоне
Валился на бок, словно мягкий куль.

Палил до помрачения ума,
Окрасил грудь не одного холма
Невинной кровью жертв и не заметил,
Что стены скал крылом накрыла тьма.

Вдруг слышит: листья палые шуршат...
Пересекая каменистый скат,
Бежит стремглав косуля с косуленком...
В стволе ружья последний был заряд.

Почуяв злобный человеческий взор,
Косуля-мать судьбе наперекор

Собой прикрыла сына, но охотник
В детеныша прицелился в упор.

Стреляет... От него спасенья нет.
В крови — козленок. Меркнет белый свет...
Мать убежала в черную пещеру,
Тумаш туда ворвался ей вослед.

Но там светло, как днем... Кричит, строга,
Хозяйка дома, старая карга:
«Злодей Тумаш, убил бы лучше сына!»
Косулю заслонила от врага.

Несмело поздоровался стрелок...
«Садись, будь гостем, видно, ты продрог!»
Ему старуха в чаше из копыта
Айран подносит... «Выпей-ка глоток!»

Подумал он: «Да, больше ты не дашь!»
Глотнул и раз, и два, и три Тумаш,
И много раз, и чаша не пустеет,
Все полнится — и пьян охотник наш.

Заухали кругом нетопыри...
Старуха говорит: «Стрелок, смотри
Побереги сыночка Карагула,
Ружья отныне в руки не бери!

Пусть в альчики твой не играет сын,
И шубы пусть не надевает сын
Из шкур кийиков...» Сгинула старуха,
Тумаш, очнувшись, видит: он один.

Капризничает Карагул опять:
«Три тысячи? Хочу не три, а пять!»
Льет слезы сын... Привык всего помногу,
Как и отец, иметь и добывать.

Вот — повод жажду утолить свою...
Тумаш — охотник ринулся к ружью
И поспешил в знакомое ущелье...
Всегда удачлив был он в том краю.

Забыв заклятье, улетел стрелой...
Жена, припомнив о колдунье злой,

«Ты принесешь беду». — сказала сыну.
И альчики уносит с глаз долой.

Перевалив туманную гряду,
Оглядывая склоны на ходу,
Спешил Тумаш... И, не найдя добычи,
Стал горько проклинать свою беду.

Он прыгал через пропасти провал,
Взбирался на зубцы отвесных скал.
Но — тихо, словно вымерли все звери...
Не видел цели, сколько ни искал.

Рычал, до боли закусив губу,
Как барс, ярился, злился на судьбу,
По жертве так ружье истосковалось,
Что кажется, само начнет стрельбу.

Истосковалось или нет — как быть?
К чему и зоркость и любая прыть?
Чредуется удача с неудачей,
Того, чего уж нет, не раздобыть.

Так не попался ни один кийик...
Со дня рожденья не видал старик
Такой беды... Ружье с размаха — оземь,
На камень сел и горестно поник.

А мальчик неотступно просит мать:
«Позволь, я буду в альчики играть,
Достань их, мама, ну, достань скорее!»
Ласкается, упрямится опять.

А мать ему: «Мой мальчик, нет и нет!
Сын, данный богом через столько лет,
Нас Кайберен жестоко покарает,
Да сгинут эти альчики, мой свет!»

Он стал ногами топать и шуметь,
И мать взялась в отчаянье за плетъ,
Побила сына милого впервые
И закричала: «Так не делай впредь!»

Ни кнут не помогает, ни посул...
Надел косулью шубу Карагул,

Пошел к дороге, вполз в густой кустарник,
Стер слезы, губы горестно надул.

«Пусть мать меня поищет,— думал он. —
Придет, прося прощенья, на поклон!»
Мы знаем, быстро засыпают дети,
И вскоре веки тронул сладкий сон.

Лишь к ночи горемычный наш стрелок
Опомниться от неудачи смог,
Поплелся неохотно и понуро,
К себе домой через широкий лог.

Бредет он, сам с собою говоря...
Вдруг шевельнулись листья купыря.
«Моя добыча!»... На спине косули
Мелькнули пятна, звездами горя.

«Вернуться без кийика? Что за стыд!
Такого срама не снесет джигит.
Давным-давно с ружьем я подружился,
Оно в моих руках не задрожит!»

Он запалил фитиль, нажал курок,
Помчался вслед за пулей через лог...
«Атакебай!»* — раздался вопль «косули»...
Убийца закричал в ответ: «Сынок!»

Простер к Тумашу руки Азезил,**
Когтями сердце бедное пронзил.
И месяц вдруг померк, земля качнулась...
Охотник сына милого убил.

«Узнай теперь, как дорого дитя!
Охотник, вспомни, я ведь не шута
Тебя предупреждала... Вот возмездье
За то, что нам ты не давал житья!»

Сказавши так, исчезла Кайберен...
О бранный мир, необоримый тлен!
«О боже, сделай это сновиденьем!» —
Воззвал Тумаш, пытаясь встать с колен.

* А т а к е б а й — ласкательное «отец».

** А з е з и л — злой дух, демон.

Но ясен день, все это — явь, не сон,
Мир потемнел, сдавил со всех сторон...
Верблюдица о милом верблюжонке
Так не грустит, как горько плакал он.

Нет сына, и не стало больше сил...
В отчаянье весь мир заголосил.
О, как жестоко повеленье рока,
Единственного сына он скосил!

Своей беде не веря, день за днем
Старик о сыне горевал своим...
Не расцвести подсеченной чинаре,
Коль смерть побег отметила огнем.

Слепая боль пронзила грудь насквозь.
И в ней глухое горе разрослось.
Ослепла мать, растерзанная горем,
Тут сразу все пошло и вкривь и вкось.

Так тяжело стало в доме жить пустом,
Скрутило одиночество жгутом,
Тумаш стал желт и поседел от горя,
Пять лет в постели пролежал пластом...

«Да, смерть сильна, недаром говорят!
Сильней меня... Но жизнь сильней стократ,
Смиришься — тяжесть новую навалит,
Мужайся — превозможешь боль утрат!»

Покинув ложе, взял Тумаш свое
Прославленное белое ружье*,
Воскликнул: «Где ты, Кайберен — злодейка?» —
Решил для мести разыскать ее.

Но победил неумолимый рок —
Не стало сил, и отомстить не смог
Старик Тумаш... Но плач о Карагуле
Народ в своих сказаниях сберег.

1945

* «Белое ружье» — принятое у сказителей наименование ружья.

КТО ЖЕ ОН?

Любимая земля полна избытком сил,
Пшеницу зной в полях позолотил.
Вода звенит и по арыкам льется,
И засухе простор полей не мил...
Над крышами дымок вечерний вьется.
В предгорье расположен наш аил.

Есть девушка Сонун в аиле, как с небес
Сошедшая, красивей всех невест.
Такая красота не всем дается,
Хоть все айлы обойди окрест.
Сонун горда, спроста не засмеется,
Ее прозвали женщины Кульбес.*

В аиле парень жил, среди полей и рек,
И мухи не обидел он вовек.
Махнули на него рукой в аиле
За то, что был он смирный человек.
Он всем прощал, и все над ним шутили,
И звали Баркалбас,** а был он — Бактыбек.

Что ж, разные бывают люди среди нас.
И вот в Кульбес влюбился Баркалбас.
Сам «сельсовет»*** не редко был с ней рядом.
Ей Баркалбас открылся как-то раз.
— Ни «сельсовета», ни тебя — не надо!
Услышав это, парень скрылся с глаз.

Шло время. Позабыла девушка о нем.
И вдруг — объята Родина огнем.
Разбушевались волны Иссык-Куля,
Тяжелые, налитые свинцом.
Уже врага разили метко пули,
И Баркалбас пошел на фронт бойцом.

И вскоре по айлу прошла об этом весть —
Родной колхоз «Кок-Бель» смеялся весь.
— Аника-воин! — вслед кричали дети.
— Эй, Баркалбас, останься лучше здесь!..

* Кульбес — Несмеяна.

** Баркалбас — тихоня.

*** «Сельсовет» — просторечие.

Отсутствия его никто и не заметил,
Ведь всё равно: что нет его, что есть.

Печально даже небо хмурое. Война.
Как ночь, эпоха грозная темна.
Смерть сеют всюду вражеские танки,
Всё ближе их железная волна.
Не могут немцы наглой скрыть осанки —
Уже Москва в бинокли им видна.

И встали сыновья за Родину свою
В едином несгибаемом строю,
Деля порой по-братски хлеба крохи
И не щадя себя в святом бою.
И стрелки жизни на часах эпохи
Вдруг замерли у смерти на краю.

Повергли мрак на поле ратного труда
Бойцы, не унывая никогда.
Фашистского дракона разрубили,
Освободили села, города,
И вражий пыл в сраженьях остудили.
«Что будет дальше?» — ждали господ.

И сын родной страны, мой Киргизстан был горд
Разгромом ненавистных вражьих орд,
Благодарил героев поименно, —
Со всех сторон шли письма к ним на фронт.
И днем и ночью мчали эшелоны
С подарками, что слал бойцам народ.

И девушка Кульбес не жалась в стороне,
Жар сердца отдала она стране.
Сама не ела досыта порою,
Отправила посылку по весне,
И шелковый платочек — пусть герою
Напомнит о далекой на войне.

Платочек по краям узорами расшит,
И надпись жаркой вышивкой горит:
«Герою — чтобы жалости не ведал,
Когда врага жестокого разит...
И, может быть, когда придет Победа,
Сама судьба нас с ним соединит».

...Штаб предстоящий бой детально обсуждал.
Потом — один остался генерал
Панфилов, и чему-то улыбался
Он, глядя на платочек... Приказал
Явиться Осмонбекову — тот дрался
Вчера, как лев, геройство показал.

Явился мигом тот и, честь отдав, застыл.
Панфилов благодарность объявил
Ему. Вручил платочек, стиснул руку:
— Пусть он тебе напомнит твой аил.
Будь смел в боях, не забывай подругу. —
Боец, как беркут, духом воспарил.

Счастливым, он с платочком шелковым в руке
В окоп вернулся, споро, налегке.
«Герою...» — буквы золотом горели.
И адрес он приметил в уголке —
В нем силы молодые закипели,
Как воды в горной мчащейся реке.

Читает: Кайынды, колхоз... Колхоз «Кок-Бель»! —
Бьет радость ему в голову, как хмель:
Родной аил — земля его родная.
На фронте снова счастлив он — уже ль?
Красив платочек. «Кто ж она такая? —
Асанова... Сонун... За тридевять земель».

Так размышлял джигит, встречавший смерть не раз,
С душой бойца, суровым блеском глаз,
Которого отметил сам Панфилов.
И это был тот самый Баркалбас,
Которого Кульбес в тиши аила
Отвергла в предвоенный давний час.

Отправил он письмо сквозь даль полей и рек,
И в нем — стихи, чисты, как первый снег:
«Тепло, внимание ваше уважая,
В боях я буду помнить вас вовек!
Останусь жив — приеду, дорогая».
И подпись: Осмонбеков Бактыбек.

Усталая Кульбес домой с прополки шла,
Уже сгушалась над полями мгла.
Коня пред нею осадил вдруг резко

Аильный почтальон — она взяла
Письмо, узнала сердцем: это — вестка,
Которой много дней она ждала.

Присела и прочла солдатские слова,
В потемках различимые едва:
«Останусь жив — приеду, дорогая»...
И имя — незнакомое сперва,
О чем-то давнем ей напоминая,
Надеждой стало, что всегда жива.

А коль надежда есть, надеждою живи.
Среди войны порой не до любви.
Старуха-смерть косою всех косила —
Попробуй-ка ее останови!
Еще была в ней, лютой, злая сила.
Эпоха всё еще была в крови.

«Война». Нет горше слов. Людская горесть в нем.
Не спит беда ни ночью и ни днем.
Кто вышел на военную дорогу —
Свинцом сраженный, ляжет под огнем
Или, утратив руку или ногу,
Тая на сердце гнев, вернется в дом.

За Родину в бою сражайся, умирай,
Весть о тебе пойдет из края в край,
И молодость, что так порой беспечна,
Тебя не позабудет вечно, знай! —
Так будут на земле любимой вечно
Тянь-Шань великий, Иссык-Куль, Алай*...

Был ранен Баркалбас в четвертый раз подряд,
Но не ступил ни шагу он назад.
И год почти пробыл он в медсанбате.
Война еще не кончилась. Санбат
Решил судьбу героя так некстати:
Повоевал, езжай домой, солдат.

На землю белый снег, как лебедь, сел. Зимой
Солдат вернулся вечером домой.
Родные старики, вскочив с постели,
Засуетились в радости простой:

* А л а й — Алайский хребет, Алайская долина.

«Хром... без-руки... жив... Жив, на самом деле!»
И слезы утирала мать полой.

Красив аил зимой! Блестит сухой снежок.
Бозо, как великан, сбивает с ног,
Чучук, кострец,* — нет для бойца полезней.
Всё Баркалбасу дома было впрок.
Забыл он вскоре раны и болезни,
Как будто вновь на свет родиться смог.

Однажды поутру оставил он свой дом,
На скакуна, волнуясь, сел верхом,
И путь направил к дому Несмеяны,
Не замечая инея кругом,
И что мороз трещит, тревожит раны.
Задумался о чем-то о своем.

Вот в двери он стучит, пригнувшись, входит в дом.
Кульбес его приветила с теплом.
А на почетном месте курит, сидя,
Сам «сельсовет», розовощек, и — в нем
Фронтовика как будто и не видя,
Сквозь Баркалбаса смотрит напролом.

И молвит наконец: — Привет,ходи, джигит!
И сквозь него по-прежнему глядит,
Ведет беседу: — Так ответь, кто это?
Кто твое сердце вечно бередит?..
Кульбес ему: — Да в этом нет секрета:
Я жду того, кто скоро победит.

Вернется в дом родной, когда настанет срок,
Тот, для кого я вышила платок,—
Я в молодости, словно в океане
Резвиться буду, плавать, как нырок.
А если не вернется, в землю канет,
Я без него завяну, как цветок. —

Умолкла. Баркалбас ей продолжает вслед:
— О Кукюшджан,** тебя красивей нет,
Немало при тебе джигитов меркло,
Всех затмевал твой чистый гордый свет.

* Чучук, кострец конский — национальные кушанья.

** Кукюшджан — милая Кульбес.

Давным-давно ты и меня отвергла.
Прости — зашел. Мне нужен твой совет.

Послушай, каковы солдатские дела:
Судьба подарок мне преподнесла...
Наверно, эта девушка красива,
Приветлива и ласково мила.
О, если бы я встретил это диво —
Она, как ты, меня б не прогнала.

Красавица Кульбес! Тебе ведь всё видней.
Прости, что рассказал тебе о ней:
Желанный образ, как джайлоо летом —
Как Арчалы* — на свете нет родней.
Поэтому пришел я за советом,
Хочу, чтоб ты пошла со мною к ней...

Кульбес от этих слов вдруг стала веселей:
— Я вижу, сердцем чист ты перед ней.
Ты, веря мне, пришел ко мне, как прежде,
Хотя и миновало много дней.
Готова я помочь твоей надежде,
Пойду с тобой к единственной твоей.

— Не думай обо мне, что я такой болтун —
Я зря бы не затронул тайных струн.
Но самому сперва узнать мне надо,
Чей это образ, ярче полных лун?
Мне генерал платок вручил в награду
От девушки по имени Сонун.

Кульбес, услышав это как будто сбилась с ног
И мимо пиалы плеснула кипятком.
— Не хвастайся, а честно мне скажи ты,
Без всех чудес, что ты прибавить смог:
Ты что, герой такой уж знаменитый,
Что генерал вручил тебе платок?!

Нет-нет, не верю я ни слову твоему.
Ты — и герой? Таким ли быть ему?
Скажи мне: от кого узнал всё это!
Ты думаешь, глупа я, не пойму?
Я повторяю: в этом нет секрета —
Верна я Бактыбеку — одному!

* Арчалы — название урочища.

«Что говорит она? — дивится Баркалбас,
И почему так сердится сейчас?
Такое и во сне ведь не приснится!
Мол, знаю я героев, много вас...»
И, чтобы наконец-то объясниться,
Он по порядку начал свой рассказ.

— Стояли мы зимой у берега реки.
В полку потери были велики.
И я служил тогда артиллеристом.
Взглянул я как-то вдаль — как бугорки
Вдали, на нас шли танки полем чистым.
А нам бояться танков не с руки.

И вот наш командир нам отдает приказ:
«Огонь!!!» Огня мы дали им как раз.
Рассеяли колонну в чистом поле.
Но жар сраженья сразу не угас —
Пять-шесть машин, а может быть, и боле,
Вдруг напрямиком направились на нас.

Не ждали мы того, по правде говоря.
На нас фашисты нагло шли не зря —
Снарядов не осталось у расчета.
Надеялись, на пушку нас беря:
Раздавим этих птенчиков для счета.
Пылал огонь, как смертная заря.

И вдруг заметил я воронку в стороне,
Один из танков выстрелил по мне —
Но я уже в воронку кувыркнулся.
Взрыв грохнул рядом. И тогда, в огне,
Привстал со связкой я и размахнулся —
Граната, бей по вражеской броне!..

...Три танка я поджег, и все они горят!
И я воспрял, и зол я был, и рад.
Четвертый шел со мною на сближенье.
Тогда с последней связкою гранат
Решил я дать последнее сраженье —
Под гусеницы лечь, пусть знает наших, гад!

Припал к сырой земле я, голову пригнул,
А танк вдруг резко в сторону свернул —
Судьбы горящих трех он испугался.

«Я жив! я победил!» — прошло по мне, как гул.
А танк уже вдали по полю мчался,
И за собой других он потянул...

«Ты подвиг совершил», — сказал мне генерал,
Вручил платок и руку мне пожал... —
Он распахнул шинель: — Вот, если слов вам мало...
Тут «сельсовет» мрачнее тучи стал.
Кульбес, замороженная, молчала:
На гимнастерке орден засверкал.

Помедлив, Баркалбас вновь обратился к ней:
— Всего не скажешь... С тех военных дней
Мне сердце тот платок заветный греет.
Так пахнет он — как дым родных огней!
Ты веришь мне? Тогда идем скорее
С тобою к милой девушке моей.

— Мы к девушке твоей пойдем с тобой сейчас,
Письмо к Сонун читала я как раз,
Но парня, помню, по-другому звали —
Обманется Сонун, не ровен час!..
— Я — Бактыбек, а прозвище мне дали
В аиле нашем люди — Баркалбас.

— А я — твоя Сонун, родной мой человек,
Была я Несмеяной весь свой век —
С тобою только счастье буду знать я! —
Кульбес сказала, чистая, как снег.
И к Бактыбеку бросилась в объятия,
И крепко ее обнял Бактыбек...

Напялив сапоги, весь белый свет кляня,
И шляпу позабыв, — пунцовое огня,
Как будто сердце ночь ему затмила,
Подальше, с глаз долой, средь бела дня
Мчал «сельсовет» по улице айла,
Хлеща нещадно бедного коня.

«О молодость! Теперь немного отдохни,
К тебе вернулись радостные дни», —
Так пели мы на свадьбе, что от века
Длит узы дружбы, братства и родни.
Мы славили Сонун и Бактыбека,
И щедро угощали нас они.

Был звонким смех Кульбес, она была мила,
И, как чинара, снова расцвела.
И Бактыбека — нашего героя —
Как прежде ждали новые дела,
Чтоб жизнь всегда, как свадебной порою,
Прекрасной и цветущею была.

1945

**СТОДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ ЯБЛОНЯ И
СТОПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ
ШЕВКЕТ ГИРЕЙ**

Отзвеневшие дни благодатной поры —
Завершился октябрь, всем поднесший дары!
В это самое время — начала зимы
В спор два старца вступили, что были дружны.

Стало яблоне осенью сто двадцать лет.
Сто пятнадцать годов прожил старый Шевкет.
Целый век она щедро давала плоды,
Он — искусным уходом платил ей в ответ.

С малых лет он старательным был, потому
Каждый год расцветала она и ему
Подносила богатый такой урожай —
Зиму целую яблоки были в дому.

Ну а нынешней осенью яблоня та
Принесла только ворох сухого листа.
И садовник с обидою к ней подошел —
Речь была не достойно их дружбы крута:

«Что случилось, — сказал он, — уж я ль не в чести?
Заупрямилась этак... Не хочешь цвести.
Близок снег... Вон как ветер-то клонит к земле...
Разрубить бы тебя да огонь развести».

«Эй! — сказала она, распрямясь над землей. —
Что поделаешь, но — смерть пришла и за мной.
Делай все, что захочешь, рубить — так руби,
Но сначала ответь на вопрос мой простой.

Пятилетней была я, когда ты на свет
Народился... Кормила тебя с этих лет.

И всё думала я, что, возможно, хоть раз
Скажешь ты мне спасибо за это. Но, нет,

Не сказал. Да грозишься еще вот и сжечь.
Злишься ты, что пора и тебе в землю лечь,
А до смерти твоей дела нет никому...
Возраст твой — не награда, — карающий меч.

Стал ты слаб и ворчлив. Никого не любя,
Мне грубишь вот, а я ведь постарше тебя.
Неужели еще тебе хочется жить?
Лишь у самых негодных такая судьба.

Нет ни сына, ни друга... Давно уж во мгле
Одногодки твои спят глубоко в земле.
Все, с кем близок ты был, — все во власти могил.
И зачем столько жить, знать, хотелось бы мне.

Поглядишь на тебя, — это просто ведь смех:
Безполезной развалиной стал ты для всех.
Лишь одно и подумает: бедный Шевкет,
И каких еще он ждет от жизни утех?

Как другие, не можешь ты ездить верхом.
Не смеешься легко — чтоб светлело кругом.
Чем вот этак у жизни влачиться в ногах,
Почему не попросишь: «Срази меня гром!».

Взъелся вот на меня, — что, мол, толку терпеть
Ту, что больше ничем не полезна тебе...
Как плоды я давала — угодной была,
А засохла — ненужною стала теперь.

Если б умер и лег у моих ты корней,
Снова жизнь появилась бы в кроне моей.
Соки те возвратив, что тебе отдала,
Зацвела бы опять я на радость людей».

«Хе, — ответил садовник, ничуть не сердясь, —
Это все, что хотела спросить ты сейчас?
Вот ответ мой, хоть жаждала ты не его,
А на старую голову выплеснуть грязь...

Говоришь, что плохие живут свыше ста,
Говоришь, что душа у меня не чиста?..
Эй же, глупая! — столько прожившая лет,
Ты забыла, что рядом я был неспроста.

Если б кровь в старом теле стремилась свой бег,
Что там сто — жил бы тысячу лет человек!
Жить подольше — желанье и птиц, и зверей...
Разве ты не хотела б умножить свой век?

Не зарвался я, нет, и в желаньях не слеп.
Может, был у меня незаслуженный хлеб?
Разве мало я сделал добра для других?
Стало немощным тело, но разум — окреп.

Укоряешь меня ты стремлением жить, —
Тем, что раз лишь дано, можно ль не дорожить?
Старость — это еще не усталость. И знай,
Что пришел я на землю не смерть сторожить.

Ты сказала — товарищей нет у меня, —
Если был бы и нынче я весь из огня,
Стал бы другом я даже бездушной арбе,
Что летит по дороге, ухабы браня.

Говоришь, нету сына, несчастлив, мол, я,
Но тебе и неведома радость моя:
Никого не оставляю я после себя,
Кто бы смерть свою ждал, о пощаде моля.

Мол, без меры живу... Это надо же ведь!
Смерти так вот скажи, — вдруг решит умереть...
Что за глупость несешь, несусветную чушь!
Лишь живой я тебе был бы дорог и впредь.

Говоришь, смерти я не прошу у судьбы...
До чего ж твои речи однако глупы.
Будь судьба справедливой, она бы сама
Очи смерти моей гневно вырвала бы.

Жизнь проходит как миг, обозначив порог
Вечной мглы, что над всем верх пока что берет.
Лишь тогда б я считал справедливой судьбу,
Если б все она сделала наоборот.

Ишь сказала, умри, сдобри землю в саду,
Взявши соки твои, я опять зацвету...
Знай же, Яблоня, кто для тебя человек,
Знай, сама на себя навлекла ты беду!

Кто сильнее на земле — человек или ты?
Кто важнее из нас, чьи главнее труды?..»
Так сказав, рассердившийся старый Шевкет
Тут же яблоню ссёк — вгорячах, без нужды.

А буран все крепчал... От вечерней зари
Он с Хан-Тенгри пришел, что, как птица, парит.
Разведя из порубленных веток костер,
У огня сел погреться садовник-старик.

Жар пробрал до костей... Размягчающий, он
Погрузил незаметно сидящего в сон.
Этот сон, что приходит обычно на миг,
Взял садовника нашего в вечный полон.

Все,— отныне ему поутру не вставать.
Что ж, и яблони нет — чтоб ее поливать.
Не упав, он сидел у огня как живой —
Словно бы утверждая еще: «Не бывать!..»

Утром люди пришли. Обступили его...
И решили: зачем хоронить далеко? —
Не на кладбище вырыть могилу, а здесь,
Где росла его яблоня,— лучше всего.

Так и сделали...

Лето сменялось зимой.
На могиле Шевката однажды весной
Разошелся цветов молодых аромат,—
Здесь давно деревцо поднялось над землей!

«Как же так — умер он, а она ожила? —
С удивленьем подумал я. — Ну, и дела...»
И раздался тут голос могильный, глухой:
«Это сила моя жизнь ей снова дала!»

Я б ушам не поверил, не знай одного:
Жизни сад так прекрасен, в нем столько всего!
Жил Шевкет... Мастерство свое отдал другим...
И живет в них...

И вот я услышал его.

ТОПОЛЬ ЭШИМКАНА

Мой друг, эпохе нашей величавой
Лишь тот, кто честен, петь достоин
славу —

Ей не нужны слова лукавого лжеца,
Чье сердце источает зла отраву.

Ведь верность долгу — красота эпохи,
А честность — главная черта эпохи,
Свет истины исходит от ее лица,
Лжи не приемлет прямота эпохи.

Ее богатство в чистоте душевной,
И справедливость — клад ее бесценный —
Вот те сокровища, что всех других ценней:
И золота земли, и звезд вселенной.

Быть может, друг, его ты видел тоже —
Тот тополь, на другие непохожий.
Сказание о нем поведать я хочу,
Пусть славу дерева оно умножит.

Об Эшимкане речь пойдет сначала.
За жизнь свою он повидал немало:
Вставали на пути высокие хребты,
Подстерегали путника обвалы.

Не избалованный судьбой суровой,
Он отдал сердце в дар эпохе новой —
Заботы и дела колхозного села
С тех пор всей жизни сделались основой.

Что было, то прошло и пережито,
И сердце для любви теперь открыто,
Колхозу преданный, несет он в закрома
Дары земли, что им в труде добыты.

Не знал он школы — жизнь его учила,
Из класса в класс нужда переводила.
Теперь он отдает колхозу своему
Все знания, и навыки, и силы.

И, радуясь весенним ярким всходам,
Он словно молодеет с каждым годом.

Уж пятый год подряд ударник

Эшимкан —

Труд Эшимкана оценен народом.

Не пять — он десять лет подряд ударник.

Немало получил наград ударник.

Не только здесь — в селе, и в городе о нем

Все с уважением говорят: ударник!

К нему удача потекла рекою,

Судьба вдруг перестала быть скупой —

Она, как будто за невзгоды прошлых лет,

Расплачивалась щедрою рукою.

Десяток коз всего лишь за два года

Дал сотни полторы голов приплода.

Его козлят щадили стужа, и дожди,

И гололедица, и непогода.

Упомянуть еще о тёлке надо,

О той, что дал ему колхоз в награду —

По сорок литров в день давая молока,

Корова стала украшением стада.

Судьбы его счастливое течение

Сулило всем мечтам осуществленье.

Услышал Эшимкан: «Ты первенца

отец», —

Вернувшись как-то за полночь в селенье.

Соседи, что прослышали про это,

Счастливец поздравляли до рассвета.

На коновязь взглянул под утро Эшимкан:

Стал столб стволом — не счесть зеленых

веток.

Столб за ночь в стройный тополь

превратился.

Был мертвым — стал живым. Листвой покрылся.

Раскинул крону. Корни в глубь земли

пустил.

Народ села лишь ехал да дивился.

Быть может, друг, его ты видел тоже —

Тот тополь, на другие непохожий.

Его и местный житель, и прохожий. зовет

Любому дереву любой породы
Цвести в свой срок велит закон природы,
И зеленеть в свой срок, и сбрасывать
листву,
Страдая от жары и непогоды.

Но этот тополь вечно зеленеет,
Его листва не жухнет, не желтеет,
Ведь Эшимкана благородная душа
Хранит его в жару и в стужу греет.

Деревьев шум не первый год я слышу,
А это дерево поет — я слышу.
«Вот дерево добра прекрасное, как
жизнь!» —
Так говорит о нем народ, я слышу.

Под ним прохладно при любой погоде.
Еще о нем молва идет в народе,
Не знаю, верно ли, но люди говорят:
В его тени любая хворь проходит.

Свернет к нему крестьянин утомленный,
Присядет зноем полдня опаленный,
И сразу силы возвращаются к нему,
Как будто влил их в жилы друг зеленый.

Столетние — не невидаль в округе,
И не слышать давно уж про недуги.
Приходят к тополю частенько старики,
Спокойно посудачить на досуге.

Влюбленных здесь излюбленное место.
И если «да» сказала здесь невеста,
То обязательно счастливым будет брак —
Вот это мне доподлинно известно.

...Шли годы. Дерево уже, пожалуй,
До облаков вершиной доставало.
Им любовался и гордился Эшимкан.
И счастье дом его не покидало.

Рос сын — надежда, продолженье рода.
Ему уже исполнилось три года.
В тот день в честь мальчика отец устроил той,
Созвав на праздник множество народа.

Спустя неделю это и случилось:
Нежданная беда к нему явилась.
Что с тополем? Глазам не верил Эшимкан:
Вся крона будто ржавчиной покрылась.

Поблекшая листва шумела глухо.
Та песня, что ласкала раньше ухо,
Теперь звучала, как печальный тихий стон,
Невыносимо тягостный для слуха.

Всю ночь он проворочался в надежде,
Что завтра снова будет все, как прежде,
Что утром тополь вновь предстанет перед ним
В своей зеленой праздничной одежде.

Стоял июнь. Вокруг все зеленело.
Земля наряды яркие надела.
И лишь на тополе поникшая листва
День ото дня все блекла и желтела.

И вспомнил Эшимкан обычай старый,
И лучшую овцу своей отары
Зарезав, он созвал своих односельчан:
— Кто знает, в чем причина страшной кары?

Стояли молча жители селенья,
Не находя несчастью объясненья.
Виной, быть может, чья-то черная душа?
Неведомое чье-то преступленье?

И каждый из крестьян себя проверил,
И меркою добра и зла измерил
Свои дела, и каждый клятву дал, что он
Ни в малом, ни в большом не слицemerил.

Скажи нам, тополь, не скрывай причины,
Скажи, чьи злые силы здесь повинны?
Внезапно с кроны кровь на землю полилась.
Ствол задрожал от комля до вершины.

И холодом пахнуло вдруг при этом,
И жутко стало людям от ответа,
Что тополь дал им, и шептали старики:
Все неспроста — зловещая примета!

И следующий день был днем печали,
Из памяти уйдет тот день едва ли:
Узнали мы, что вероломные враги
В тот день на нашу родину напали.

Народ страны поднялся для отпора.
Далекий гром заставил вздрогнуть горы,
Джигиты поспешили к пунктам призывным,
Не тротя много времени на сборы.

В своем порыве были мы едины:
Отныне место каждого мужчины
На поле боя — мы должны плечом к плечу
Встать на пути несущей смерть лавины.

На запад уходили эшелоны.
Давали матери, отцы и жены
Наказ солдатам, провожая в дальний путь,
Отдать все силы делу обороны.

И там, где шло великое сражение,
Бурлила жизнь, как будто в наводнение,
В дни таянья снегов, стремительный поток,
И опустели горные селенья.

Дом Эшимкан покинул на рассвете,
Объехал всю округу и не встретил
Ни одного мужчины — все ушли на фронт,—
Лишь старики, да женщины, да дети.

На сборном пункте строгие порядки,
Но, чтобы стать бойцом великой схватки,
Он убедил врачей, что сорок пять ему,
Сам будучи уж на седьмом десятке.

Жене, взглянув на тополь свой печальный,
Он так сказал перед дорогой дальней:
Мой тополь береги и поливай его
Лишь родниковой водой хрустальной.

Шла битва. Опаленное войною
Кровавым было небо над страной,
И все ползли колонны танков, сея смерть,
Руины оставляя за спиною.

Был страшен тополь, до земли склоненный,
Сухие сучья издавали стоны.
В те дни на землю с тяжким стуком падал град
С полужасохшей тополиной кроны.

Решающее слово остается
Всегда за тем, кто за свободу бьется,—
Народ, все силы и все мужество собрав,
Нанес удар по знаку полководца.

Враг дрогнул. Перешли мы в наступление.
Мужая от сражения к сраженью,
Народ-герой громил и гнал врага —
Настали дни расплаты, дни отмщенья.

Не покоренный вражьей силой черной,
Покрылся тополь наш листвою зеленой.
Не кровь, не град — на землю падали цветы,
Как знак побед, с его ожившей кроны.

В селе уже фронтовиков встречали,
С фронтов принесших раны и медали.
И в эти дни угроза вдруг нависла вновь
Над тополем, как мы потом узнали.

Не думайте, что новая угроза
От суховея или от мороза —
Решили тополь Эшимкана погубить
Два местных лодыря — позор колхоза.

Скрывать их имена есть смысл едва ли.
Так вот, Калмат и Шоорук их звали.
Двух трудодней не наберется на счету —
Их в поле-то ни разу не видали.

Они все стонут: — Старость одолела.
А вот в чужой загон залезть умело
Да под покровом темноты украсть овцу,
Для них, скажу я вам, пустое дело.

Когда же в воровстве их уличали,
Они клялись, божились, причитали:
— Знать ничего не знаем. Все пустой навет.
Твоей овцы в глаза мы не видали.

Был, помнится, добротный дом когда-то
У одного из лодырей — Калмата.
Дом все ветшал, и вот в один прекрасный день
Пришлось просить приюта у собрата.

С тех пор и жили вместе два лентяя,
Хозяйства не ведя, забот не зная.
Известно ведь, что так все лодыри живут,
Себя семьею не обременяя.

Не мудрено, что балки обломились,
Раз с крыши снег они сгребать ленились.
Калмат и Шоорук однажды средь зимы
Вдруг под открытым небом очутились.

— Ага, Шоке! Мы в скверном положении, —
Сказал Калмат, — но вижу я спасенье:
Нам нужен тополь Эшимкана позарез.
Вновь будет крыша — просто загляденье.

— Ха-ха, — смеется Шоорук, — прекрасно,
Что тополь наш, мне совершенно ясно.
Раз Эшимкана нет — жену мы проведем,
Не будем времени терять напрасно!

Хоть просто на словах — не тут-то было.
Жена наказа мужа не забыла:
Она в два счета прогнала их со двора,
Еще и тумакami наградила.

И в ту же ночь, конечно, эти двое
Пришли с пилой, задумав дело злое.
Сломалась с первым разом надвое пила.
Наш тополь крепок — не возьмешь пилою!

Калмат сказал: — Давай-ка топорами!
Он ухватил топор двумя руками,
Ударил — да и растянулся на земле,
От удивленья хлопая глазами.

Нет, не под силу злу с добром тягаться!
Не солоно хлебавши убираться
Придется, видно, им. Что делать? В стылый дом
Уныло побрели два тунеядца.

Меж тем наш тополь расцветал все краше,
Ведь приближался День Победы нашей,
Мы шли, громя врага и даже песни птиц
Звучали, словно праздничные марши.

Май грянул над страной — День Победы!
Покончено с войною — День Победы!
Всеобщий праздник. Суюнчи* преподнесли
Земле Чолпон с Луною в День Победы.

Все многолюдней делались селенья.
Мы с нетерпением ждали возвращенья
Всех тех, кому вернуться было суждено,
Скорбя о тех, кто пал в огне сраженья.

Где Эшимкан? Нет в сумке почтальнойной
Ни писем от него, ни похоронной.
Так слушайте: на фронт он так и не попал —
Уж слишком возраст все-таки преклонный.

Он всю войну провел под Ленинградом.
В порту, что был с передним краем рядом,
Грузил боеприпасы. Смерть несли врагам
Внесенные им на корабль снаряды.

В порту его все знали и любили.
Пришла победа. Мы врага разбили.
Пора домой. Ему сказали: — В добрый путь —
На родину с почетом проводили.

И вот он тополь свой увидел снова.
Сын вырос — не узнать. Жена здорова.
Какое это счастье оказаться вновь
В кругу семьи у очага родного!

Пусть отдыхает, мы ж вернемся с вами
К рассказу о лентяях — дни за днями
Калмат и Шоорук бродили по селу
Из дома в дом незваными гостями.

* С у ю н ч и — подарок за радостную весть.

Повсюду люди празднуют победу.
Решай: к какому завернуть соседу?
Ни в чем не упрекнут: «Будь гостем, пей и ешь!»
А что еще-то нужно дармоеду?!

Однажды мимо дома Эшимкана
Они тащились и решили спьяна,
Обиду вспомнив, отомстить его жене.
Да как?! Подлей не выдумать обмана!

— Мы не сказали ей худого слова,—
Так стал один подзуживать другого.
— Как нас с тобой она посмела выгнать вон?!
Из-за нее мы до сих пор без крова!

— Мы скажем ей: «Твой муж погиб!», и сами
Зальемся мы горячими слезами.
— Раз муж погиб, она нам тополь свой отдаст,
И будем мы и с крышей и с дровами.

Пошли, с трудом передвигая ноги,
Свернули к дому пьяницы с дороги,
(Им уподобиться не дай бог никому!)
И вдруг заголосили на пороге.

— О Эшимкан! Эшим наш незабвенный!
Погиб наш досточтимый, несравненный! —
Они кричали, не жалея пьяных слез.
— Теперь засохнет тополь твой бесценный.

А Эшимкан пил чай. Вдруг — что такое?
Жена сказала: — Знаешь, эти двое
Пустились на обман, чтоб тополь твой срубить.
В селе нет никому от них покоя.

К ним вышел Эшимкан. Что с ними было!
От страха дух у них перехватило.
Под тополь в гнев отволол их Эшимкан —
И вас бы эта подлость возмутила!

И благо под рукой была веревка,
Он привязал к стволу обоих ловко:
— Хотели тополь вы заполучить, так вот:
Вам предстоит под тополем ночевка!

И поделом им,— все вокруг сказали.
Когда же их под утро отвязали,
Никто не знает, что в ту ночь произошло,
Но только мы их просто не узнали.

Все говорят, что тополь их исправил,
Окольные пути забыть заставил.
Как знать? Но ни Қалмат, ни Шоорук с тех пор
Ни разу в жизни не слукавил.

Покинуло их души зло, представьте.
Всю лень их как рукой сняло, представьте.
Живут в достатке, получая трудодни.
Их стало уважать село, представьте.

Так стали два пропойца непутевых,
Еще вчера на подлости готовых,
Прекрасными людьми. Приятно побывать
У них в гостях, в домах просторных, новых.

А тополь наш растет все выше, выше.
Раскидистая крона, словно крыша,
Прохожего зовет присесть и отдохнуть.
Едва ли кто в горах о нем не слышал.

Здесь старики ведут о прошлом речи,
Приходит молодежь сюда под вечер,
Я знаю, что опять, как было до войны,
Влюбленные здесь назначают встречи.

Еще, упорно говорят в селенье,
Что он больным приносит облегченье,
Что будто боль от ран, полученных в боях,
Проходит под его густою сенью.

Быть может, друг, его ты видел тоже,
Тот тополь, на другие непохожий.
Он, не старея, будет вечно зеленеть,
И новые о нем легенды сложат.

Из уст в уста передаваться будет
Рассказ об этом небывалом чуде,
О том, как в тополь превратился мертвый столб
На удивленье и на радость людям.

Не облетает лист с него зимою,
И осенью он зелен, как весною,
В любое время года радует людей
Своей вечнозеленою листвою.

1946

СОДЕРЖАНИЕ

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛОДОСТЬ (1932—1940)

От издательства	5
Лучи Победы. Перевод И. Фонякова	10
Наша земля. Перевод М. Ронкина	10
Трудовой накал. Перевод М. Ронкина	10
Девушка-свобода. Перевод М. Ронкина	11
Станем защитниками класса. Перевод В. Шаповалова	11
Красные летчики. Перевод М. Ронкина	13
Рожденный новым. Перевод А. Бережного	15
Вперед, товарищи! Перевод И. Фонякова	17
Партбилет. Перевод М. Ронкина	19
Нас миллионы. Перевод М. Ронкина	19
Молодость. Перевод Л. Аксельруда	20
Чапаев. Перевод В. Цыбина	22
В чайхане. Перевод Л. Аксельруда	22
Джаны-Тескей. Перевод Н. Пустынникова	24
Цветок. Перевод М. Ронкина	28
Тревожно сердцу. Перевод В. Шаповалова	28
Здравствуй, молодость. Перевод М. Ронкина	29
Большое горе. Перевод А. Бережного	29
Любовь. Перевод Н. Пустынникова	30
Скоро. Перевод И. Волобуевой	33
Моей бумаге. Перевод И. Волобуевой	34
Моему карандашу. Перевод И. Фонякова	34
Моим чернилам. Перевод И. Волобуевой	34
Летающему соловью. Перевод В. Цыбина	34
Спустя четыре года. Перевод Т. Стрешневой	35
Маяковскому. Перевод Л. Аксельруда	38
Соловьиная песня. Перевод Л. Аксельруда	38

Колыбельная. Перевод М. Ронкина	39
Ночь любви. Перевод И. Волобуевой	41
Моя дорога. Перевод И. Волобуевой	43
Пушкину. Перевод В. Шаповалова	46
Три воспоминанья. Перевод В. Шаповалова	48
Музыка. Перевод В. Шленского	49
Красота. Перевод Л. Аксельруда	52
Детство. Перевод Л. Аксельруда	53
Портрет. Перевод Л. Аксельруда	55
Кёк-Джайык. Перевод Н. Пустынникова	55
Разговор. Перевод И. Фонякова	60
«Много детишек съехалось...» Перевод Н. Пустынникова	63
«Скакунами быстрыми след в след...» Перевод В. Шленского	64
Джайлоо. Перевод Н. Пустынникова	65

СВОБОДНАЯ ПЕСНЯ (1941—1945)

Высокогорное джайлоо. Перевод Н. Пустынникова	68
Любовь и я. Перевод Л. Аксельруда	69
Луне. Перевод И. Фонякова	69
Почему запаздывает. Перевод В. Цыбина	70
* Не смейся надо мной. Перевод Н. Стефановича	71
Река Тюп. Перевод Л. Аксельруда	72
Ловец счастья. Перевод Л. Аксельруда	73
В пути. Перевод Л. Аксельруда	73
Россия. Перевод М. Ронкина	73
Песня подъема. Перевод В. Шленского	73
* Букентай. Перевод В. Потаповой	74
О, милая моя. Перевод В. Шленского	75
* Красавице. Перевод Н. Стефановича	76
* Груне Савельевне. Перевод В. Звягинцевой	78
Хорошая книга. Перевод В. Шленского	79
Всем сердцем. Перевод М. Ронкина	79
Человек. Перевод М. Ронкина	80
Салют. Перевод В. Шаповалова	80
Современнику. Перевод М. Ронкина	81
Моей жене. Перевод Н. Пустынникова	82
В айле Суюмкула. Перевод Н. Пустынникова	83
Комбай. Перевод А. Бережного	84
Молодая свекловичница. Перевод М. Ронкина	85
Калмыцкий чай. Перевод М. Ронкина	86
Не спеши, друг. Перевод М. Ронкина	86
Кукуруза. Перевод А. Бережного	87
Жизнь. Перевод Т. Стрешневой	87
Чалый мой. Перевод В. Шленского	88

Застенчивая молодая женщина. Перевод Н. Пустынникова	89
Смуглый паренек. Перевод В. Цыбина	89
Жизнь. Перевод Т. Стрешневой	90
Продвижение. Перевод Л. Сушковой	91
Где бы ни был, помню. Перевод Л. Сушковой	91
«Не велика и не мала она...». Перевод Л. Аксельруда	92
«Баю-бай, сынок мой милый...» Перевод Л. Аксельруда	92
О мире на земле. Перевод Л. Аксельруда	93
Ракия. Перевод И. Фонякова	93
Темин. Перевод И. Волобуевой	94
Не поменяюсь с пятилетним. Перевод Н. Пустынникова	95
Кайынды. Перевод Н. Пустынникова	96
* Памятник. Перевод М. Синельникова	97
Века. Перевод М. Синельникова	98
Судьба. Перевод М. Синельникова	98
Напутствие. Перевод В. Шаповалова	99
Моему перу. Перевод М. Синельникова	99
Твоя поэма. Перевод М. Синельникова	101
* Птица-справедливость. Перевод М. Синельникова	101
* Полюбил тебя. Перевод М. Синельникова	102
* Я разлюбил тебя. Перевод М. Синельникова	103
Больной поэт. Перевод М. Синельникова	103
Вы не умерли. Перевод М. Синельникова	104
 ВЕЧНОЕ (1946—1949)	 107
 Стихи мои. Перевод Л. Аксельруда	 108
Русская девушка. Перевод Л. Аксельруда	108
Автобус. Перевод Л. Аксельруда	108
У озера. Перевод Л. Аксельруда	109
* Киргизские горы. Перевод В. Потаповой	109
* Я уехал, когда созревала черешня. Перевод В. Богачева	109
Гром. Перевод Л. Аксельруда	110
* Песня о дожде. Перевод А. Глобы	110
Дни. Перевод Л. Аксельруда	111
* 31 декабря 1945. Перевод И. Волобуевой	112
Домик на пригорке. Перевод М. Синельникова	113
* Материнская сила. Перевод М. Синельникова	114
* Не волны, а лебеди. Перевод И. Волобуевой	114
* Я путник. Перевод М. Синельникова	115
Родной аил. Перевод М. Синельникова	115
* Девушка в шелковом платье. Перевод В. Петровых	116
Отчее озеро. Перевод В. Шаповалова	116
Иссык-Кулю. Перевод Л. Аксельруда	117

Сбор яблок. Перевод Л. Аксельруда	117
* Иссык-Куль вечерний. Перевод В. Леоновича	118
Колхозный сад. Перевод И. Волобуевой	118
Эй, поливальщик. Перевод И. Волобуевой	119
У железной дороги Быстровка — Балыкчи. Перевод Л. Сушковой	119
Ночь на джайлоо. Перевод Н. Пустынникова	119
Женщине. Перевод М. Синельникова	121
«Вдоль русла гнали резвых кобылиц...» Перевод В. Шленского	121
Белый кречет Айчурек. Перевод Н. Пустынникова	122
* Журавли и дети. Перевод М. Петровых	122
* Счастье. Перевод В. Звягинцевой	123
* Белая береза. Перевод О. Ивинской	123
* Ведро воды. Перевод Н. Чуковского	124
* «От жизни отречься — могу без труда!» Перевод В. Леоновича	124
* «Нахмурится озеро — туча черна...» Перевод В. Леоновича	124
Премия. Перевод А. Бережного	125
Мать-героиня. Перевод М. Ронкина	125
«Светла и прозрачна вода...» Перевод М. Ронкина	126
Монолог страдающего от безответной любви. Перевод Н. Пустынникова	127
Ай, Джамия, Джамия. Перевод В. Цыбина	128
Марш артиллеристов. Перевод А. Бережного	128
Встреча. Перевод Т. Стрешневой	129
Проводы. Перевод В. Шленского	130
Бекбекей. Перевод Т. Стрешневой	130
«Больших вершин искал...» Перевод М. Ватагина	131
Песня летчиков. Перевод И. Фонякова	131
* Зимний буран. Перевод М. Синельникова	132
* «Как оценят меня, никогда я не знал...» Перевод М. Синельникова	132
* «Ночью крепко заснул, встал легко на заре...» Перевод М. Синельникова	133
* Мой дом. Перевод М. Синельникова	133
* Ночи во Фрунзе. Перевод М. Синельникова	134
* У жизни слово есть. Перевод М. Синельникова	135
Перепелка. Перевод Л. Аксельруда	135
Мой дорогой город. Перевод Л. Аксельруда	136
Строитель. Перевод Л. Аксельруда	138
* Поэзии. Перевод В. Звягинцевой	139
Потерянная тетрадь. Перевод Н. Пустынникова	140
Люди труда. Перевод Л. Сушковой	141
Красный обоз. Перевод Т. Стрешневой	142
Весна. Перевод В. Цыбина	142
Выращивающий дыни. Перевод И. Фонякова	143
* Русский народ. Перевод И. Сельвинского	143
* Журавли. Перевод И. Волобуевой	144

Турсун-апа. Перевод М. Ронкина	145
* Когда мне удастся написать хорошие стихи. Перевод Ю. Нейман	146
* Мои глаза остры. Перевод М. Синельникова	146
* Заблуждение. Перевод Ю. Нейман	147
* Родной язык. Перевод В. Потаповой	148
* Маляр. Перевод С. Обрадовича	148
* Солнцу. Перевод И. Волобуевой	149
* Если песнь легко струится...» Перевод В. Богачева	149
* Будь гостем. Перевод С. Обрадовича	150
* Есть следы такие... Перевод Н. Чуковского	150
* «След весла, крутятся, теряясь...» Перевод В. Богачева	151
* Выпал снег. Перевод М. Синельникова	151
Я повидал завод. Перевод В. Шаповалова	152
* Каменобойцы. Перевод М. Синельникова	153
* Я корабль. Перевод М. Синельникова	153
* О себе. Перевод М. Синельникова	154
* Мне понравилось. Перевод М. Синельникова	155
Вечное. Перевод Л. Сушковой	155
«То спокойна, как уснувшее крыло...» Перевод Л. Сушковой	156
Лишь строка, лишь мелодия. Перевод Л. Сушковой	156
* Гроза. Перевод В. Потаповой	157
* «Веселая, печальная...» Перевод Р. Сефа	157
Ночной совет. Перевод Н. Пустынникова	157
* «Покой в душе. И на сердце — весна...» Перевод В. Мартынова	158
* А что, если... Перевод И. Волобуевой	159
* «Я жизни не прожил, но кончилась жизнь...» Перевод И. Волобуевой	160
* «Из дальней дали, словно вихрь степной...» Перевод Н. Глазкова	160
Радость. Перевод М. Ронкина	161
Мой кетмень. Перевод М. Ронкина	161
Секретарь райкома. Перевод М. Ронкина	162
Прощание. Перевод М. Ронкина	162
Дженишкан-ата. Перевод В. Шаповалова	163
* «Пусть двинется сель...» Перевод М. Синельникова	164
* Я родился. Перевод М. Синельникова	165
* «Пусть вдали от дома...» Перевод М. Синельникова	165

ПОЭМЫ

Земля, Земля!.. Перевод М. Ронкина	168
* Мать. Перевод В. Леоновича	176
Кулийпа. Перевод А. Никитенко	182
* Характеры. Перевод М. Синельникова	186
* Воскресшие из мертвых. Перевод Ю. Неймана	189

Майская ночь. Перевод А. Бережного	204
Махабат. Перевод А. Никитенко	211
* Дженишбек. Перевод М. Синельникова	213
* Карагул. Перевод М. Синельникова	217
Кто же он? Перевод А. Никитенко	224
Стодвадцатилетняя яблоня и стопятнадцатилетний Шевкет Гирей. Перевод Н. Пустынникова	232
* Тополь Эшимкана. Перевод М. Еремина	238

Алыкул Осмонов

ОТЧИЙ КРАЙ

Стихотворения и поэмы

Рецензент Е. Г. Колесников

Редактор В. И. Виноградова

Художник Д. Джумабаев

Худож. редактор С. Ямгирчиев

Техн. редактор К. Бурганакоева

Корректор В. К. Заруцкая

ИБ № 3543

Сдано в набор 07.06.86. Подписано к печати 12.01.87. Д—05266. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 8,0 физич. печ. л. 13,44 условн. печ. л. 12,42 учетно-изд. л. 20,315 усл. кр.-отт. Тираж 3000. Заказ № 272. Цена 1 р. 10 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Кыргызстан».
720737, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР.
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

Уважаемые читатели!

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу:

720737, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.
Издательство «Кыргызстан», редакция художественной оригинальной литературы.